

Генрих Гейне

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с немецкого

Москва
«Художественная литература»
1985

И (Нем)
Г 29

Классики и современники

*Поэтическая
библиотека*

HEINRICH HEINE

Составление и примечания

А. Дмитриева

Художник

И. Шипулин

© Состав, примечания, оформление. Издательство «Художественная литература», 1985 г.

КНИГА ПЕСЕН

ЮНОШЕСКИЕ СТРАДАНИЯ

* * *

Колыбель моих страданий,
Дней беспечных саркофаг!
Предо мною путь скитаний,
Всех тебе, мой город, благ!

Всех вам благ, места святые,
Милой девушки крыльцо,
Дом святой, где я впервые
Видел милое лицо!

Лучше б ты мне не встречалась,
Королева тайных дум!
Вызывал бы разве жалость,
Был бы бледен и угрюм?

О любви я не молил бы,
Не вверял тебе мечты.
Самой тихой жизнью жил бы,
Где живешь и дышишь ты.

Но всегда меня гнала ты,
Не жалела едких слов.
Я изведаль боль утраты,
Я с ума сойти готов.

И, больной, бессильный, вялый,
Взял я посох — и бреду
И покой груди усталой
Средь чужих могил найду.

ГРЕНАДЕРЫ

Во Францию два гренадера
Из русского плена брели,
И оба душой приуныли,
Дойдя до немецкой земли.

Придется им — слышат — увидят
В позоре родную страну...
И храброе войско разбито,
И сам император в плену!

Печальные слушая вести,
Один из них вымолвил: «Брат!
Болит мое скорбное сердце,
И старые раны горят!»

Другой отвечает: «Товарищ!
И мне умереть бы пора;

Но дома жена, малолетки:
У них ни кола ни двора.

Да что мне? просить Христа ради
Пуцу и детей и жену...
Иная на сердце забота:
В плену император! в плену!

Исполни завет мой: коль здесь я
Окончу солдатские дни,
Возьми мое тело, товарищ,
Во Францию! там схорони!

Ты орден на ленточке красной
Положишь на сердце мое,
И шпагой меня опояшешь,
И в руки мне вложишь ружье.

И смирно, и чутко я буду
Лежать, как на страже, в гробу...
Заслышу я конское ржанье.
И пушечный гром, и трубу.

То Он над могилою едет!
Знамена победно шумят...
Тут выйдет к тебе, император,
Из гроба твой верный солдат!»

БАЛТАСАР

Полночный час уж наступал;
Весь Вавилон во мраке спал.

Дворец один сиял в огнях,
И шум не молк в его стенах.

Чертог царя горел как жар:
В нем пировал царь Валтасар, —

И чаши обходили круг
Сиявших златом царских слуг.

Шел говор: смел в хмелю холоп,
Разглаживался царский лоб, —

И сам он жадно пил вино.
Огнем вливалось в кровь оно.

Хвастливый дух в нем рос. Он пил
И дерзко божество хулил.

И чем наглей была хула,
Тем громче рабская хвала.

Сверкнувши взором, царь зовет
Раба и в храм Иеговы шлет,

И раб несет к ногам царя
Златую утварь с алтаря.

И царь схватил святой сосуд.
«Вина!» Вино до края льют.

Его до дна он осушил
И с пеной у рта возгласил:

«Во прах, Иегова, твой алтарь!
Я в Вавилоне бог и царь!»

Лишь с уст сорвался дерзкий клик,
Вдруг трепет в грудь царя проник.

Крутом угас немолчный смех,
И страх и холод обнял всех.

В глуби чертога на стене
Рука явилась — вся в огне...

И пишет, пишет. Под перстом
Слова текут живым огнем.

Взор у царя и туп и дик,
Дрожат колени, бледен лик.

И нем, недвижим пышный круг
Блестящих златом царских слуг.

Призвали магов; но не мог
Никто прочесть горящих строк.

В ту ночь, как теплилась заря,
Рабы резали царя.

* * *

Разубранному в золото чурбану
Я возжигать не буду фимиам,
Клеветнику руки я не подам,
Не поклонюсь ханже и шарлатану.

Пред куртизанкой спину гнуть не стану,
Хоть роскошью она прикроет срам,
Не побегу за чернью по пятам
Кадить ее тцеславному тирану.

Погибнет дуб, хоть он сильнее стебля,
Меж тем тростник, безвольно стан колебля,
Под бурями лишь клонится слегка.

Но что за счастье жребий тростника?
Он должен стать иль тростью франта жалкой,
Иль в гардеробе выбивальной палкой.

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

* * *

Чудесным светлым майским днем,
Когда весь мир в цветенье,
В душе моей раскрылась
Любовь в одно мгновенье.

Чудесным светлым майским днем,
Под птичий гам и пенье
Поведал я любимой
О муке и томленьи.

* * *

Я в чашу лилии белой
Всю душу свою волью,
Чтоб песенка прозвенела
Про милую мою.

И будет песня крылата,
И трепетна, и нежна,
Как тот поцелуй, что когда-то
Мне подарила она.

* * *

На крыльях песни, подруга,
Со мной умчишься ты
На Ганг, под небо юга,
В чудесный край мечты.

Там, весь в багряном цвете,
Растет волшебный сад.
Там лотосы в лунном свете
О милой сестрице грустят.

Фиалки смеются лукаво,
И тянутся розы к звездам,
И шепчут душистые травы
Душистую сказку цветам.

Пугливо подходят газели
И слушают шум ветерка,
И волнами еле-еле
Священная плещет река.

Под пальмами вместе с тобою
Я там опущусь на траву,
Предамся любви и покою,
Блаженному сну наяву.

* * *

Поднявшись над зеркалом Рейна,
Глядится в зыбкий простор
Святыня великого Кельна,
Великий старый собор.

И есть в том соборе Мадонна,
По золоту писанный лик,
Чей кроткий свет благосклонно
В мой мир одичалый проник.

Вкруг Девы цветы, херувимы
Парят в золотых небесах,
Но явное сходство с любимой
В улыбке, в губах и глазах.

* * *

На глазки возлюбленной моей
Создал я чудо-канцоны;
На ротик, что так хорош у ней,
Создал живые терцины;

На щечки, что свежих роз свежей,
Создал роскошные стансы.
Как жаль, что у милой сердечка нет, —
Не то я славный сложил бы сонет.

* * *

Ангел мой, я жду ответа,
Может быть, была ты сном,
Одурманившим поэта
Летом в сумраке лесном.

Но лицо, и стан, и ножки,
Этих глаз волшебный свет, —
Нет, такой прелестной крошки
Не создаст вовек поэт.

Змей, драконов безобразных,
Монстров, пьшущих огнем,
Вот каких уродов разных
Мы, поэты, создаем.

Но тебя, твой смех прелестный,
Твой лукавый смех — о нет!
Твой, плутовка, взор небесный
Не создаст вовек поэт.

* * *

Как из пены волн рожденная,
И прекрасна и пышна,
За другого обрученная,
Дышит прелестью она.

Сердце многотерпеливое!
Не ропщи и не грусти
И безумство торопливое
Бедной женщине прости.

* * *

Я не сержусь: простить достало сил,
Ты больше не моя, но я простил.
Он для других, алмазный этот свет,
В твоей душе ни точки светлой нет.

Не возражай! Я был с тобой во сне;
Там ночь росла в сердечной глубине,
А жадный змей все к сердцу припадал...
Ты мучишься... я знаю... я видал....

* * *

Рокочут трубы оркестра,
И барабаны бьют.
Это мою невесту
Замуж выдают.

Гремят литавры лихо,
И гулко гудит контрабас.
А в паузах ангелы тихо
Вздыхают и плачут о нас.

* * *

Отчего весенние розы бледны,
Отчего, скажи мне, дитя?
Отчего фиалки в расцвете весны
Предо мной поникают, грустя?

Почему так скорбно поет соловей,
Разрывая душу мою?
Почему в дыханье лесов и полей
Запах тлена я узнаю?

Почему так сердито солнце весь день,
Так желчно глядит на поля?
Почему на всем утрюмая тень
И мрачнее могилы земля?

Почему, объясни, — я и сам не пойму, —
Так печален и сумрачен я?
Дорогая, скажи мне, скажи, почему,
Почему ты ушла от меня?

* * *

Они наплели немало
Тебе и вкривь и вкось;
О том, что мне душу терзало,
Им все ж умолчать пришлось.

Они головой качали,
Мои разбирая черты,
И злым меня называли —
Всему поверила ты.

А худшего к тому же
Никто из них не знал:
Что было глупей и хуже
Всего — то в груди я скрывал.

* * *

И розы на щечках у милой моей,
И глазки ее — незабудки,
И белые лилии — ручки-малютки —
Цветут все свежей и пышней...
Одно лишь сердечко засохло у ней!

* * *

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна,
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой —
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горючем
Прекрасная пальма растет.

* * *

Из муки моей нестерпимой
Рождается песенок стая.
Они, со звоном взлетая,
Несутся к сердцу любимой.

И стаю легкокрылой
Ко мне возвращаются снова,
И горько скорбят, и ни слова
О том, что в сердце у милой.

* * *

Надев сюртучки побогаче,
Мещане гуляют в лесу,
Резвятся в восторге телячьем
И славят природы красу.

И тонут в блаженстве их души,
Цветет романтически дол!
И внемяют, развесивши уши,
Как в чаще щебечет щегол.

А я свои окна закрою
От света черным сукном;
Мои привиденья порою
Меня посещают и днем.

Приходит любовь былая
Ко мне из забытых дней,
Садится со мной, рыдая,
И я рыдаю с ней.

* * *

Юноша девушку любит,
А ей полюбился другой.
Но тот — не ее, а другую
Назвал своей дорогой.

За первого встречного замуж
Та девушка с горя идет,
А юноша тяжело страдает,
Спасенья нигде не найдет.

История эта — не новость,
Так было во все времена,
Но сердце у вас разобьется,
Коль с вами случится она.

* * *

Из старых сказок машет
Рукой лилейной мне,
Колдует что-то, пляшет,
Поет о той стране,

Где все цветы огромны,
Где в предвечерний час
Они, влюбленно-томны,
С подруг не сводят глаз.

И речь дана растениям,
И лес поет звончей,
И музыкой, и пеньем
Скликает в пляс ручей.

И славят хором всюду
Любовь, и наяву
Ты приобщишься к чуду,
Ты веришь волшебству.

Туда, туда б умчаться
И сердцем расцвести,
С печалью распрощаться
И радость обрести!

Ах, в этот край блаженный
Меня уводит сон,
Но утром легкой пеной
Бесследно тает он.

* * *

Они меня истерзали
И сделали смерти бледней, —
Одни — своею любовью,
Другие — враждою своей.

Они мне мой хлеб отравили,
Давали мне яду с водой, —
Одни — своею любовью,
Другие — своею враждой.

Но та, от которой всех больше
Душа и доселе больна,
Мне зла никогда не желала,
И меня не любила она.

* * *

На щечках твоих румянец,
Как жаркое лето, цветет.
Сердечко твое снегами
Вот-вот зима занесет.

Но верь, моя дорогая,
Всему свой час и черед:
Щеками зима завладеет,
А в сердце лето придет.

* * *

Двое перед разлукой,
Прощаясь, подают
Один другому руку,
Вздыхают и слезы льют.

А мы с тобой не рыдали,
Когда нам расстаться пришлось.
Тяжелые слезы печали
Мы пролили позже — и врозь.

* * *

За столиком чайным в гостиной
Спор о любви зашел.
Изысканны были мужчины,
Чувствителен нежный пол.

«Любить платонически надо!» —
Советник изрек приговор,
И был ему тут же наградой
Супруги насмешливый взор.

Священник заметил: «Любовью,
Пока ее пыл не иссяк,
Мы вред причиняем здоровью».
Девушка спросила: «Как так?»

«Любовь — это страсть роковая!» —
Графиня произнесла
И чашку горячего чая
Барону, вздохнув, подала.

Тебя за столом не хватало.
А ты бы, мой милый друг,
Верней о любви рассказала,
Чем весь этот избранный круг.

* * *

Мне сон старинный приснился опять:
Под липой сидели мы оба
Ночную порой и клялись соблюдать
Друг другу верность до гроба.

Что было тут! Клятва за клятвою вновь,
И ласки, и смех! Что тут было!
Чтоб вечно я помнил твою любовь,
Ты в руку меня укусила.

О милая, с ясным сияньем очей,
С опасною прелестью взгляда,
Я знаю, что клятвы в порядке вещей,
Но вот кусаться — не надо!

* * *

Во сне я горько плакал:
Мне снилось, тебя погребли,
И я проснулся в страхе,
И все еще слезы текли.

Во сне я горько плакал:
Мне снилось, забыт я тобой,
И я проснулся и долго
Рыдал над своей судьбой.

Во сне я горько плакал:
Мне снилось, мы вновь вдвоем,
И я проснулся, и слезы
Доныне льются ручьем.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

* * *

Не знаю, что стало со мною,
Душа моя грустью полна.
Мне все не дает покою
Старинная сказка одна.

День меркнет. Свежеет в долине,
И Рейн дремотой объят.
Лишь на одной вершине
Еще пылает закат.

Там девушка, песнь распевая,
Сидит высоко над водой.
Одежда на ней золотая,
И гребень в руке — золотой.

И кос ее золото вьется,
И чешет их гребнем она,
И песня волшебная льется,
Так странно сильна и нежна.

И, силой плененный могучей,
Гребец не глядит на волну,
Он рифов не видит под кручей, —
Он смотрит туда, в вышину.

Я знаю, волна, свирепея,
Навеки сомкнется над ним, —
И это все Лорелея
Сделала пеньем своим.

* * *

Печаль, печаль в моем сердце,
А май расцветает кругом!
Стою под липой зеленой
На старом валу крепостном.

Внизу канал обводный
На солнце ярко блестит.
Мальчишка едет в лодке,
Закинул лесу — и свистит.

На том берегу пестреют,
Как разноцветный узор,
Дома, сады и люди,
Луга, и коровы, и бор.

Служанки белье полощут,
Звонят их голоса,
Бормочет мельница глухо,
Алмазы летят с колеса.

А там — караульная будка
Под башней стоит у ворот,
И парень в красном мундире
Шагает взад и вперед.

Своим ружьем он играет,
Горит на солнце ружье.
Вот вскинул, вот взял на мушку, —
Стреляй же в сердце мое!

* * *

По роще брожу я, рыдая,
В ветвях замечаю дрозда,
И свищет мне птица лесная:
«Какая случилась беда?»

Сестер своих, ласточек сизых,
Спросил бы ты лучше о ней:
Гнездятся они на карнизах
У окон любимой моей.

* * *

Когда мне семью моей милой
Случилось в пути повстречать,
Все были так искренне рады —
Отец и сестренка, и мать.

Спросили, как мне живется
И как родные живут.
Сказали, что я все такой же
И только бледен и худ.

И я расспросил — о кузинах,
О тетках, о скучной родне,
О песике, лаявшем звонко,
Который так нравился мне.

И после о ней, о замужней,
Спросил невзначай: где она?
И дружески мне сообщили:
Родить через месяц должна.

И дружески я поздравлял их,
И я передал ей привет,

Я пожелал ей здоровья
И счастья на много лет.

«А песик, — вскричала сестренка. —
Большим и злющим стал,
Его утопили в Рейне,
А то бы он всех искусал».

В малютке с возлюбленной сходство,
Я тот же смех узнаю
И те же глаза голубые,
Что жизнь загубили мою.

* * *

Красавица рыбачка,
Причаливай сюда!
Сядь возле меня, поболтаем,
Ну что ты робеешь всегда?

Не бойся, дай мне руку,
Склонись на сердце ко мне.
Ты в море привыкла вверяться
Изменчивой, бурной волне.

А в сердце моем, как в море,
И ветер поет, и волна,
И много прекрасных жемчужин
Таит его глубина.

* * *

Когда твоим переулком
Пройти случается мне,
Я радуюсь, дорогая,
Тебя увидев в окне:

За мной ты большими глазами,
С немым удивленьем следишь:
«Скажи, незнакомец, кто ты?
О чем ты всегда грустишь?»

Дитя, я поэт немецкий,
Известный в немецкой стране.
Кто лучших людей воспоминает,
Тот вспомнит и обо мне.

И многие вместе со мною
Грустят в немецкой стране.
Кто знает великое горе,
Тот знает, как горько мне.

* * *

На пасмурном горизонте,
Как призрак из глуби вод,
Венчанный башнями город
Во мгле вечерней встает.

Под резким ветром волны
Идут по реке тяжело.
И медленно, в траурном ритме,
Гребец мой заносит весло.

Прощаясь, вспыхнуло солнце,
И хмурый луч осветил
То место, где все потерял я,
О чем мечтал и грустил.

* * *

Город уснул, я брожу одиноко,
И вот ее дом, и над входом окно.
Любимой нет, она далёко,
А дом стоит, как стоял он давно.

Пред ним человек. Он ломает руки.
Он ждет, он ищет хоть призрак в окне!
Мне жутко: в лице, побледневшем от муки,
Себя самого я узнал при луне.

Двойник мой неведомый, брат мой кровный,
Чего ты ждешь, не зная сна,
Измученный тоской любовной,
Как я в былые времена?

* * *

Сменяются поколения.
Приходят, уходят года,
И только одна в моем сердце
Любовь не умрет никогда.

Хоть раз бы тебя увидеть,
И пасть к твоим ногам,
И тихо шепнуть, умирая:
«Я вас люблю, мадам!»

* * *

Что нужно слезе одинокой?
Она мне туманит глаза.
Одна от времен забытых
Осталась эта слеза.

Ее прозрачные сестры
Исчезли уже давно.
Так вся моя радость и горе —
Все ветром унесено.

И синие звезды исчезли,
Как предрассветная мгла,
Те звезды, чья улыбка
Мне счастьем и горем была.

И даже любовь исчезла,
Как все бывшие мечты.
Слеза одинокой печали,
Пора, — исчезни и ты.

* * *

Любовь, толкуют люди,
Жизнь отравила мне.
И, право, толкуют недаром,
Я с ними согласен вполне.

Моя синеглазая крошка,
Тебе говорил я давно,
Что ты моя жизнь и счастье,
Что сердце тобою полно.

Но только в мечтах одиноких
Я был настойчив и смел.
Увы! При тебе я ни разу
Двух слов связать не сумел.

Как будто недобрые духи
Мне рот зажимали тотчас.
Увы, недобрые духи,
Как жалок я стал из-за вас!

* * *

Неужели ты ни разу
Ей в любви не объяснился
И в глазах ее взаимность
Прочитать не потрудился?

В душу ей до дна проникнуть
Неужель не стало силы?
Но ведь ты в делах подобных
Не осёл же, друг мой милый?

* * *

Пока изливал я вам скорбь и печали,
Вы все, безнадежно зевая, молчали,
Но только я в рифмах заворковал,
Наговорили вы кучу похвал.

* * *

Не подтрунивай над чертом, —
Годы жизни коротки,
И загробные мученья,
Милый друг, не пустяки.

А долги плати исправно.
Жизнь не так уж коротка, —
Занимать еще придется
Из чужого кошелька.

* * *

Мы были совсем еще дети,
Нам нравилось поутру
Забраться в старый курятник,
В соломе затеять игру.

А то принимались кудахтать,
Кукарекать наперебой,
И думали люди, что это
Петух, а не мы с тобой.

Собирали разную рухлядь,
Роскошный строили дом
И, оклеив обоями стены,
Гостей принимали в нем.

Соседская старая кошка
Спешила провести нас,
Ее мы встречали поклоном
И множеством лестных фраз.

«Как Ваше здоровье, фрау?» —
Мы спрашивали всерьез;
Мы каждой соседской кошке
Задавали тот же вопрос.

И, как старики, степенно
Часами сидели в тени,
Сокрушаясь, насколько лучше
Все было в прежние дни.

Любовь, и вера, и верность
Остались в жизни другой,
И деньги текут сквозь пальцы,
И кофе такой дорогой...

Ребятчи минули игры,
Любовь — кто вспомнит о ней?
Ни верности нет, ни веры,
Ни денег, ни прежних дней.

* * *

Я как-то грустно-беспокоен,
Я размечтался о былом:
Наш мир уютней был устроен,
И люди тише жили в нем.

А нынче с петель мир сорвался,
Везде смятенье, шум и звон!
Вверху, видать, господь скончался,
А черт — внизу скончался он.

На всем какой-то холод тленья,
Так больно и пестро глазам —
И только каплей утепенья
Любовь еще осталась нам.

* * *

Как из тучи светит месяц
В темно-синей выпине,
Так одно востомиванье
Где-то в сердце светит мне.

Мы на палубе сидели,
Гордо плыл нарядный бот.
Над широким, вольным Рейном
Рдел закатом небосвод.

Я у ног прекрасной дамы
Зачарованный сидел,
На щеках ее румянцем
Яркий луч зари блестел.

Волны рдели, струны пели,
Вторил арфам звонкий хор.
Шире сердце раскрывалось,
Выше синий влек простор.

Горы, замки, лес и доли
Мимо плыли, как во сне,
И в глазах ее прекрасных
Это все сияло мне.

* * *

Довольно! Пора мне забыть этот вздор!
Пора мне вернуться к рассудку!
Довольно с тобой, как искусный актер,
Я драму разыгрывал в шутку!

Расписаны были кулисы пестро,
Я так декламировал страстно.
И мантии блеск, и на шляпе перо,
И чувства — все было прекрасно.

Но вот, хоть уж сбросил я это тряпье,
Хоть нет театрального хламу,
Доселе болит еще сердце мое,
Как будто играю я драму!

И что я поддельною болью считал,
То боль оказалась живая, —
О боже! Я, раненный насмерть, играл,
Гладиатора смерть представляя!

* * *

Хотелось, чтоб вместе мы были,
Душа бы покой обрела,
Да все тебя торопили,
Ждали тебя дела.

Твердил я, что я тебя встретил,
Чтоб нам вовек быть вдвоем,
А ты посмеялась над этим
И сделала книксен при сем.

Не ведая сострадания,
Мою растравляла ты боль —
Мы даже на прощанье
Не поцеловались с тобой.

Ты мнила, что, в петлю толкая,
Погубит меня твой отказ,
Но это со мной, дорогая,
Не в первый случается раз.

* * *

У вас вечеринка сегодня, —
И дом сияет в огне,
И твой силуэт освещенный,
Я вижу, мелькает в окне.

Но ты не глядишь и не видишь
Меня в темноте под окном.
Еще труднее заметить,
Как сумрачно в сердце моем.

А сердце печально томится,
И кровью сочится опять,
И любит, и рвется на части...
Но это тебе не видать.

* * *

Хотел бы в единое слово
Я слить мою грусть и печаль
И бросить то слово на ветер,
Чтоб ветер унес его вдаль.

И пусть бы то слово печали
По ветру к тебе донеслось,
И пусть бы всегда и повсюду
Оно тебе в сердце лилось!

И если б усталые очи
Сомкнулись под грезой ночной,
О, пусть бы то слово печали
Звучало во сне над тобой!

* * *

Кто впервые в жизни любит,
Пусть несчастен — все ж он бог.
Но уж кто вторично любит
И несчастен, тот дурак.

Я такой дурак — влюбленный
И, как прежде, нелюбимый.
Солнце, звезды — все смеются.
Я смеюсь — и умираю.

* * *

С тобою в ночном дилижансе
Мы ехали наедине,
Ты смехом на смех отвечала
И ластилась нежно ко мне.

Но как мы с тобой удивились,
Когда рассвело за окном:
Амур, пассажир безбилетный,
Подсел к нам в дороге тайком.

* * *

И если ты станешь моей женой,
Все кумушки лопнут от злости.
То будет не жизнь, а праздник сплошной:
Подарки, театры и гости!

Ругай меня, бей! — на все я готов,
Мы брань прекратим поцелуем.
Но если моих не похвалишь стихов,
Запомни: развод неминуем!

* * *

К плечу белоснежному милой
Припав безмятежно щекой,
Узнал я по трепету сердца,
Что в нем потревожен покой.

Трубят голубые гусары,
Въезжая под своды ворот.
И ты меня завтра покинешь,
Едва только солнце взойдет.

Ты завтра меня покинешь.
А нынче, пока ты моя,
В объятиях нежных двойное
Блаженство изведаю я.

* * *

Трубят голубые гусары.
Насилу их бог унес.
И я прихожу к тебе снова
С букетом алых роз.

Здесь дикое было раздолье,
Солдатский постой, привал.
Небось не один в твоём сердце
Военный квартировал.

* * *

Я и сам в былые годы
Перенес любви невзгоды,
Я и сам сторал не раз;
Но дрова всё дорожают,
Искры страсти угасают...
Ma foi!¹ — и в добрый час.

¹ Черт возьми! (фр.)

Поняла?.. Отри же слезы;
Прогони смешные грезы
Вместе с глухою тоской;
Будь похожа на живую
И забудь любовь былую —
Ma foi! — хоть бы со мной.

* * *

Ах, опять тот взор, что прежде
Наполнял мне душу светом,
Губы алые, как прежде,
Дышат сладостным приветом.

Голос — ласковый, как прежде,
Тот, каким он сердцу снился,
Только я не тот, что прежде,
Я в разлуке изменился.

И хоть пылки, томны, страстны
Эти трепетные руки,
Я лежу в ее объятьях
Полный желчи, полный скуки.

* * *

Кричат, негодуя, кастраты,
Что я не так пою.
Находят они грубоватой
И низменной песнь мою.

Но вот они сами запели
На свой высокий лад.

Рассыпали чистые трели
Тончайших стеклянных рулад.

И, слушая вздохи печали,
Стенанья любовной тоски,
Девицы и дамы рыдали,
К щекам прижимая платки.

* * *

Я с первых же слов, по улыбке, по взглядам,
Увидел, что ей подойти бы я мог.
Когда б не торчала мамаша рядом,
Клянусь, поцелуй уже был недалек.

Но мы разошлись, и прощай, моя крошка,
Назавтра мне ехать — горюй не горюй!
Иду — и, скажите! стоит у окошка,
И тут я воздушный послал поцелуй.

* * *

Вечереет. Поздним летом
Пахнет в рощах задремавших.
Золотой на небе синем
Светит месяц кротким светом.

У ручья сверчок пугливый
Заскрипел, и тень мелькнула.
Путник слышит тихий шорох,
Осторожный плеск под ивой.

Там, в ручье, лесная фея
Умывается, плескаясь,
Под луной спина и руки
Будто светятся, белея.

* * *

В сердце боль, устали ноги,
Ночь вокруг, земля чужая,
Вдруг блеснул мне серп двурогий,
Как привет родного края.

И в лучах его сиянья
Страхи ночи растворились,
И растаяли страданья,
И росой глаза покрылись.

* * *

Где, скажи мне, та, чью прелесть
Цел ты, в сердце уязвленный,
Полный пламенем волшебным,
Вдохновенный и влюбленный?

Ах, погас волшебный пламень,
Сердце холодно и вяло.
Эта книжка — урна с пеплом
Той любви, что в нем пылала.

ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГАРЦУ»

1824

ПРОЛОГ

Фраки черные, чулочки,
Белоснежные манжеты, —
Только речи и объятья
Жарким сердцем не согреты,

Сердцем, бьющимся блаженно
В ожиданье высшей цели.
Ваши лживые печали
Мне до смерти надоели.

Ухожу от вас я в горы,
Где живут простые люди,
Где привольно веет ветер,
Где дышать свободней будет.

Ухожу от вас я в горы,
Где шумят густые ели,
Где журчат ключи и птицы
Вьются в облачной купели.

Вы, прилизанные дамы,
Вы, лощенные мужчины,
Как смешны мне будут сверху
Ваши гладкие долины!..

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

1825—1826

ЦИКЛ ПЕРВЫЙ

ВЕНЧАНИЕ

Песни, мои добрые песни!
Проснитесь, проснитесь, наденьте доспехи.
Затрубите в трубы
И поднимите на щит
Эту юную девушку,
Которая будет отныне
Владеть моим сердцем, как королева.

Славься, юная королева!

Я отделю от солнечного диска
Слиток червонного, яркого золота
И скую из него диадему
Для моей помазанницы.

От порхающего, шелково-голубого покрыва
небес,

Где сияют алмазы ночи,
Я отрежу драгоценный край
И окутаю им, как венчальной мантией,
Твои королевские плечи.
Я окружу тебя свитой
Чопорно-пудренных сонетов,
Гордых терцин и вежливых стансов;
Моя шутка будет твоим рассыльным,
Придворным шутком — моя фантазия.
Твоим герольдом — с улыбочивой слезой
в гербе —

Да будет мой юмор.
Сам же я, моя королева,
Став на колени,
На алой подушке из бархата
Нижайше тебе поднесу
Каплю разума,
Что мне оставила из жалости
Твоя предшественница.

СУМЕРКИ

На безлюдном морском берегу
Я сидел одинокий и думами грустно томимый;
Солнце склонялось все ниже, бросая
Красные полосы света на воду;
И белые дальние волны,
Приливом гонимые,
Пенились, шумели, все ближе и ближе.
Чудный, таинственный шум, и шепот, и свист,
И смех, и журчанье, и вздохи, и хохот,
И тихая, полная тайн, колыбельная песня...

Чудилось мне, что я слышу давно позабытые
сказки,
Старые милые сказки,
Те, что когда-то ребенком
Слышал от соседних детей,
Когда в летний вечер,
Мы, перед домом, на каменных сидя ступеньках,
К тихим рассказам склоняли
Детское чуткое сердце
И пытливые, умные глазки...
А взрослые девушки, в доме,
Подле душистых цветочных горшков
У окошек сидели,
И лица цветущие их
Смеялись, луной освещенные...

ЗАКАТ СОЛНЦА

Огненно-красное солнце уходит
В далеко волнами шумящее,
Серебром окаймленное море;
Воздушные тучки, прозрачны и алы,
Несутся за ним; а напротив,
Из хмурых осенних облачных груд,
Грустным и мертвенно-бледным лицом
Смотрит луна; а за нею,
Словно мелкие искры,
В дали туманной
Мерцают звезды.

Некогда в небе сияли,
В брачном союзе,
Луна-богиня и Солнце-бог;
А вокруг их роились звезды,
Невинные дети-малютки.

Но злым языком клевета зашипела,
И разделилась волшеббно
В небе чета лучезарная.

И нынче днем в одиноком величии
Ходит по небу солнце,
За гордый свой блеск
Много молимое, много воспетое
Гордыми, счастьем богатыми смертными.
А ночью
По небу бродит луна,
Бедная мать,
Со своими сиротками-звездами,
Нема и печальна...
И девушки любящим сердцем
И кроткой душою поэты
Ее встречают
И ей посвящают
Слезы и песни.
Женским незлобивым сердцем
Все еще любит луна
Красавца мужа
И под вечер часто,
Дрожащая, бледная,
Глядит потихоньку из тучек прозрачных,
И скорбным взглядом своим провожает
Уходящее солнце,
И, кажется, хочет
Крикнуть ему: «Погоди!»

Дети зовут тебя!»
Но упрямое солнце
При виде богини
Вспыхнет багровым румянцем
Скорби и гнева
И беспощадно уйдет на свое одинокое
Влажно-холодное ложе.

*

Так-то шипящая злоба
Скорбь и погибель вселила
Даже средь вечных богов,
И бедные боги
Грустно проходят по небу
Свой путь безутешный
И бесконечный,
И смерти им нет, и влачат они вечно
Свое лучезарное горе.

Так мне ль — человеку,
Низко поставленному,
Смертью одаренному, —
Мне ли роптать на судьбу?

НОЧЬ НА ПОБЕРЕЖЬЕ

Холод. Беззвездная ночь.
Как сусло, море бурлит.
А над ним плашмя на брюхе лежит
Уродливый северный ветер;
То он, приглушая кряхтящий голос,
Как старый брюзга в хорошую минуту,
Рассказывает волнам

Множество странных историй,
Причудливо-мрачных, могучих
Стародавних норвежских сказаний,
То раскатисто вдруг захохочет — и воет
Песни-заклятья из «Эдды»,
Рунические заговоры,
Такой колдовской непокорной силы,
Что белые дочери моря
С плеском пускаются в пляс
В озорном опьяненье.

Меж тем по прибрежной кромке,
По сырой полосе песка,
Идет незнакомец, чье буйное сердце
Неукротимее волн и ветра,
И куда он шагнет,
Там брызжут искры и скрежещут ракушки.

Запахнув свой серый плащ поплотнее,
Он спешит вперед сквозь ветер и ночь
Прямо на огонек одинокий,
Который приветливо светит
В окошке рыбацкой лачуги.
С братьями вышел в море отец,
А дома, одна как перст,
Осталась рыбацья дочка;
Красавица дочка,
У очага присевши,
Слушает, как тихонько
Поет, обещая радость,
Вода, в котелке закипая,
Потом подбрасывает трескучий хворост
И дует в огонь,

И пылает красный отсвет
На ее щеках цветущих,
На лилейно-белом плече,
Что выглядывает нежно
Из холщовой грубой рубахи,
И на крохотной, прилежной руке,
Что плотнее стягивает юбку
На талии тонкой.
Вдруг распахивается дверь,
И входит в дом ночной незнакомец;
Он уверенно-любовно
Смотрит, как встает навстречу
Девушка, бела и стройна,
Как испуганная лилея,
И, плащ свой сбросивши на пол,
Со смехом он говорит:
«Ты видишь, малютка, я слово сдержал,
Я пришел, и со мною пришло
То давнее время, когда боги с небес
Нисходили к дочерям смертных,
Этих дочерей обнимали
И начинали с ними
Поколенья царей-жезлоносцев
И героев, удивлявших весь свет.
Но не надо так долго, малютка,
Дивиться на мою божественность,
А дай мне, пожалуйста, чаю с ромом,
На дворе холод,
И в такую погоду
Мерзнем даже мы, вечные боги,
И можем схватить божественный насморк
И бессмертный кашель».

ПОСЕЙДОН

Солнце играло лучами
Над вечно зыблемым морем;
Вдали на рейде
Блестел корабль, на котором
Домой я ехать собрался,
Да не было ветра попутного, —
И я еще мирно сидел
На белой отмели
Пустынного берега
И песнь Одиссея читал —
Старую, вечно юную песнь...
И со страниц ее, морем шумящих,
Радостью веяло мне
Дыханьем богов,
И светозарной весной человека,
И небом Эллады цветущим.

Благородное сердце мое
Всюду верно следило
За сыном Лаэрта в скорбях и скитаньях:
Садилось, печальное, с ним
За радушный очаг,
Где царицы пурпур прядут;
И лгать, и бежать ему помогало
Из объятий нимф, из пещер исполинов;
И в киммерийскую ночь
Его провожало;
Было с ним в бурю, в крушенье
И несказанное
Терпело горе.
Я вздохнул и сказал:
«Злой Посейдон!
Гнев твой ужасен,
И сам я боюсь не вернуться на родину».

Лишь только я молвил,
Запенилось море
И из белых волн поднялась
Осокою венчанная
Глава владыки морей,
И он воскликнул с насмешкой:

«Не бойся, поэтик!
Поверь, я не трону твой бедный кораблик
И жизнь твою драгоценную
Не стану смущать опасною качкой.
Ведь ты, поэтик,
Меня никогда не гневил; ни единой
Башенки ты не разрушил в священном
Граде Приама;
Ни волоска не спалил ты в реснице
Моего Полифема;
И никогда не давала
Мудрых советов тебе
Богиня ума Паллада-Афина».
Молвил — и снова
В море нырнул Посейдон...
И над грубою шуткой
Моряка под водой засмеялись
Амфитрита, нелепая женщина-рыба,
И глупые дочки Нерей.

ПРИЗНАНИЕ

Тихо с сумраком вечер подкрался,
Грозней бушевало море...
А я сидел на побережье, глядя
На белую пляску валов;

И сердце мне страстной тоской охватило —
Глубокой тоской по тебе,
Прекрасный образ,
Всюду мне предстающий,
Всюду зовущий меня,
Всюду, всюду —
В шуме ветра, и в рокоте моря,
И в собственных вздохах моих.

Легкою тростью я написал на песке
«Агнеса!
Я люблю тебя!»
Но злые волны плеснули
На нежное слово любви
И слово то стерли и смыли.

Ломкий тростник,
Зыбкий песок и текучие волны!
Вам я больше не верю!
Темнеет небо — и сердце мятежней во мне.
Мощной рукою в норвежских лесах
С корнем я вырву
Самую гордую ель и ее обмакну
В раскаленное Этны жерло —
И этим, огнем напоенным,
Исполинским пером напишу
На темном своде небесном:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»

И каждую ночь будут в небе
Неугасимо гореть письма золотые,
И все поколения внуков и правнуков
Будут, ликуя, читать
Слова небесные:
«Агнеса!
Я люблю тебя!»

НОЧЬЮ В КАЮТЕ

У моря есть свой жемчуг,
У неба есть свои звезды;
У сердца моего, у сердца —
У сердца есть любовь.

Огромны небо и море,
Но сердце мое огромней,
И ярче, чем звезды и перлы,
Горит моя любовь.

Приди скорей, малютка,
Прильни к огромному сердцу!
Мое сердце, и море, и небо
Исполнены любви.

*

К голубому своду неба,
Где сверкают ярко звезды,
Я б хотел прильнуть губами,
Льнуть губами, бурно плакать...

Эти звезды — очи милой,
Что горят, мерцают, блещут,
Смотрят с ласковым приветом
С голубого свода неба.

К голубому своду неба,
К ласковым очам любимой
Я простер с молитвой руки
И прошу и умоляю:

«Очи ласковые, звезды!
Сжальтесь, будьте милосердны!
Умереть мне дайте! Слиться
Дайте с вами, с вашим небом».

*

Из очей небесных искры
Золотые вниз струятся,
И душа моя, любовью
Полнясь, ширится безмерно.

Очи-звезды, плачьте! Лейте
В душу искры золотые,
Чтобы звездными слезами
Переполнилась душа!

*

Убаюкан зыбью моря
И мечтательною думой,
Я лежу один на койке,
В тихом сумраке каюты.

Сквозь отворенные люки
Вижу сонмы звезд лучистых,
Вижу ласковые очи
Милой, дорогой малютки.

Нежно-ласковые очи
Держат вахту надо мною
И приветливо мерцают
С голубого свода неба.

К голубому своду неба
Взор подняв, лежу, счастливый,
Долго я, пока туманы
Не скрывают глаз любимой.

*

У деревянной стены корабля,
Где я, мечтая, прилег головой,
Плещутся волны, бурные волны.
Они шумят и шепчут
Тайком мне в ухо:
«Безумный человек!
Твоя рука коротка, а небо высоко,
И светлые звезды прибиты к небу
Золотыми гвоздями.
Напрасные желанья, напрасные вздохи!
Всего бы лучше тебе уснуть!»

*

И снилась мне далекая равнина,
И молчаливый белый снег на ней;
И, погребен под этим белым снегом,
Я спал холодным, мертвым сном.

А с темной высоты ночного неба
Смотрели на могилу звезды-очи.
Ее глаза! Блестевшие победно,
Спокойные, но полные любовью.

БУРЯ

Беснуется буря,
Бичует волны,
А волны ревут и встают горами,
И ходят, спшибаясь и пенясь от злобы,
Их белые водяные громады,
И наш кораблик на них с трудом

Взбирается, задыхаясь,
И вдруг обрушивается вниз,
В широко разверстую черную пропасть.

О море!

Мать красоты, рожденной из пены!
Праматерь любви, пощади меня!
Уже порхает, чуя труп,
Подобная призраку белая чайка,
И точит клюв о дерево мачты,
И жаждет скорей растерзать мое сердце —
То сердце, в котором звучат песнопенья
Во славу дочери твоей,
То сердце, что внук твой, маленький плут,
Избрал своей игрушкой.

Напрасны мольбы и стенанья!

Мой крик пропал в завыванье бури,
Средь оргии бесноватых звуков,
Средь воя, грохота, рева и свиста
Сражающихся ветров и волн.
Но странно, сквозь этот гул я слышу
Мелодию сумрачной, дикой песни,
Пронзающей, разрывающей душу, —
И я узнаю этот голос.
На дальнем шотландском берегу,
Над вечно шумящим прибоем,
На древнем утесе высится замок,
И там, у сводчатого окошка,
Стоит больная прекрасная женщина,
Почти прозрачна, бледна, как мрамор,
На лютне играет она и поет,
И развевает соленый ветер
Ее волнистые длинные кудри
И далеко в шумящее море
Уносит ее непонятную песню.

МОРСКАЯ ТИШЬ

Тишь и солнце! Свет горячий
Обнял водные равнины,
И корабль златую влагу
Режет следом изумрудным.

У руля лежит на брюхе
И храпит усталый боцман;
Парус штопая, у мачты
Приютился грязный юнга.

Щеки пышут из-под грязи;
Рот широкий, как от боли,
Стиснут; кажется, слезами
Брызнут вдруг глаза большие.

Капитан его ругает,
Страшно топая ногами...
«Как ты смел — скажи, каналья!
Как ты смел стянуть селедку?»

Тишь и гладь! Со дна всплывает
Рыбка-умница; на солнце
Греет яркую головку
И играет резвым плеском.

Но стрелой из поднебесья
Чайка падает на рыбку —
И с добычей в жадном клюве
Снова в небе исчезает.

МОРСКОЙ ПРИЗРАК

А я лежал на борту корабля и смотрел
Дремлющим взором
В зеркально-прозрачную воду,

Проникая все глубже и глубже —
До самого дна морского.
Сначала как будто в тумане,
Потом краски стали ясней —
Показались церковные главы и башни
И наконец, весь в солнце, целый город
Старофламандский,
Людьми обитаемый.
Важные граждане в черных плащах,
В белых фрезах, в почетных цепях,
С длинными шпагами, с лицами
длинными

Шагают по людному рынку
К ратуше с высоким крыльцом,
Где императоров статуи
Стоят в карауле с мечами и скипетрами.
Неподалеку, вдоль ряда домов,
Где окна блестят зеркалами
И пирамидами липы подстрижены,
Расхаживают, шелком шума, девицы,
Стройные телом. Цветущие лица
Благонравно глядят из-под шапочек черных,
Из-под золота пышных волос.
Пестрые франты в испанском наряде
Мимо гордо проходят, кивая.
Старые женщины
В желтых отживших платьях,
Со свяtcами, с четками
Спешат торопливым шажком
К большому собору.
Их подгоняют звон колокольный
И шумящий орган.

Меня самого этот дальний звон
Охватил потаенной дрожью.

Тоска бесконечная, грусть
Крадутся в сердце,
В едва исцеленное сердце.
И кажется мне, будто ран его
Опять коснулись милые губы,
Чтоб вновь источалась кровь
Горячими красными каплями.
Они долго и медленно падают
На старый дом, что там, внизу,
В подводном городе, —
На старый, с высокой кровлей дом,
Унылый и безлюдный,
Где только у окна
Сидит, пригорюнясь, девушка,
Забывшее и бедное дитя,
На руки голову опустив,
И знаю я тебя, забывшее и бедное дитя!

Так вот куда, в морскую глубь
Ты скрылась от меня
Из детской прихоти.
И выйти не можешь больше,
И сидишь чужая среди чужих людей
Столетия целые,
Меж тем как в скорби
По всей земле я искал тебя
И всегда искал
Тебя, всегда любимую,
Давно утраченную
И найденную наконец.
Я вновь нашел тебя и снова вижу
Прекрасное лицо,
Умные и верные глаза
И мирную улыбку —
И теперь никогда тебя не покину,

К тебе опущусь
И, раскрыв объятия,
К сердцу твоему припаду —

Но вовремя тут капитан
Схватил меня за ногу,
И дальше от края меня оттащил,
И молвил, сердито смеясь:
«В уме ли вы, доктор!»

ОЧИЩЕНИЕ

Останься в морской глубине,
Безумная мечта.
Ты уже немало ночей
Терзала мне сердце ложным счастьем
И теперь, как морское виденье,
Мне грозишь среди белого дня.
Останься там, в глубине, навеки,
И я брошу туда заодно
Все страдания мои и грехи,
И дурацкий колпак с бубенцами,
От которых звенело у меня в голове,
И змеиную скользкую кожу
Лицемерья,
Мне так долго терзавшего душу,
Больную душу,
Бога забывшую, ангелов забывшую,
Злосчастную душу.
О-го, о-го-го! Крепчает ветер.
Поднять паруса! Они заплескались

и вздулись.

По гибельной гладкой зыби
Несется корабль, —
На свободе ликует душа.

ЦИКЛ ВТОРОЙ

СЛАВА МОРЮ

Тáласса! Тáласса!
Славлю тебя, о вечное море!
Десять тысяч раз тебя славлю
Ликующим сердцем,
Как некогда славили десять тысяч
Бесстрашных эллинских сердец,
Не сдавшихся в бедах,
Стремящихся к родине,
Прославленных миром солдатских сердец.

Бурлило, вздымалось
И пенилось море.
Струило солнце на темные волны
Играющий алыми розами свет,
И сотни встревоженных чаек
Метались над морем и громко кричали.
Но птичий гомон, и звон щитов,
И конский топот и ржанье —
Все заглушал победный клич:
«Тáласса! Тáласса!»

Славлю тебя, о вечное море!
Твой шум для меня — точно голос отчизны.
Как детские сны, причудливой зыбью
Сверкает ширь твоих вольных владений.
И в памяти оживают вновь
Игрушки милого пестрого детства:
Рождественские подарки под елкой,
Багряные рощи коралловых рифов,
И жемчуг, и золотые рыбки —

Все то, что тайно ты хранишь
На дне, в кристально-светлых чертогах.

О, как я грустил, одинокий, на чужбине!
Подобно цветку в ботанической папке,
Засохло сердце в моей груди.
Я был как больной, всю долгую зиму
Запертый в темном больничном покое.
И вдруг я выпущен на волю:
Передо мной ослепительно ярко
Сверкает зеленью солнечный май,
Шепчутся яблони в белых уборах,
Из зелени юные смотрят цветы,
Подобно пестрым душистым глазам, —
Все дышит, смеется, благоухает,
И в небе синем щебечут птицы.
Тáласса! Тáласса!

О храброе в отступлениях сердце!
Как часто, постыдно часто
Тебя побеждали дикарки Севера!
Их властные большие глаза
Метали огненные стрелы,
Их остро отточенные слова
Раскалывали грудь на части,
Каракули писем гвоздями вонзались
В мой бедный оглушенный мозг.
Напрасно я закрывался щитом;
Свистели стрелы, гремели удары, —
И наконец я отступил
Под натиском диких северянок.
Я к морю бежал от них, и теперь,
Свободно дыша, я приветствую море,
Спасительное, прекрасное море, —
Тáласса! Тáласса!

ГРОЗА

Тяжко нависла над морем гроза,
И черную стену туч
Зубчатым лучом прорезает
Молния, быстро светя и быстро
Исчезая, как беглая мысль
На челе Крониона.
Далече по бурно-пустынным водам
Грохочет гром,
И скачут белые кони-валы,
Самим Бореем рожденные
От чудных кобылиц Эрихтона;
И в жалком испуге порхает
Морская птица,
Как тень у вод Стикса,
Хароном оттолкнутая
От барки его полуночной.
Бедный резвый кораблик!
Пришлось пуститься ему
В опасную пляску!
Эол ему выслал
Самых искусных своих музыкантов:
Пусть поиграют погромче, а он веселее

попляшет!

Один громче свищет, другой трубит,
А третий водит по струнам
Глухого баса...
И корабельщик
Едва стоит на ногах у руля
И смотрит, глаз не сводя, на компас —
Дрожащую душу кораблика,
И руки с мольбой к небесам простирает.
«Спаси нас, Кастор, воинственный всадник,
И ты, кулачный боец Полидевк!»

КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ

Надежда и любовь — все, все погибло!
И сам я, бледный обнаженный труп,
Изверженный сердитым морем,
Лежу на берегу,
На диком, голом берегу!
Передо мной — пустыня водяная,
За мной лежат и горе и беда,
А надо мной бредут лениво тучи,
Уродливые дщери неба!
Они в туманные сосуды
Морскую черпают волну,
И с ношей вдаль, усталые, влекутся,
И снова выливают в море!
Нерадостный и бесконечный труд!
И суетный, как жизнь моя!..
Волна шумит, морская птица стонет!
Минувшее повеяло мне в душу —
Былые сны, потухшие виденья,
Мучительно-отрадные, встают!

Живет на Севере жена!
Прелестный образ, царственно-прекрасный!
Ее, как пальма, стройный стан
Обхвачен белой сладострастной тканью;
Кудрей роскошных темная волна,
Как ночь богов блаженных, льется
С увенчанной косами головы
И в легких кольцах тихо веет
Вкруг бледного, умильного лица;
И из умильно-бледного лица
Отверсто-пламенное око —
Как черное сияет солнце!

О черно-пламенное солнце!
О, сколько, сколько раз в лучах твоих
Я пил восторга дикий пламень,
И пил, и млел, и трепетал, —
И с кротостью небесно-голубиной
Твои уста улыбка обвевала,
И гордо-милые уста
Дышали тихими, как лунный свет, речами
И сладкими, как запах роз...
И дух во мне, оживши, воскрылялся
И к солнцу, как орел, парил!

Молчите, птицы, не шумите, волны,
Все, все погибло — счастье и надежда.
Надежда и любовь!.. Я здесь один —
На дикий берег заброшенный грозой —
Лежу простерт — и рдеющим лицом
Сырой песок морской пучины рою!

ЗАКАТ СОЛНЦА

Красивое солнце
Спокойно опустилось в море,
Бегущие воды уже окрасила
Темная ночь,
И только закат
Сеет по ним золотые огни;
И шумящая мощь прилива
Теснит к берегу белые волны,
Они резво и весело скачут,
Словно ягвята пушистые,
Которых к вечеру с песней подпасок
Гонит домой.

«Солнце, как ты красиво!» —
 Помолчав, промолвил мой друг,
 Который гулял со мной по побережью
 И, полушутя-полугрустя,
 Уверял меня: «Солнце —
 Красавица, что ради почета
 Вышла замуж за дряхлого бога морей.
 Днем она радостно странствует
 По высокому небу, разодетая в пурпур,
 Сверкая брильянтами,
 Многолюбимая, многохвалимая
 Всеми земными твореньями
 И радуя все творенья
 Своим теплым и светлым взглядом;
 Но вечером, безутешно покорная,
 Она возвращается снова
 В свой влажный дворец, в объятия
 постылые
 Супруга-старца».

«Поверь мне, — добавил мой друг,
 И засмеялся, и вздохнул, и опять
 засмеялся, —
 Семейство у них очень нежное!
 Они или спят, или спорят,
 Да так, что все море бушует,
 И мореход в шуме волн может слышать,
 Как старец ругает жену:
 «Вселенская толстая шлюха!
 Бесстыдная лучезарница!
 Целый день для других ты пылаешь,
 Для меня же ты ночью, как лед, холодна!»
 После такой перебранки,
 Конечно же, горько рыдает
 Гордое солнце и жалуется на судьбу,

Да так жалобно стонет, что владыка морей
В отчаянье — прыг с постели! —
И быстро плывет навверх, —
Отдышаться и образумиться».

Я сам его видел в прошлую ночь;
По грудь он выплыл из моря.
Он был в куртке из желтой фланели,
В лилейно-белой ночной ермолке,
С увядшим, старым лицом.

ПЕСНЬ ОКЕАНИД

Меркнет вечернее море,
И одинок, со своей одинокой душой,
Сидит человек на пустом берегу
И смотрит холодным,
Мертвенным взором
Ввысь, на далекое,
Холодное, мертвое небо
И на широкое море,
Волнами шумящее.
И по широкому,
Волнами шумящему морю
Вдаль, как пловцы воздушные,
Несутся вздохи его —
И к нему возвращаются, грустны;
Закрытым нашли они сердце,
Куда пристать хотели...
И громко он стонет, так громко,
Что белые чайки
С песчаных гнезд поднимаются
И носятся с криком над ним...
И он говорит им, смеясь:

«Черноногие птицы!
На белых крыльях над морем вы носитесь,
Кривым своим клювом
Пьете воду морскую;
Жрете ворвань и мясо тюленье...
Горька ваша жизнь, как и пицца!
А я, счастливец, вкушаю лишь сласти:
Питаюсь сладостным запахом розы,
Соловьинной невесты,
Вскормленной месячным светом;
Питаюсь еще сладчайшими
Пирожками с битыми сливками;
Вкушаю и то, что слаще всего, —
Сладкое счастье любви
И сладкое счастье взаимности!

Она любит меня! Она любит меня!
Прекрасная дева!
Теперь она дома, в светлице своей, у окна,
И смотрит в вечерний сумрак —
Вдаль, на большую дорогу,
И ждет, и тоскует по мне — ей-богу!
Но тщетно и ждет, и вздыхает...
Вздыхая, идет она в сад,
Гуляет по саду
Среди ароматов, в сиянье луны,
С цветами ведет разговор
И им говорит про меня:
Как я — ее милый — хорош,
Как мил и любезен, — ей-богу!
Потом и в постели, во сне, перед нею,
Даря ее счастьем, мелькает
Мой милый образ;
И даже утром, за кофе, она
На бутерброде блестящем

Видит мой лик дорогой
И страстно съедает его — ей-богу!»

Так он хвастает долго,
И порой раздается над ним,
Словно насмешливый хохот,
Крик порхающих чаек.
Вот наплывают ночные туманы;
Месяц, желтый, как осенью лист,
Грустно сквозь сизое облако смотрит...
Волны морские встают и шумят...
И из пучины шумящего моря
Грустно, как ветра осеннего стон,
Слышится пенье:
Океаниды поют,
Милосердые, чудные девы морские...
И слышнее других голосов
Ласковый голос
Среброногой супруги Пелея...
Океаниды уныло поют:

«Безумец! безумец! Хвастливый безумец!
Скорбью истерзанный!
Убиты надежды твои,
Игривые дети души,
И сердце твое — словно сердце Ниобы —
Окаменело от горя.
Сгущается мрак у тебя в голове,
И вьются средь этого мрака,
Как молнии, мысли безумные!
И хвастаешь ты от страданья!
Безумец! безумец! Хвастливый безумец!
Упрям ты, как древний твой предок,
Высокий титан, что похитил

Небесный огонь у богов
И людям принес его,
И, коршуном мучимый,
К утесу прикованный,
Олимпу грозил, и стонал, и ругался
Так, что мы слышали голос его
В лоне глубокого моря
И с утешительной песнью
Вышли из моря к нему.
Безумец! безумец! Хвастливый безумец!
Ты ведь бессильней его,
И было б умней для тебя
Влачить терпеливо
Тяжелое бремя скорбей —
Влачить его долго, так долго,
Пока и Атлас не утратит терпенья
И тяжкого мира не сбросит с плеча
В ночь без рассвета!»

Долго так пели в пучине
Милосердые, чудные девы морские.
Но зашумели грознее валы,
Пение их заглушая;
В тучах спрятался месяц; раскрыла
Черную пасть свою ночь...
Долго сидел я во мраке и плакал.

БОГИ ГРЕЦИИ

О месяц в цвету! В сиянье твоём
Расплавленным золотом море блестит,
И яркий, как днем, но волшебнo-смягченный
Свет заливают песок прибрежья;

А на синем беззвездном небе
Облака проплывают, белея,
Как мраморные колоссы,
Кумиры бессмертных.

Нет, это не облака, неправда,
Это сами боги, боги Эллады,
Что когда-то радостно правили миром,
А теперь, низложенные, неживые,
Они плывут вереницей бесплотной
В полуночном небе.
И я созерцаю, ослепленный изумленьем,
Блистающий пантеон
Торжественно-безмолвных в жутком движенье
Огромных обличий.
Вон тот — Кронион, небес властитель,
Белы, как снег, пряди кудрей,
Знаменитых кудрей, Олимп сотрясавших;
Он держит в руке угасший перун,
На его челе — и горечь, и гнев,
Но и прежней гордыни следы.
Знавал ты лучшие времена,
О Зевс, когда были тебе утехой
Отроки, нимфы и жертвы стотельчьи;
Но даже боги правят не вечно,
Молодые свергают старых,
Как сам ты когда-то отца седого
Низверг и братьев его, титанов,
Jupiter Parricida!
И тебя я узнал, гордячка Юнона!
Несмотря на ревнивый твой страх
Другая жезлом завладеть сумела
И стала зваться царицей небесной,
И потух волоокий твой взор,
И сила иссякла в руках лилейных,

И месть твоя не настигнет
От бога зачавшую деву
И ее чудотворца-сына.
И тебя я узнал, Афина Паллада!
Что ж ни щит, ни мудрость твоя не могли
Отвратить от богов погибель?
И тебя я узнал, и тебя, Афродита,
В старину золотая, сегодня серебряная!
Пусть, как прежде, твой пояс прельщает любовью,
Но твоей красоты я пугаюсь втайне;
Пожелай ты меня, как героев других,
Усладить своим телом, — я бы умер со страху:
Ты богинею трупов кажешься мне,
Venus Libitina!
И без любви глядит на тебя
Арес бранноносный.
И юный Феб-Аполлон печален:
Не звенит кифара его,
Оживлявшая прежде пиры богов.
А Гефест еще печальнее —
И недаром! Ему не придется впредь
Отрадный нектар
Подносить вместо Гебы в собрание богам,
Хлопоча и хромая. И давно умолкнул
Неумолкаемый смех бессмертных.

Я никогда не любил вас, боги!
Ведь мне давно уж противны греки,
Я и римлян терпеть не могу,
Но сострадание и робкая жалость
Мне полнят грудь,
Когда я вас там, над моей головою,
Покинутых, вижу,
Вас, ночные мертвые тени,
Разгоняемый ветром туман, —

И лишь вспомню, как ветрены и трусливы
Боги те, что вас одолели,
Унылые боги, что, властвуя, прячут
Зловредность в овечьей шкуре смиренья,
Угрюмая злость меня берет,
И мне хочется рушить новые храмы
И бороться за вас, древние боги,
Ради ваших благих амвросических прав,
И у ваших вновь возведенных
Алтарей, дымящихся жертвами,
Преклонив колени, молиться
И в слезах простирать к вам руки, —
Потому что, хоть вы, о древние боги,
В сраженьях людей всегда держали
Сторону сильных и побеждавших,
Человек благородней духом, чем вы,
И в сраженьях богов я сейчас держу
Сторону слабых и побежденных.

*

Так говорил я, и бледные призраки
У меня на глазах покраснели в небе,
И был их взгляд, как взгляд умирающих,
Просветлен страданьем. И все исчезло.
Луна внезапно скрылась
За набежавшей темною тучей,
По морю волны пошли,
И засияли победно в небе
Вечные звезды.

ВОПРОСЫ

У моря, ночного пустынного моря,
Юноша странный стоит,
Тоска в его сердце, в мозгу — сомненья,
И губы шепчут волнам печально:

«О волны, откройте мне вечную тайну,
Откройте мне тайну жизни,
Решите загадку, что мучила столько голов —
Голов в париках, ермолках, чалмах и беретах,
И сотни тысяч других, что ищут ответа и сохнут, —
Скажите, что есть человек?
Откуда пришел он? Куда он идет?
И кто живет в вышине, на далеких сверкающих звездах?»

Бормочут волны одно и то же,
Бушует ветер, бегут облака,
Глядят безучастно и холодно звезды,
А он, дурак, ожидает ответа.

ФЕНИКС

Летит с запада птица —
Летит к востоку,
К восточной отчизне садов,
Где пряные травы душисто растут,
И пальмы шумят,
И свежестью веют ручьи...
Чудная птица летит и поет:

«Она любит его! Она любит его!
Образ его у ней в сердце живет —
В маленьком сердце,

В тайной, заветной его глубине,
Самой ей неведомой,
Но во сне он стоит перед нею...
И молчит она, и плачет,
И руки целует ему,
И имя его произносит,
И с именем тем на устах
В испуге вдруг пробуждается,
И протирает себе в изумленье
Прекрасные очи...
Она любит его! Она любит его! »

*

На палубе, к мачте спиной прислонясь,
Стоял я и слушал пение птицы.
Как черно-зеленые кони с серебряной гривой,
Скакали белокудрявые волны;
Как лебединые стаи,
Мимо плыли,
Парусами блестя, суда гелголандцев,
Смелых номадов полночного моря.
Надо мною, в вечной лазури,
Порхали белые тучки,
И вечное солнце горело —
Роза небесная, пламенно-цветная,
Радостно в море собою любуюсь...
И небо, и море, и сердце мое
Согласно звучали:
«Она любит его! Она любит его!»

В ГАВАНИ

Счастливец тот, кто вернулся в гавань,
Позади оставив море и бури,
И в Бремене, в ратушном погребке,
Сидит в тепле и покое.

Каким уютным и приятным
Выглядит мир, отраженный в кружке,
Какою солнечною влагой
Льется мне в грудь этот микрокосм!
В кружке видно мне все:
Судьбы народов, древних и новых,
Ганс и Гегель, турок и грек,
Лимонные рощи и вахтпарады,
Берлин и Шильда, Тунис и Гамбург,
А главное — образ моей любимой:
На золоте рейнского — ангелочек.
О, как, любимая, ты прекрасна!
Ты подобна розе!
Только не розе Ширази,
Соловьиной невесте, воспетой Гафизом;
Только не розе Сарона,
Священно-алой, чтимой пророками, —
Но той, что цветет в городе Бремен,
В ратушном погребке!
Вот это всем розам роза!
Чем она старше, тем пышнее,
И ее аромат меня вдохновляет,
Меня окрыляет, меня пьянит,
И, не удержи меня крепко за чуб
Хозяин ратушного погребка,
Я рухнул бы на пол!

Он славный малый! Мы вместе сидели,
Мы рассуждали о высоком и тайном
И со вздохом падали друг другу в объятия,
И он меня наставил в любви и вере:
Я выпил за здоровье врагов моих злейших
И грехи отпустил самым скверным поэтам,
Как некогда и мне отпущено будет.
Я плакал умильно, покуда
Не отверзлись мне спасенья врата,
Где двенадцать апостолов — двенадцать бочек
Вещали без слов, но так понятно
Для всех народов.

Вот это святые!
Неприметные с виду, в деревянных одежках,
Но внутри — блистательней и прекрасней,
Чем все спесивые левиты при храме,
Чем Ирода стражи и царедворцы
В золотых украшениях и в платье пурпурном.
Ведь я всегда говорил,
Что не среди людей заурядных,
А в обществе избранных и лучших
Жизнь проводил наш царь небесный!
Аллилуйя! Пальмы Вефиля
Овевают меня!
Как мирра Хеврона пахуча!
Как шумит Иордан, бушуя от радости!
И бессмертный мой дух, бушуя, кружится,
Я кружусь вместе с ним, и кружится лестница,
По которой меня волочит наверх
Хозяин ратушного погребка
В городе Бремен!

Ты, хозяин ратушного погребка
В городе Бремен! Ты видишь — на крышах

Расселись ангелы и поют в подпитье,
А жаркое солнце над ними —
Это нос, покрасневший от пьянства,
Нос мирового духа;
И красный нос мирового духа —
Это центр, вокруг которого вертится
Подвыпивший мир.

ЭПИЛОГ

Как в поле колосья пшеницы,
Растут, наливаясь, в душе человека
Его мысли.
А нежные мысли любви
Цветут между ними, как веселые
Алые и голубые цветы.

Алые и голубые цветы!
Хмурый косарь не видит в вас проку,
Глумясь, молотит вас цеп деревянный,
И даже бездомный паломник,
Который, взглянув на вас, веселеет, —
Покачав головой,
Назовет вас красивым бурьяном.

Но деревенская девушка,
Сплетающая венок,
Вас любит и собирает,
Чтобы вами убрать чудесные кудри,
И, нарядная, спешит туда, где танцуют,
Где флейты и скрипки поют про любовь,
Или торопится к тихому буку,
Где голос милого ей милее,
Чем флейты и скрипки.

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

НОВАЯ ВЕСНА

* * *

В белый сад выходишь утром,
Свищет ветер над землею.
Смотришь, как несутся тучи,
Облекая небо мглою.

И луга и рощи голы,
И кругом — зима седая,
И в тебе зима, и сердце
Цепенеет, замерзая.

Вдруг ты весь обсыпан белым,
Точно хлопьями метели,
Озираешься сердито:
На деревьях снег в апреле!

Но не снег ты белый видишь,
О, как сердцу сладко стало!
То тебя весенним цветом
Забросало, закидало.

И повсюду — что за чудо! —
Снег цветет весенней новью,
И весна сменяет зиму,
А душа горит любовью.

* * *

Счастьем девственным томимы,
Расцветают лес и нивы,
И смеется в небе солнце:
Ты явился, май счастливый!

Соловей! И ты, я слышу,
Вновь поешь в блаженной муке
Нежно-горестные песни,
И любовь — в их каждом звуке.

* * *

Зазвучали все деревья,
Птичьи гнезда зазвенели.
Кто веселый капельмейстер
В молодой лесной капелле?

То, быть может, серый чибис,
Что стоит, кивая гордо,
Иль педант, что там кукует
Так размеренно и твердо?

Или аист, что серьезно,
С важным видом дирижера,
Отбивает такт ногою
В песне радостного хора?

Нет, во мне самом укрылся
Капельмейстер окрыленный.
Он в груди стучит ликуя —
То Амур неутомонный.

* * *

И эта истома, и звон колокольный,
И я брожу как потерянный снова.
Весна — и глаза красавицы юной, —
Как сердце спасти от дурмана такого?

Весна — и глаза красавицы юной
Колдуют, мой разум опять отнимая,
И, как на грех, соловьи и розы —
Все впутались в этот заговор мая.

* * *

Весны синеют очи
И прячутся в траву, —
То нежные фиалки,
Что я для милой рву.

Я их срывал в раздумье,
И все, что думал я,
Сквозь грусть свою расслышал
Я в пенье соловья.

Да, это все пропел он,
Процелкал, просвистал, —
И о сердечной тайне
Весь лес теперь узнал.

* * *

В глазах твоих синих-синих
Я ласковый свет уловил,
И вот стою как в тумане,
И слова сказать нет сил.

Твои глаза синеют
Всегда и везде предо мной, —
И синие-синие мысли
Меня захлестнули волной.

* * *

Снова в сердце жар невольный,
Отошла тоска глухая.
Снова, нежностью томимый,
Жадно пью дыханье мая.

Вновь брожу по всем аллеям
Ранней, позднею порою, —
Может быть, под чьей-то шляпкой
Облик милый мне открою!

Над рекой стою зеленой,
На мосту слежу часами:
Может быть, проедет мимо
И скользнет по мне глазами!

Снова в плеске водопада
Слышу ропот, грусти полный.
Сердцу чуткому понятно
Все, о чем тоскуют волны.

И затерян я мечтами
В дебрях царства золотого,
И смеются в парке птицы
Над глупцом, влюбленным снова.

* * *

Как гвоздики знойно дышат!
Как струят свой свет веселый
С фиолетового неба
Звезды — огненные пчелы!

Из тени густых каштанов
Манит домик белоснежный,
И открылась дверь веранды,
И раздался шепот нежный.

Дрожь объятий. Сладкий трепет.
Робко-страстное признание.
Соловьев несутся трели,
Льется роз благоуханье.

* * *

Сон ли прежний я лелею,
Вновь зову мечту былую,
Вижу снова ту аллею,
Верю клятвам, поцелую?

Так же смотрит серп двурогий
К нам в беседку с небосвода,
Те же мраморные боги
На часах стоят у входа.

Ах, я знаю, нас обманут
Слишком радостные грезы,
И в снегах сердца увянут,
И умрут от стужи розы.

И остынем неизбежно,
И простимся без возврата
Мы, любившие так нежно,
Мы, пылавшие когда-то.

* * *

Поцелуй, что взят во мраке
И во мраке возвращен,
О, как любящую душу
Осчастливить может он!

И, томясь воспоминаньем,
Сердце вдруг вздохнет в мечтах
О прошедшем и отцветшем,
О грядущих лучших днях.

Но целуй без размышлений,
Размышление счастья враг.
Лучше плачь и сетуй, сердце,
Плачь и сетуй, легче так.

* * *

Жил-был король суровый
В седых кудрях, угрюм душой,
И жил король суровый
С женою молодой.

И жил-был паж веселый,
В льняных кудрях и смел душой,
Носил он шлейф тяжелый
За юной госпожой.

Верь песенке старинной —
Поет она, звенит она:
Они погибли оба —
Любовь была слишком сильна.

* * *

Прошедшего смутный облик
В неверной памяти ожил;
Скажи, отчего твой голос
Так душу мне растревожил?

Не говори: «люблю»,
Превыше всего мы ценим
Любовь, но даже любовь
Развеется с ветром весенним.

Не говори: «люблю»,
Целуй — и больше ни слова,
И розам, увядшим за ночь,
Наутро засмейся снова.

* * *

Видел я, как в чаще леса
В лунном свете эльфы мчались,
Слышал, как рога звенели,
Колокольчики смеялись.

Их лошадки в украшение
Золотых рогов оленьих,
Словно лебеди ночные,
Мчались легче дуновенья.

Мне кивнула королева,
Словно знак мне подавала —
Ждать любви мне повелела
Или смерть мне предсказала?

* * *

Утром шлю тебе фиалки,
В роще сорванные рано;
Для тебя срываю розы
В час вечернего тумана.

Знаешь, что хочу сказать я
Аллегорией цветною?
Оставайся днем мне верной
И люби порой ночью.

* * *

Вы, право, не убили
Меня своим письмом.
Меня вы разлюбили.
А клятв — на целый том!

Отказ длинён немножко —
Посланье в шесть листов!
Чтоб дать отставку, крошка,
Не тратят столько слов.

* * *

О, не бойся, что пред всеми
Тайну сердца выдаю,
Если тысячи метафор
Сочиняю в честь твою.

Он таится меж цветами,
В темноте лесной, в тиши,

Этот жаркий пламень тайны,
Тайный жар моей души.

Если даже брызнут искры
Из цветка — они не в счет!
Этот мир, не веря в пламя,
Их поэзией зовет.

* * *

Ночь ли, день ли — все ликует,
Все кругом звенит весною.
Даже сны зеленым эхом
Проплывают предо мною.

Только сказочней и звонче
Распевают птицы в чаще,
Да еще фиалки пахнут
И томительней и слаще.

И на ярко-красных розах
Золотые ореолы,
Будто нимбы ангелочков
На картинах старой школы.

Да и сам я, обернувшись
Соловьем, во славу маю
Из чарующих мелодий
Розам песнь любви слагаю, —

До поры, пока не прогнан
Этот сон зарею алой,
Иль другой — в саду гремящей
Соловиной песней шалой.

* * *

Бродят звезды-златоножки,
Чуть ступают в вышине,
Чтоб невольным шумом землю
Не смутить в глубоком сне.

Лес, прислушиваясь, замер,
Что ни листик — то ушко!
Холм уснул и, будто руку,
Тень откинул далеко.

Чу!.. Какой-то звук!.. И эхо
Отдалось в душе моей.
Был ли то любимой голос
Или только соловей?

* * *

Весна грустит; глядят с кручиной
Ее цветы, печальны сны,
И звуки песни соловьиной
Тоскою тайною полны.

Дитя, не смейся беззаботно,
Так ясно, весело, прошу!
О, лучше плачь: слезу охотно
Я поцелую осушу.

* * *

Я вновь мучительно оторван
От сердца горячо любимой.
Я вновь мучительно оторван —
О, жизни бег неумолимый!

Грохочет мост, гремит карета,
Внизу поток шумит незримый.
Оторван вновь от счастья, света,
От сердца горячо любимой.

А звезды мчатся в темном небе,
Бегут, моей пугаясь муки.
Прости! Куда ни бросит жребий —
Тебе я верен и в разлуке.

* * *

Надежды расцветают
И вянут в свой черед;
Опять расцветут и увянут —
И так вся жизнь пройдет.

Давно я это знаю
И счастья не жду впереди.
А мудрое сердце смеется
И кровью исходит в груди.

* * *

Небо старцем красноглазым
Смотрит мрачно с вышины;
Облака на нем повисли,
Как густые седины.

Под его суровым взором
Вянут листья на цветах,
Вянут чувства, вянут песни
В человеческих сердцах.

* * *

Влачусь по свету желчно и уныло.
Тоска в душе, тоска и смерть вокруг.
Идет ноябрь, предвестник зимних выюг,
Сырым туманом землю застелило.

Последний лист летит с березы хилой.
Холодный ветер гонит птиц на юг.
Вздыхает лес. Дымится мертвый луг.
И — боже мой! — опять заморосило.

* * *

Осень. Пал туман на доли,
Луг во мгле сырой исчез,
Ветер листья рвет, и голый,
Замерзая, стонет лес.

Лишь один, одет листвою,
Грустный клен чего-то ждет,
Все качает головою
И как будто слезы льет.

Ах, и в сердце смерть и вьюга,
Но, как этот клен живой,
В нем цветет, моя подруга,
Вечно юный образ твой.

РАЗНЫЕ

С Е Р А Ф И Н А

* * *

Поздно вечером брожу я
По тропам во мгле лесной.
Вслед за мною неотступно
Бродит нежный образ твой.

То вуаль твоя белеет
Или твой прекрасный лик?
Иль, быть может, сквозь деревья
Бледный лунный свет проник?

И мои ли это слезы
Тихо льются в тишине,
Или ты, голубка, плача,
Горько жалуешься мне?

* * *

На пустынный берег моря
Ночь легла. Шумит прибой.
Месяц выглянул, и робко
Шепчут волны меж собой:

«Этот странный незнакомец —
Что он, глуп или влюблен?
То ликует и смеется,
То грустит и плачет он».

И, лукаво улыбаясь,
Молвит месяц им в ответ:
«Он и глупый, и влюбленный,
И к тому же он поэт».

* * *

С каким любопытством чайка,
Чтоб видеть, приблизилась к нам.
Все потому, что ухо
Прижал я к твоим губам.

Ей так бы знать хотелось,
Что там, у этих двоих?
Слова иль поцелуи
Ловлю я с губ твоих?

Но что мне в душу льется,
Я сам понять бы рад.
Так странно в словах поцелуи,
Слова в поцелуях звучат!

* * *

Она, как серна, от меня
С утесов на утесы
Бежала в страхе, и трепал
Ей влажный ветер косы.

Ее догнал я на краю —
Где море под обрывом.
Я нежным словом отвечал
Ее словам строптивым.

Я был под небом с ней вдвоем,
Вдвоем в преддверье рая,
Где солнце в темной глубине
Тонуло, догорая.

И потонуло в глуби волн
Прекрасное светило,
И море в шумном торжестве
Валы над ним катило.

Не плачь о солнце! Не мертво
Оно в морской пучине.
Весь жар его, оно само
В моей груди отныне!

* * *

Блещут маленькие звезды,
На побережье с тьмою споря.
Странны, тусклы и протяжны,
Голоса звучат из моря.

Север дует стужей лютой,
Пляшут гребни волн в тумане.
Так, взбухая, трубы пляшут,
Трубы прыгают в органе.

Хор языческих мелодий,
С кантом смешанный церковным,
Улетает в небо, к звездам,
Ближе к тайнам баснословным.

И уже громадны, яркие,
Расплясавшись роем хмельным,

Будто солнца, бродят звезды
По пространствам беспредельным.

Вторя музыкой безумства
Моря жалобам сердитым,
Соловьи-светила мчатся
По сияющим орбитам.

В громе, в блеске все смешалось:
Неба высь и глубь морская,
В исполинское соитье —
В бурю сердце увлекая.

* * *

Тени, тени — всё для тлена —
Поцелуй, жизнь, любовь.
Да, мой ангел, все мгновенно,
Что прошло, не будет вновь.

Чем владели, что любили —
Всё виденья, звуки, сны.
И сердца давно забыли,
И глаза усыплены.

* * *

Девушка у причала,
Подъемя к небу взгляд,
Стонала и вздыхала,
Когда пылал закат.

И что девушка стонет?
У солнца старый трюк:
Там, спереди, потонет,
А сзади всходит вдруг.

* * *

На черных ветрилах летит мой корабль
Навстречу бурной волне.
Ты знаешь, как я печален,
И больно делаешь мне.

Ты сердцем то здесь, то, как ветер,
Уже в иной стороне.
На черных ветрилах летит мой корабль
Навстречу бурной волне.

АНЖЕЛИКА

* * *

Взыскан я улыбкой бога, —
Мне ль уйти теперь в молчанье,
Мне, который пел так много
В дни несчастий о страданье?

Мне юнцы в стипшонках скверных
Подражали безотрадно,
Боль страданий непомерных
Умножая беспощадно.

Соловьиный хор прекрасный,
Что в душе ношу всегда я,
Лейся буйно, громогласно,
Всех восторгом заражая!

* * *

Ты быстро шла, но предо мною
Вдруг оглянулася назад...
Как будто спрашивали гордо
Уста открытые и взгляд...

К чему ловить мне было белый,
По ветру бившийся покров?
А эти маленькие ножки...
К чему искал я их следов?

Теперь исчезла эта гордость,
И стала ты тиха, ясна —
Так возмутительно покорна
И так убийственно скучна!

* * *

Закрыв глаза ей, алый рот
Люблю я целовать;
Она покоя не дает, —
Причину хочет знать.

И с вечера не устает
До утра приставать:
«Зачем, когда целуешь рот,
Глаза мне закрывать?»

Какой тут у меня расчет, —
Сам не могу понять:
Закрыв глаза ей, алый рот
Целую я опять.

* * *

В час, когда любовниц милых,
Но чужих я наблюдаю
И с дверей чужой красоты
Глаз, тоскуя, не спускаю,

Может быть, другой такой же
У моих окошек бродит
И к дверям моей подружки
Переглядываться ходит.

Как все это человечно!
Убери с пути все беды,
Боже правый, и даруй нам
Всем — и счастья и победы.

* * *

Не отвергай! Пусть жар погас,
Возврата нет весне,
Еще полгода потерпи,
Чтоб оттореть и мне.

И пусть любить не в силах ты —
Начнем друзьями жить!
Когда долгоблена любовь,
Приходит час дружить.

* * *

Эта масленица страсти,
Этот хмель сердец безумных, —
Все прошло; мы вновь спокойны
И зеваем, отрезвев.

Чаша выпита до дна,
Переполненная влагой,
Одуряющей, кипучей;
Чаша выпита до дна.

Замолчали также скрипки,
Вовлекавшие нас в пляску,
Пляску бешеных страстей;
Скрипки также замолчали.

И погасли также лампы,
Свет свой лившие зловецe
На собранье пестрых масок;
Лампы также все погасли.

Завтра пост начнется; пеплом
Я главу твою посыплю
И скажу тебе, прощаясь:
«Помни, женщина, ты прах».

ГОРТЕНЗИЯ

* * *

Был когда-то я уверен
В том, что поцелуй любой
Предначертан и отмерен
Нам не женщиной — судьбой.

Я в те годы целовался
Столь прилежно каждый раз,
Словно тщательно старался
Чей-то выполнить приказ. ¹

Эту и другие сказки
Я забыл, как давний сон,
И дарю бездумно ласки —
Не любим и не влюблен.

* * *

Г о в о р и т о н а :

Зреет яблоко на древе
В полном прелести саду,
И змея по веткам вьется;
Я вовек не отведаю
Взор свой слабый и покорный
От змеиных сладких глаз.
Как шипит она маняще,
Как прельщает счастьем нас!

Г о в о р и т д р у г а я :

Жизни плод налит нектаром,
Ты попробуй, как хорош,
И тогда, дитя, недаром
Жизнь свою ты проживешь!
Детка, ты хоть раз откушай,
Не дрожи, запретов нет!
Тетку старую послушай —
Я не зря даю совет.

* * *

Недолгим счастьем, милый друг,
Меня ты обманула.
Ты тенью, как лукавый сон,
Сквозь сердце проскользнула.

Туман растаял. Рассвело,
И солнце заблестало.
Мы всё покончили с тобой
Задолго до начала.

К Л А Р И С С А

* * *

Ты не внемлешь пылким клятвам
И глаза пугливо прячешь.
Но едва спрошу смиренно:
— Я отвергнут? — горько плачешь.

К небу редко я взываю,
Но имей, создатель, жалость:
Осуши девице слезы,
Просвети ее хоть малость!

* * *

Все слишком поздно — вздох твой
встречный,
Все поздно — смех твой и привет!
Тобой отвергнутого чувства
Давным-давно простыл и след.

Любовь твоя проснулась поздно!
Твой взгляд не властен надо мной,
На сердце падает он так же,
Как луч на камень гробовой.

О, знать бы, где душа блуждает,
Когда приходит смертный час?
И где тот ветер, что отвеял?
И где тот пламень, что угас?

ИОЛАНТА И МАРИЯ

* * *

Эти дамы понимают,
Как поэта чтить должны.
Я и гений мой, мы оба
На обед приглашены.

Этот суп и эти вина
Описать я не берусь,
Как был заяц нашпигован
И какой был дивный гусь!

Но когда заговорили
О стихах, я бросил есть
И принес им благодарность
За оказанную честь.

* * *

Юность кончена. Приходит
Дерзкой зрелости пора,
И рука смелее бродит
Вдоль прелестного бедра.

Не одна, вспылив сначала,
Мне сдавалась, ослабев.
Лесть и дерзость побеждала
Ложный стыд и милый гнев.

Но в блаженствах наслажденья
Прелесть чувства умерла.
Где вы, сладкие томленья,
Робость юного осла!

* * *

Тенью мрачною, густою
К нам крадется злая ночь.
И устали мы душою,
И зевков не превозмочь.

Ты стара, и я не молод.
О весне забыли мы,
И в сердцах не жар, а холод.
Нам недолго ждать зимы.

Ах, кончаем мы в печали:
После всех любовных бед
Беды без любви настали.
Смерть бредет за жизнью вслед.

НА ЧУЖБИНЕ

* * *

Из края в край твой путь лежит;
Идешь ты — рад не рад.
По ветру нежный зов звучит —
И ты взглянул назад.

Твоя любовь в стране родной;
Манит, зовет она:
«Вернись домой! Побудь со мной!
Ты радость мне одна».

Но путь ведет все в даль и тьму.
И остановки нет...
Что так любил — навек к тому
Запал возвратный след.

* * *

Был у меня когда-то край родной.
Фиалки в нем
Кивали мне и дуб высоко рос.
То было сном.

Слова любви я слышал с уст родных.
И на родном
Мне языке так сладок был их звук!
То было сном.

РОМАНСЫ

ANNO 1829

Для дел высоких и благих
До капли кровь отдать я рад.
Но страшно задыхаться здесь,
В мирке, где торгаши царят.

Им только б жирно есть и пить, —
Кротовье счастье брюху впрок.
Как дырка в кружке для сирот,
Их благодетельный дух широк.

Их труд — в карманах руки греть,
Сигары модные курить.
Спокойно переварят всё,
Но их-то как переварить?

Хоть на торги со всех сторон
Привозят пряности сюда,

От их душонок рыбьих тут
Смердит тухлятиной всегда.

Нет, лучше мерзостный порок,
Разбой, насилие, грабеж,
Чем счетоводная мораль
И добродетель сытых рож!

Эй, тучка, унеси меня,
Возьми с собой в далекий путь,
В Лапландию иль в Африку,
Иль хоть в Штеттин — куда-нибудь!

О, унеси меня! — Летит...
Что тучке мудрой человек!
Над этим городом она
Пугливо ускоряет бег.

ANNO 1839

Тебя, Германию родную,
Почти в слезах мечта зовет!
Я в резвой Франции тоскую,
Мне в тягость ветреный народ.

Сухим рассудком, чувством меры
Живет блистательный Париж.
О глупый бубен, голос веры,
Как сладко дома ты звучишь!

Учтивы люди. Но с досадой
Встречаю вежливый поклон.
В отчизне истинной отрадой
Была мне грубость испокон.

Прелестны дамы. Как трещотки,
Не знают устали болтать.
Милей немецкие красотки,
Без слов идущие в кровать.

Здесь каруселью исступленной
Все кружится, как дикий сон.
У нас порядок заведенный
Навеки к месту пригвожден.

Мне словно слышится дремливый
Ночного сторожа рожок,
Ночного сторожа призывы
Да соловьиных песен ток.

В дубравах Шильды безмятежной
Таким счастливым был поэт!
Там в звуки рифм вплетал я нежно
Фиалки вздох и лунный свет.

РЫЦАРЬ ОЛАФ

I

У дверей собора двое,
И в кафтанах оба красных,
И один из них властитель,
А другой — палач придворный.

Палачу король промолвил:
«По соборным песням слышу,
Что кончается венчанье, —
Будь с секирой наготове».

Перезвон. Органа ропот,
И поток из церкви хлынул.
Толпы пестрые народа
Окружают новобрачных.

Словно смерть, бледна, тосклива
Молодая королева.
Смело смотрит рыцарь Олаф,
Алых уст дерзка улыбка.

Королю он, усмехаясь,
Молвит алыми устами:
«Здравствуй, тесть, падет сегодня
Голова моя на плаху.

Я умру сегодня. Дай же
Лишь до полночи пожить мне,
Чтоб свою я справил свадьбу,
Шумный пир с веселой пляской.

Дай пожить мне, дай пожить мне,
Чтоб последний выпить кубок,
Чтоб сплясать последний танец,
Дай пожить мне до полночи».

Палачу король промолвил:
«Зятю нашему дарую
Жизнь его до полуночи —
Будь с секирой наготове».

II

Рыцарь сидит за брачным столом,
Последний кубок полон вином.
К плечу его, бледна,
Припала жена.
Палач стоит перед дверью.

Бесчисленных факелов блещут огни,
И в круг гостей вступают они,
И пляшут в полночный час
В последний раз.
Палач стоит перед дверью.

Несется скрипок веселый звон,
Несется флейты печальный стон,
У всех, кто на пляску глядит,
Сердце щемит.
Палач стоит перед дверью.

И пляска длится, и зал дрожит,
И рыцарь, склонясь к жене, говорит:
«Тебя люблю я так сильно,
Но хлад могильный...»
Палач стоит перед дверью.

III

О рыцарь Олаф, час настал,
Окончены с жизнью расчеты,
Ты королевскую дочь любил
Свободно и без заботы.

Во тьме ночной блестит топор,
Псалмы бормочут монахи.
В кафтане красном человек
Стоит у черной плахи.

Выходит рыцарь из дверей.
Весь двор блестит огнями.
Смеются алые губы его,
Он альми молвит устами:

«Я славлю солнце, славлю луну
И звезд небесных сиянье,
И славлю птиц я в вышине
Веселое щебетанье.

Я славлю море, славлю твердь,
Я славлю цветы полевые,
Я славлю фиалки, они — как глаза
Жены моей голубые.

Глаза-фиалки моей жены,
За вас моя жизнь пропала.
И славлю бузинную чашу я.
Где ты моею стала».

ПСИХЕЯ

В ручках — маленький светильник,
Пламя жаркое в крови, —
Робко крадется Психея
К богу юному любви.

Наклонилась, задрожала.
Как прекрасен спящий бог!
Но, внезапно пробужденный,
Покидает он чертог.

Каясь два тысячелетья,
Плоть мученьям предает
Та, которой на мгновенье
В наготу предстал Эрот.

НЕЗНАКОМКА

Каждый день спешу я встретить
Златокудрую красотку
В Тюильрийском старом парке
Под каштанами большими.

Каждый день она гуляет,
А за ней две старых дамы...
Это тетки? Или это
Два драгуна в дамских юбках?

Ах, никто не знает толком,
Кто она! О ней повсюду
Я расспрашивал, но тщетно...
И теперь любовью болен.

Как напуган я усами
Двух ее суровых спутниц,
Но еще сильнее, пожалуй,
Я своим напуган сердцем.

Я сказать не смею слова,
С ней встречаясь ежедневно,
Я едва решаюсь взглядом
Намекнуть ей, что сгораю.

Лишь сегодня мне сказали,
Что ее зовут Лаурой,
Как и ту, кого в Провансе
Полюбил поэт великий.

Ты — Лаура! Это значит —
Я не хуже, чем Петрарка,
Честь воздавший милой даме
И в канцонах и в сонетах.

О Лаура! Как Петрарка,
Я склоняю это имя
В платоническом восторге...
Дальше он ведь не пошел.

ФРАУ МЕТТА

Датская баллада

Герр Петер и Бендер пили вино.
Герр Бендер молвил с презреньем:
«Ты можешь пеньем весь мир покорить,
Но Метту не сманишь ты пеньем».

И Петер сказал: «Я ставлю коня,
Ты ставь твою гончую свору.
Я песней Метту в свой двор заманю
Сегодня в полночную пору».

И только полночь пробили часы,
Взял Петер лютию в руки.
Через поля, через реку и лес
Волшебные хлынули звуки.

И сразу река перестала шуметь,
Притихли, заслушавшись, ели,
На небе месяц побледнел
И звезды смущенно глядели.

И фрау Метта проснулась тотчас:
«Чья песня меня разбудила?»
Надела платье и вышла во двор, —
Ах, лучше б она не ходила!

Пошла через реку, через поля,
Пошла через бор дремучий.
Герр Петер в свой далекий двор
Манил ее песней могучей.

И утром домой воротилась она,
Герр Бендер стоял на пороге.
«Где ночью ты пропадала, жена,
Зачем в росе твои ноги?»

«К затону русалок я ночью пошла,
У них совета искала.
Играя, царица русалок в меня
Студеной водою плескала».

«К русалкам ты не ходила, жена,
Там берег сухой и песчаный.
А у тебя лицо в крови,
И на ногах твоих раны».

«Я ночью в лес пошла поглядеть,
Как эльфы плясали и пели,
Лицо и ноги ободрала
Я об кустарник и ели».

«Но эльфы лишь в теплую майскую ночь
Заводят круг хороводный.
А поздней осенью в голом лесу
Бушует ветер холодный».

«Я к Петеру Нильсену ночью пошла!
Он пел, и я шла через поле,
Я шла далеко через реку и лес,
Покорна таинственной воле!

Но песня его поражает, как смерть,
В ней темная, страшная сила,
Звучащее пламя мне сердце сожгло,
И ждет меня, знаю, могила».

Гудят погребальные колокола,
И певчие в траур одеты.
Они оплакивают смерть
Несчастной фрау Метты.

Герр Бендер у черного гроба стоит,
То плакать начнет, то смеяться:
«Я потерял дорогую жену,
И с гончими надо расстаться».

OLLEA¹

СТРАНСТВУЙ!

Когда тебя женщина бросит — забудь,
Что верил ее постоянству.
В другую влюбись или трогайся в путь,
Котомку на плечи — и странствуй!

Увидишь ты озеро в мирной тени
Плакучей ивовой рощи,
Над маленьким горем немного всплахни,
И дело покажется проще.

Вздыхая, дойдешь до синеющих гор.
Когда же достигнешь вершины,

¹ Испанское народное блюдо; здесь: смесь.

Ты вздрогнешь, окинув глазами простор
И клекот услышав орлиный.

Ты станешь свободен, как эти орлы,
И, жить начиная сначала,
Увидишь с крутой и высокой скалы,
Что в прошлом потеряно мало!

СТАРИННАЯ ПЕСНЯ У КАМИНА

Бует вьюга-завируха,
Бьются хлопья о стекло.
А в моей каморке сухо,
И уютно, и тепло.

Как приятно у камина
В тишине мечтать, когда,
Бормоча напев старинный,
В котелке кипит вода.

Кот лениво лапы греет
И мурлычет в полусне.
А в камине пламя реет...
Как-то странно стало мне.

И встает из дали дальней
Позабытый век былой,
С пестротой карнавальной
И отцветшей красотой.

Дамы, ласковы и чинны,
Томно знак мне подают.

В буйной пляске арлекины
Скачут, прыгают, поют.

В бликах лунного сиянья,
Беломраморно-чисты,
Дремлют в парках изваянья
И колышутся цветы.

Выплыл замок из тумана
В блеске факельных огней,
И под грохот барабана
Гонят всадники коней.

Вот уже труба пропела,
Мчатся рыцари вперед...
Ах, вода перекипела,
И мяучит мокрый кот!

НАПРАСНОЕ ТОМЛЕНИЕ

Часто видишь, сном объятый,
Сказочных цветов пыланье;
И печалью и желаньем
Грудь томят их ароматы.

Но, увы, их отделяет
От тебя обрыв бездонный,
И в тоске неутоленной
Сердце бьется и страдает.

Ах, мерцают, манят в гости!
Как попасть к ним через бездну?
Гномик с молотком, любезный,
Не сколотишь ли мне мостик?

АНГЕЛЫ

Я, мадам, Фома Неверный,
Верой в небо не томим.
Что мне Рим ваш лицемерный,
Что мне ваш Иерусалим!

Но душа иным согрета,
Верю я, пока живу:
Ангелы, создання света,
Существуют наяву.

Видел я, как чист и светел
Этот облик неземной,
А вот крыльев не заметил
У виденья за спиной.

Часто ангел с нами рядом,
Яснолик и белорук,
Он хранит нас нежным взглядом,
Он спасает нас от мук.

Им в беде утешен каждый
И в особенности тот,
Кто приемлет муки дважды,
Кто средь вас певцом слывет.

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

ДОКТРИНА

Бей в барабан, и не бойся беды,
И маркитантку целуй вольней!
Вот тебе смысл глубочайших книг,
Вот тебе суть науки всей.

Людей барабаном от сна буди,
Зорю барабань, не жалея рук,
Маршем вперед, барабаня, иди, —
Вот тебе смысл всех наук.

Вот тебе Гегеля полный курс,
Вот тебе смысл наук прямой:
Я понял его, потому что умен,
Потому что я барабанщик лихой.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНЬЕ

Не печатай этих книжек.
Быть в беде тебе, мой милый!
Хочешь денег и почета?
Ну, так кланяйся пониже.

Я бы бросил эту моду —
О владетельных особах,
О попах в подобном тоне
Говорить перед народом.

Пропадать тебе, как мухе!
Ведь князья-то длинноруки,
Ведь попы длинноязычны,
А народы длинноухи!

ТАЙНА

Ни вздоха, ни слезы единой.
Улыбка, даже смех порой;
Ни взгляд наш, ни одно движение
Не выдаст тайны роковой.

Таясь в душе окровавленной,
Она безмолвной мукой жжет;
Кипит бунтующее сердце,
Но судорожно сомкнут рот.

Спроси младенца в колыбели,
Спроси в могиле мертвеца,
Пускай они тебе откроют,
О чем молчал я до конца.

ТАМБУРМАЖОР

Вот это бывший тамбурмажор.
Как низко пал бедняга!
При Бонапарте он знал задор,
Кипела в нем отвага.

Он жезл не выпускал из рук
И пылко вращал глазами.
Сверкал на солнце его сюртук,
Расшитый галунами.

Когда военным маршем он
Гремел, входя в столицы,
И у девиц и у матрон
Пылали жаром лица.

Пришел, увидел, победил
Прелестных иноземок.
Он черный ус не раз топил
В слезах чувствительных немок.

Терпеть приходилось! Не стало житья!
Лишь вражки войдут батальоны:
Наполеону сдаются мужья,
Тамбурмажору — жены.

Мы долго, с покорством немецких дубов,
Терпели такое глумленье,
Пока наконец из высоких крутов
Не подан был знак к избавленью.

Как зубр, готовый ринуться в бой,
Мы грозно рога воздели,
И свергнули франков гнет роковой,
И Кернера песни запели.

Ужасные вирши! Был страшен их звон,
И резал он ухо тиранов.
С тамбурмажором Наполеон
Бежали, в смятенье отпрянув.

Возмездие каждый из них заслужил,
Конец оказался мрачен.
Наполеон позорно был
Британцами захвачен.

На острове Елены с ним
Не обходились чутко,
Конец страданиям земным
Принес ему рак желудка.

Липился званья тамбурмажор —
И дворником в нашем отеле,
Забыв о славе, с этих пор
Живет он в черном теле.

Он носит воду и дрова,
Кряхтя, едва плетется
По лестнице вверх, и голова
От старости трясется.

Когда к нам Фриц приходит в дом,
То любит позубоскалить
Над одряхлевшим стариком,
Терзать его и жалить.

«Ты эти шутки, Фриц, кончай!
Германцу не пристало
Трунить над тем, кто невзначай
Скатился с пьедестала.

Отвесь-ка лучше ему поклон
С почтеньем, злой мучитель,
По ветви материнский он,
Быть может, твой родитель».

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ

Мы пели, смеялись, и солнце сияло,
И лодку веселую море качало,
А в лодке, беспечен, и молод, и смел,
Я с дорогими друзьями сидел.

Но лодку разбило волнение стихии,
Пловцы, оказалось, мы были плохие,
На родине потонули друзья,
Но бурей на Сену был выброшен я.

И новых нашел я товарищей в горе,
И новое судно мы наняли вскоре,
Швыряет, несет нас чужая река...
Как грустно! А родина так далека!

Мы снова поем, и смеемся мы снова,
А небо темнеет, и море сурово,
И тучами весь горизонт облегло...
Как тянет на родину! Как тяжело!

ВОТ ПОГОДИТЕ!

Сверкать я молнией умею,
Так вы решили: я не гром.
Как вы ошиблись! Я владею
И громовержца языком.

И только нужный день настанет, —
Я должен вас предостеречь, —
Раскатом грома голос грянет,
Ударом грозным станет речь.

В часы великой непогоды
Дубы, как щепки, полетят
И рухнут башенные своды
Старинных храмов и палат.

НОЧНЫЕ МЫСЛИ

Как вспомню к ночи край родной,
Покоя нет душе больной;
И сном забыться нету мочи,
И горько-горько плачут очи.

Проходят годы чередой...
С тех пор как матери родной
Я не видал, прошло их много!
И все растет во мне тревога...

И грусть растет день ото дня.
Околдовала мать меня:
Все б думал о старушке милой, —
Господь храни ее и милуй!

Как люблю ей ее дитя!
Пришлет письмо — и вижу я:

Рука дрожала, как писала,
А сердце ныло и страдало.

Забыть родную силы нет!
Прошло двенадцать долгих лет —
Двенадцать лет уж миновало,
Как мать меня не обнимала.

Крепка родная сторона,
Вовек не сломится она;
И будут в ней, как в оны годы,
Шуметь леса, катиться воды.

По ней не стал бы тосковать,
Но там живет старушка мать;
Меня не родина тревожит,
А то, что мать скончаться может.

Как из родной ушел земли,
В могилу многие легли,
Кого любил... Считать их стану —
И бережу за раной рану.

Когда начну усопшим счет,
Ко мне на грудь, как тяжкий гнет,
За трупом бледный труп ложится.
Болит душа, и ум мутится.

Но слава богу! В тьме окна
Зарделся свет. Моя жена
Ясна, как день, глядит мне в очи
И гонит прочь тревоги ночи.

ДОПОЛНЕНИЯ

1812—1831

ЛЮБОВНАЯ ЖАЛОБА

Одинок, в укромной келье,
Я печаль таю от всех;
Мне неведомо веселье,
Я бегу людских утех.

В одиночестве покоя
Слезы катятся в тиши;
Но умеришь ли слезою
Жар пылающей души!

Отрок резвый, я, бывало,
Отдавал игре досуг,
Сердце горести не знало,
И смеялась жизнь вокруг.

Ибо мир был пестрым садом,
И блуждал я там один,
Обводя любовным взглядом
Розы, ландыш и жасмин.

Волны кроткие свободно
По лугам катил родник;
А теперь на глади водной
Чей-то бледный вижу лик.

Стал я бледен в день, как с нею
Повстречался страстный взор;
Тайной болью я болею,
Дивно, дивно мне с тех пор.

В сердце райские святыни
Я лелеял много дней,
Но они взлетели ныне
К звездной родине своей.

Взор окутан мглой туманной,
Тени встали впереди,
И какой-то голос странный
Тайно жив в моей груди.

Болью странной, незнакомой
Я объят, во власти чар,
И безжалостной истомой
Жжет, палит меня пожар.

Но тому, что я сгораю,
Что кипит немолчно кровь,
Что, скорбя, я умираю, —
Ты виной тому, любовь!

УРОК

Пчелке твердила мать:
«К свечке нельзя летать!»
Только ее урок
Юной пчеле не впрок.

Носится вокруг огня,
Гулко жужжа, звеня;
Мать ей кричит вослед:
«Пчелка, опасен свет!»

Кровь, молодая кровь...
Вновь бы кружить и вновь;
Ярок свечи огонь, —
«Пчелка, крылом не тронь!»

Вспыхнул огня язык,
Пчелка сгорела вмиг, —
Это тебе урок:
Бойся любви, сынок!

* * *

Не верую я в небо,
Ни в Новый, ни в Ветхий завет.
Я только в глаза твои верю,
В них мой небесный свет.

Не верю я в господу бога,
Ни в Ветхий, ни в Новый завет.
Я в сердце твое лишь верю,
Иного бога нет.

Не верю я в духа злого,
В геенну и муки ее.
Я только в глаза твои верю,
В злое сердце твое.

* * *

Цветы к лучезарному солнцу
Согласно возводят взор;
Струи к лучезарному морю
Согласно текут на простор.

Все песни к моей лучезарной
Согласно взлетают вдаль.
Вы, песни, возьмите с собою
Тоску мою и печаль.

* * *

Исходя печалью нежной,
Смотрят звезды с высоты;
В небеса, в простор безбрежный,
Смотрят грустные цветы.

С неба месяц одинокий
Грустно смотрится в ручей,
Топит боль свою в потоке,
Охлаждает жар лучей.

Страстно горлинки воркуют,
Томно стонут под луной,
Светляки подруг чаруют,
В темноте горя ночной.

Ветер лаской овевает
Зелень шумную весны,
С поцелуем обнимает
Тени, зыбкие, как сны.

Пляшет все — цветы и волны,
Звезд касается листва,
И поет, веселья полный,
Мир любви и волшебства.

* * *

Кто память у сердца отнимет
О том, как была хороша
Ты в дни, когда были моими
И тело твое и душа?

О, если б и впредь твое тело
Лежало в объятьях моих!
А душу зарыть можешь смело,
Нам хватит моей на двоих.

Тебе я души половину
Отдам, когда будем вдвоем,
И тело с душой воедино
Мы, крепко обнявшись, сольем.

* * *

Узы дружбы, пыл сердечный,
Философский камень вечный —
Я их славил, как и вы,
Но сыскать не мог, увы!

* * *

Весь день о ней я тосковал,
Полночи был во власти грез,
И тяжкий сон меня сковал
И к ней мгновенно перенес.

Как роза юная, она
Цветет, спокойна и светла.
Ягнят на глади полотна
Выводит тонкая игла.

Так кроток взор, — ей не понять,
Что я поник, душой скорбя.
«Ты бледен, Генрих, как узнать,
Что огорчило так тебя?»

Так кроток взор, — и странно ей,
Что горько плачу я, любя.
«Ты плачешь, Расскажи скорей,
Мой друг, кто огорчил тебя?»

Так кроток нежный взор, — а я
Готов в стенаньях изойти.
«Виною ты, любовь моя,
Что эта боль вот здесь, в груди».

Она встает, душой светла,
И руку мне на грудь кладет:
И разом боль моя прошла,
И ясен утра был восход.

* * *

Ты губы в кровь искусала мне,
Целуй же, чтоб им зажить,
И если до вечера ты не вполне
Управишься — что тужить!

У нас впереди еще целая ночь,
Подруга моя, любовь!
Мы можем с тобой целоваться всю ночь!
Опять, и еще раз, и вновь.

* * *

Когда ты раскрыла объятия — о боги! —
Душа моя к небу рванулась, ликуя.
Ее отпустив без малейшей тревоги,
Тем временем пил я нектар поцелуя.

* * *

Меня ты, крошка, не конфузъ
Поклонами на променаде;
Вот дома, там я не боюсь, —
С тобой мы там поладим.

* * *

Ты красива, ты богата,
Ты хозяйственна притом.
В лучшем виде хлев и погреб,
В лучшем виде двор и дом.

Сад подчищен и подстрижен,
Всюду польза и доход.
Прошлогодня солома
У тебя в постель идет.

Но увы, ни губ, ни сердца
Все ты к делу не приткнешь,
И кровати половина
Пропадает ни за грош.

* * *

Поля и леса зеленеют,
И жаворонки звенят,
Весна явилась и сеет
Цветы, лучи, аромат.

От звонкого птичьего пенья
Развеялся зимний мой сон,
И песней исходит томленье,
Печальный слышится стон.

«О чем ты грустишь, бедняжка?» —
Мне жаворонок поет.
Я эту песенку, пташка,
Твержу из года в год!

Вздыхаю уныло и тяжело
И в роще зеленой пою.
Твой дедушка с бабкой, пташка,
Слыхали песню мою.

* * *

Пробудись, мечта былая,
Сердце, глубь раскрой свою!
Горечь слез и сладость песен
Ключевой струей пролью.

Я пойду в тенистый ельник,
Где над лепетом воды
Бродят гордые олени,
Свищут милые дрозды.

Я хочу подняться в горы,
На крутые гребни скал,
Где на мертвых башнях замка
Луч восхода заиграл.

Там, присев на серый камень,
Оживлю мечтой моей
Славу прежних поколений
И величье давних дней.

Поросло бурьяном поле,
Где воитель молодой,
Всех повергнув на турнире,
Был увенчан как герой.

Плющ разросся на балконе,
Где прекрасной дамы взгляд
Окрыленному победой
Был дороже всех наград.

Смерть, однако, поразила
Этих баловней побед,
Всех ее коса настигнет,
И пески затянут след.

* * *

В серый плащ укрылись боги,
Спят, ленивцы, непробудно,
И храпят, и дела нет им,
Что швыряет буря судно.

А ведь правда, будет буря, —
Вот скорлупке нашей горе!
Не взнуздаешь этот ветер,
Не удержишь это море!

Ну и пусть рычит и воет,
Пусть ревет хоть всю дорогу.
Завернусь я в плащ мой верный
И усну, подобно богу.

* * *

На небе полная луна,
И тихо шепчет море;
Опять душа моя грустна,
И в сердце тяжесть горя.

Я вспомнил песни старины
О городах забытых,
На дне морском, средь глубины,
Водой навеки скрытых.

Молитвы там, на дне, и звон,
Но это не поможет:
Кто был однажды погребен,
Восстать уже не может.

* * *

Был месяц март, когда любовь
Мне мукой взволновала кровь.
Но вот зеленый май пришел,
И скорби я конец обрел.

То было, помню, светлым днем,
Мы на скамье сидели вдвоем
Под липой, спрятавшись от людей,
И там открыл я сердце ей.

В саду ароматном, в зеленых ветвях
Пел соловей. Но в его словах
Мы разбирались тогда едва ли —
Мы с нею о важных вещах толковали.

Друг другу в верности мы клялись.
Закат померк, и часы неслись;
Сидели мы долго во тьме, и у нас
Жаркие слезы струились из глаз.

* * *

Я много творю песнопений,
Пою их милой давно,
Они, звеня опереньем,
Влетают к тебе в окно.

А мальчики — дар супруга,
Храпящего рядом с тобой, —
Они прибегают с луга,
Из рощи к тебе домой.

И люди охотно внемлют
Созвучьям песен моих;
Но уши они затыкают
От воя мальчишек твоих.

Кто песнь эту пел беззаботно,
Тот ночь одиноко провел;
Он вместо бы песен охотно
Мальчишек на свет произвел.

* * *

Когда с любимой мы вдвоем,
Я словно во хмелю.
Я так богат, я все кругом,
Весь мир себе куплю.

Но гонит луч зари меня
Из лебединых рук,
И вновь я нищий в блеске дня,
И пусто все вокруг.

* * *

Моим бы песням нежным
Цветами расцветать:
Я их послал бы милой —
Чудесный запах впивать.

Моим бы песням нежным
Лобзаньем легким взлетать:
Я их послал бы — щечки
Любимой целовать.

Моим бы песням нежным
Горошинками стать:
Какой бы можно дивный
Гороховый суп подать!

* * *

Когда подступает волшебный миг
И ширится грудь, вдохновенья родник,
Берусь за перо я, поспешен и дик, —
И образ чудесный из слова возник...

* * *

Если ты связан интимно с дамой,
Мой друг, скрывай ее имя упрямо!
Ради нее — если дама дворянка,
Ради себя — если дама мещанка.

* * *

Вновь с истерзанной душою
Ясным днем, в разгаре лета,
Пробираясь стороною,
В лес иду искать ответа.

Птичьи хоры умолкают,
Мне сочувствуя невольно;
Липы ветками качают, —
Им, должно быть, тоже больно.

Вот уж и поляна близко.
Я сажусь в немом томленье...
«Киска, маленькая киска!» —
Стонет эхо в отдаленье.

«...Киска, мой котенок славный,
Как могла ты быть жестокой,
Стать тигрицей своенравной,
Ранить сердце мне глубоко!»

Сердце в горести суровой
Долго счастья избегало —
Пал я жертвой страсти новой,
Что в глазах твоих сияла.

Ты, мурлыча, говорила:
«О, поверь мне хоть немножко!
Не царапаюсь я, милый, —
Я ведь ласковая кошка!»

* * *

Храни вас г-спода забота
От слишком злых сердцебиений,
От слишком пахнущего пота
И от желудка засорений.

Под игом брака оставаясь,
Как в первый день его живите,
Всегда любовью наслаждайтесь
И щедро деточек плодите.

* * *

Весь день я в усадях небесных провел,
Весь вечер вкушал я блаженство.
Вино было крепко, душа весела,
Но Китти была — совершенство.

Горячие губы впивались в меня
Так бурно, так сладострастно.
Глаза, потемнев, заклинали меня
Так нежно, так робко, так властно.

Обманом бежал я. Покуда она
Смеялась, играя со мною,
Я руки прекрасные Китти связал
Ее расплетенной косою.

ПРИГРЕЗИВШЕЕСЯ СЧАСТЬЕ

Соловей запел над розой,
Вся природа ликovala.
Ты меня прижала к сердцу,
Ты любила, целовала.

Розу осень опалила,
Соловей унесся к югу,
Ты умчалась, я остался,
Я один и жду подругу.

Долгой ночью тьма и холод.
Где же ты? Мне все постыло.
Трудно жить мечтой о прошлом,
Быть счастливым тем, что было.

УХОДЯЩЕЕ ЛЕТО

Редет лес и желтеет,
Кружатся по ветру листья,
Увянуть и с прахом смешаться —
Таков удел красоты.

На кронах деревьев трепещет
Болезненный солнечный свет, —
Последние поцелуи,
В них лета прощальный привет.

И вновь накаплиют слезы
В сердечной глубине,

Так явственно, как мы прощались,
Все это напомнило мне.

Я должен был ехать, хоть видел
Лик смерти над ложем твоим.
Я был уходящим летом,
А ты — этим лесом больным.

К ДЖЕННИ

Мне — тридцать пять, тебе пятнадцать...
Но, Дженни, ты ль вообразишь,
Кого ты мне напоминаешь,
Какую рану бередишь?

В году семнадцатом я встретил
Ту, что была моей судьбой,
Всем — от походки до прически —
Столь дивно схожую с тобой.

Ах, как по ней я убивался,
Отправясь в университет!
И не она ли говорила,
Что без меня ей жизни нет?..

Но вот, едва прошло три года,
Я в Геттингене узнаю
О том, что замуж за другого
Невесту выдали мою.

Был майский день. Цветы пестрели,
Ручьи весенние текли,
И выползал навстречу солнцу
Последний червь из-под земли.

И только я, теряя силы,
Томился, бледный и больной.
И богу одному известно,
Что было пережито мной...

Но я, как видишь, исцелился.
И ты едва ль вообразишь,
Кого ты мне напоминаешь,
Какую рану бередишь.

* * *

Что за роскошь, соразмерность
Членов гибких, форм упругих!
И головку-чаровницу
Шейка стройная колеблет!

В умилительно-задорном,
Дивном личике смешались
Нега женщины во взоре
С детской кротостью в улыбке.

И когда б, местами только,
Не налег на эти плечи
Прах земной густою тенью, —
Я б сравнил тебя с Венерой,

С Афродитою, богиней,
Из волны морской восставшей,
Излучающей сиянье,
Да и вымытой отлично...

* * *

«Звезды глаз в красе смертельной...» —
Помню, так она звучала,
Эта песня, что в Тоскане
Я услышал у причала.

Пела песенку девчонка —
Та, что сети починяла.
Поглядела — и прижался
В поцелуе к губкам алым.

Только я тебя увидел,
Вспомнил песенку былую,
Море, сети и девчонку...
Так давай же поцелую!

* * *

Зазвенело в песне звонкой
Все, что я в душе таил, —
Бог любви свою ручонку
Здесь, конечно, приложил.

Он маэстро в театре сердца
Моего, — и каждый миг
Превращает в звуки скерцо
Дум и чувств моих язык.

РОМАНСЕРО

ВАЛЬКИРИИ

На земле — война... А в тучах
Три валькирии летучих
День и ночь поют над ней,
Взмылив облачных коней.

Власти — спорят, люди — страждут,
Короли господства жаждут.
Власть — превысшее из благ.
Добродетель — в звоне шпаг.

Гей, несчастные, поверьте:
Не спасет броня от смерти;
Пал герой, глаза смежив,
Лучший — мертв, а худший — жив.

Флаги. Арки. Стол накрытый.
Завтра явится со свитой
Тот, кто лучших одолел
И на всех ярмо надел.

Вот въезжает триумфатор.
Бургомистр или сенатор
Подлецу своей рукой
Ключ подносит городской.

Гей! Венки, гирлянды, лавры!
Пушки бьют, гремят литавры,
Колокольный звон с утра.
Чернь беснуется: «Ура!»

Дамы нежные с балкона
Сыплют розы восхищенно.
И, уже высокочтим,
Новый князь кивает им.

ПОЛЕ БИТВЫ ПРИ ГАСТИНГСЕ

Аббат Вальдгема тяжело
Вздыхнул, смущенный вестью,
Что саксов вождь — король Гарольд —
При Гастингсе пал с честью.

И двух монахов послал аббат, —
Их Асгот и Айльрик звали, —
Чтоб тотчас на Гастингс шли они
И прах короля отыскивали.

Монахи пустились печально в путь,
Печально домой воротились:
«Отец преподобный, постыла нам жизнь —
Со счастьем мы простились.

Из саксов лучший пал в бою,
И Банкерт смеется, негодный;
Отребе норманнское делит страну,
В раба обратился свободный.

И стали лордами у нас
Норманны — вшивые воры.
Я видел, портной из Байе гарцевал,
Надев злаченные шпоры.

О, горе нам и тем святым,
Что в небе наша опора!
Пускай трепещут и они,
И им не уйти от позора.

Теперь открылось нам, зачем
В ночи комета большая
По небу мчалась на красной метле,
Кровавым светом сияя.

То, что пророчила звезда,
В сражении мы узнали.
Где ты велел, там были мы
И прах короля искали.

И долго там бродили мы,
Жестоким горем томимы,
И все надежды оставили нас,
И короля не нашли мы».

Асгот и Айльрик окончили речь.
Аббат сжал руки, рыдая,
Потом задумался глубоко
И молвил им, вздыхая:

«У Гринфильда скалу Певцов
Лес окружил, синей;
Там в ветхой хижине живет
Эдит Лебяжья Шея.

Лебяжьей Шеей звалась она
За то, что клонила шею
Всегда, как лебедь; король Гарольд
За то пленился ею.

Ее он любил, лелеял, ласкал,
Потом забыл, покинул.
И время шло; шестнадцатый год
Теперь тому уже минул.

Отправьтесь, братья, к женщине той,
Пускай идет она с вами
Назад, на Гастингс, — женский взор
Найдет короля меж телами.

Затем в обратный пускайтесь путь.
Мы прах в аббатстве скроем, —
За душу Гарольда помолимся все
И с честью тело зароем».

И в полночь хижина в лесу
Предстала пред их глазами.
«Эдит Лебяжья Шея, встань
И тотчас следуй за нами.

Норманнский герцог победил,
Рабами стали бритты,
На поле гастингском лежит
Король Гарольд убитый.

Ступай на Гастингс, найди его, —
Исполни наше дело, —
Его в аббатство мы снесем,
Аббат похоронит тело».

И молча поднялась Эдит
И молча пошла за ними.
Неистовый ветер ночной играл
Ее волосами седыми.

Сквозь чащу леса, по мху болот
Ступала ногами босыми.
И Гастингса меловой утес
Наутро встал перед ними.

Растаял в утренних лучах
Покров тумана белый,
И с мерзким карканьем воронье
Над бранным полем взлетело.

Там, на поле, тела бойцов
Кровавую землю устлали,
А рядом с ними, в крови и пыли,
Убитые кони лежали.

Эдит Лебязья Шея в кровь
Ступала босой ногою,
И взгляды пристальных глаз ее
Летели острой стрелою.

И долго бродила среди бойцов
Эдит Лебязья Шея,
И, отгоняя воронье,
Монахи брели за нею.

Так целый день бродили они,
И вечер приближался,
Как вдруг в вечерней тишине
Ужасный крик раздался.

Эдит Лебяжья Шея нашла
Того, кого искала.
Склонясь, без слов и без слез она
К лицу его припала.

Она целовала бледный лоб,
Уста с запекшейся кровью,
К раскрытым ранам на груди
Склонялася с любовью.

К трем милым рубцам на плече его
Она прикоснулась губами, —
Любовной памятью были они,
Прошедшей страсти следами.

Монахи носилки сплели из ветвей,
Тихонько шепча молитвы,
И прочь понесли своего короля
С ужасного поля битвы.

Они к Вальдгему его несли.
Спускалась ночь, чернея.
И шла за гробом своей любви
Эдит Лебяжья Шея.

Молитвы о мертвых пела она,
И жутко разносились
Зловещие звуки в глухой ночи;
Монахи тихо молились.

КАРЛ I

В хижине угольщика король
Сидит один, озабочен.
Сидит он, качает дитя, и поет,
И слушает шорохи ночи.

«Баюшки-бай, в соломе шуршит,
Блеет овца в сарае.
Я вижу знак у тебя на лбу,
И смех твой меня пугает.

Баюшки-бай, а кошки нет.
На лбу твоём знак зловещий.
Как вырастешь ты, возьмешь топор, —
Дубы в лесу затрепещут.

Был прежде угольщик благочестив, —
Теперь все стало иначе:
Не верят в бога дети его,
А в короля тем паче.

Кошки нет — раздолье мышам.
Жить осталось немного, —
Баюшки-бай, — обоим нам:
И мне, королю, и богу.

Мой дух слабеет с каждым днем,
Гнетет меня дума злая.
Баюшки-бай. Моим палачом
Ты будешь, я это знаю.

Твоя колыбельная — мне Упокой.
Кудри седые срезав,
У меня на затылке, — баюшки-бай, —
Сльшу, звенит железо.

Баюшки-бай, а кошки нет.
Царство добудешь, крошка,
И голову мне снесешь долой.
Угомонилась кошка.

Что-то заблеяли овцы опять.
Шорох в соломе все ближе.
Кошки нет — мышам благодать.
Спи, мой палачик, спи же».

МАРИЯ-АНТУАНЕТТА

Как весело окна дворца Тюильри
Играют с солнечным светом!
Но призраки ночи и в утренний час
Скользят по дворцовым паркетам.

В разубранном павильоне de Flor'
Мария-Антуанетта
Торжественно совершает обряд
Утреннего туалета.

Придворные дамы стоят вокруг,
Смущенья не обнаружив.
На них — брильянты и жемчуга
Среди атласа и кружев.

Их талии узки, фижмы пышны,
А в ножках — кокетства сколько!
Шуршат волнующие шелка
Голов не хватает только!

Да, все — без голов!.. Королева сама,
При всем своем царственном лоске,
Стоит перед зеркалом без головы
И, стало быть, без прически.

Она, что носила с башню шиньон
И титул которой так громок,
Самой Марии-Терезии дочь,
Германских монархов потомок, —

Теперь без завивки, без головы
Должна — нет участи хуже! —
Стоять среди фрейлин незавитых
И безголовых к тому же!

Вот — революции горький плод!
Фатальнейшая доктрина!
Во всем виноваты Жан-Жак Руссо,
Вольтер и гильотина!

Но удивительно, странная вещь:
Бедняжки — даю вам слово! —
Не видят, как они мертвы
И до чего безголовы.

Все та же отжившая дребедень!
Здесь все, как во время оно:
Смотрите, как смешны и страшны
Безглавые их поклоны.

Несет с приседаньями дама d'atour¹
Сорочку монаршей особе.
Вторая дама сорочку берет,
И приседают обе.

И третья с четвертой, и эта, и та
Знай приседают без лени
И госпоже надевают чулки,
Падая на колени.

Присела пятая — подает
Ей пояс. А шестая
С нижнею юбкой подходит к ней,
Кланяясь и приседая.

С веером гофмейстерина стоит,
Командуя всем парадом,
И, за отсутствием головы,
Она улыбается задом.

Порой любопытное солнце в окно
Посмотрит на все это чудо,
Но, старые призраки увидав,
Спешит убраться отсюда!

¹ Камеристка (фр.).

ПОМАРЭ

I

Бог любви ликует в сердце,
И в груди гремят фанфары:
Венценосице виват!
Слава царственной Помарэ!

Эта родом не с Таити
(Ту муштруют миссионеры),
У Помарэ дикий нрав,
И повадки, и манеры.

К верноподданным выходит
Раз в четыре дня, и только,
Чтоб плясать в саду Мабиль,
И канкан сменяет полька.

Рассыпает величаво
Милость вправо, благость влево,
Вся — от бедер до ступней —
В каждом дюйме — королева!

Бог любви ликует в сердце,
И в груди гремят фанфары:
Венценосице виват!
Слава царственной Помарэ!

II

Танцует. Как она стройна!
Как изгибается она!
Прыжок, еще прыжок... о боже!
Готова вырваться из кожи.

Танцует. Руки вдруг сплела
И закружилась, как юла,
И замерла, как дух бескрылый...
О господи, пошли мне силы!

Танцует. Смолкло все крутом...
Так перед Иродом-царем
Плясала дочь Иродиады,
И мы напрасно ждем пощады.

Танцует. Гнется до земли.
Что сделать мне? Скажи! Вели!
Казнить Крестителя! Скорее!
И голову дать Саломее!

III

Та, что ела черствый хлеб
По велению судеб,
Ныне, позабыв задворки,
Едет гордо на четверке.
Под баюканье колес
Мнет в подушках шелк волос,
Над толпой в окно смеется,
Что толпа пешком плетется.

О судьбе твоей скорбя,
Я вздыхаю про себя:
Ах, на этой колеснице
Ты доедешь до больницы,
Где по божьему суду
Смерть прервет твою беду,
Где анатом с грязной дланью,
Безобразный, с жаждой знанья,

Тело сладостное вмиг
Искромсает, как мясник.
Эти кони также скоро
Станут жертвой живодера.

IV

Смерть с тобой поторопилась
И на этот раз права, —
Слава богу, все свершилось,
Слава богу, ты мертва!

В той мансарде, где уныло
Мать влачила дни свои,
Вся в слезах она закрыла
Очи синие твои.

Саван сшила, сбереженья
На могилу отдала,
Но, по правде, погребенье
Пышным сделать не смогла.

Тяжкий колокол не плакал,
Не читал молитвы поп,
Только пес да парикмахер
Провожали бедный гроб.

Куафер вздыхает грустно,
Слезы смахивая с глаз:
«Эти локоны искусно
Я причесывал не раз!»

Ну а пес умчался вскоре
От убогих похорон.
Говорят, забыв про горе,
Он живет у Роз-Помпон.

Роз-Помпон, дитя Прованса,
Так завистлива и зла,
О тебе, царица танца,
Столько сплетен собрала!

Королева шутики праздной,
Спас господь твои права,
Ты лежишь в короне грязной,
Божьей милостью мертва.

Ты узнала благость бога,
Поднял он тебя во мгле —
Не за то ли, что так много
Ты любила на земле!

БОГ АПОЛЛОН

I

Стоит на вершине горы монастырь.
Под кручей Рейн струится.
К решетке прильнув, на зеркальную ширь
Глядит молодая черница.

И видит: по Рейну кораблик бежит
Невиданной оснастки,
Цветами и парчой увит,
Наряжен, точно в сказке.

Плывет светлокудрый щеголь на нем,
Как изваянье стоя,
В плаще пурпурно-золотом
Античного покроя.

У ног красавца — девять жен,
Как статуи, прекрасны,
И гибкий стан их облачен
Туникою атласной.

Поет златокудрый, искусной рукой
На звонкой лире играя.
И внемлет, охвачена жгучей тоской,
Черница молодая.

Крестясь, отвернется и смотрит вновь,
Ломает в страхе руки...
Бессилен крест прогнать любовь,
Спасти от сладкой муки!

II

«Я — Аполлон, бог музыки,
Прославленный повсюду.
Был на Парнасе в Греции
Мой храм, подобный чуду.

На Монпарнасе, в Греции,
Под кипарисной сенью,

Внимал я струй Касталии
Таинственному пенью.

Ко мне сходились дочери,
Смеялись, танцевали
Иль вокализ, ля-ля-ри-ри,
Веселый распевали.

В ответ им рог: тра-ра, тра-ра —
Гремел, леса пугая, —
То Артемида дичь гнала,
Сестрица дорогая.

И стоило кастальских вод
Губами мне коснуться —
Мгновенно сердце запоет,
И строфы сами льются.

Я пел — и вторила, звеня,
Мне лира золотая.
Сквозь лавры Дафна на меня
Глядела, замирая.

Я пел, и амброзийное
Лилось благоуханье,
Вселенную единое
Наполнило сиянье.

Я прогнан был из Греции,
Считаюсь на чужбине,
Но в Греции, но в Греции
Душа моя доньне».

III

В одеяние бегинок,
В плащ тяжелый с капюшоном
Из грубейшей черной саржи,
Облеклась черница тайно.

И стремительно шагает
Рейнским берегом, дорогой
На Голландию, и встречных
Вопрошает поминутно:

«Не видали Аполлона?
Плыл он вниз, одетый в пурпур,
Пел, бряцал на звонкой лире, —
Он кумир, он идол мой!»

Не хотят ответить люди:
Этот молча отвернется,
Тот, смеясь, глаза тарацит,
А иной вздохнет: «Бедняжка!»

Но навстречу ковыляет
Грязный, ветхий старикашка
И, руками рассуждая,
Что-то сам себе бормочет.

За спиной его котомка,
Он в шапчонке треугольной
И, хитро прищуря глазки,
Стал и слушает монашку.

«Не видали Аполлона?
Плыл он вниз, одетый в пурпур,
Пел, бряцал на лире звонкой, —
Он кумир, он идол мой!»

Ухмыляясь и кивая
Сокрушенно головою,
Старичок перебирает
Рыжеватую бородку.

«Как я мог его не видеть!
Сорок раз видал в немецкой
Синагоге в Амстердаме.
Был он кантором и звался

Ребе Файбиш, — по-немецки
Файбиш значит Аполлон.
Но, ей-богу, он не идол!
Красный плащ? Конечно, знаю.

Красный плащ! Хороший бархат —
По восьми флоринов локоть;
Счет пока не погашен.
И отца его отлично

Знал я: это Мозес Итчер,
Обрезатель крайней плоти.
У евреев португальских
Резал он и совершены.

Мать его — она кузина
Зятю моему, — на Грахте
Квашеной капустой, луком
И тряпьем она торгует.

Нет им радостей от сына!
Мастер он играть на лире,
Но зато он трижды мастер
Надувать в тарок и ломбер.

И притом он вольнодумец!
Ел свинину; был уволен
С должности и ныне возит
Трупу крашенных актеров.

Представляет в балаганах
Пикельгеринга и даже
Олоферна, но известность
Заслужил царем Давидом.

Он псалмы царя Давида
Пел на древнем диалекте,
Как певал их сам Давид,
Как певали наши деды.

Он в притонах Амстердама
Девять плюх набрал смазливых
И как девять муз их возит,
Нарядившись Аполлоном.

Есть у них одна толстуха,
Мастерица ржать и хрюкать, —
Носит лавры и за это
Прозвана зеленой хрюшкой».

ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕЦ

Скрипки, цитры, бубнов лязги!
Дщери Иаковлевы в пляске
Вкруг золотого истукана,
Вкруг тельца ликуют. Срам!
Трам-трам-трам!..
Клики, хохот, звон тимпана.

И хитоны, как блудницы,
Подоткнув до поясницы,
С быстротою урагана
Пляшут девы — нет конца —
Вкруг тельца...
Клики, хохот, звон тимпана.

Аарон, сам жрец верховный,
Пляской увлечен греховой:
Несмотря на важность сана,
В ризах даже, — в пляс пошел,
Как козел...
Клики, хохот, звон тимпана.

КОРОЛЬ РИЧАРД

Сквозь чащу леса вперед и вперед
Спешит одинокий рыцарь.
Он в рог трубит, он песни поет,
Душа его веселится.

О твердый панцирь его не раз
Ломалось копьё иноверца.
Но панциря тверже душа, как алмаз,
У Ричарда Львиное Сердце.

«Добро пожаловать! — шепчут листы
Своим языком зеленым. —
Мы рады, король, что в Англии ты,
Что вырвался ты из полона».

Король вспоминает свою тюрьму
И шпорит коня вороного.
На вольном воздухе славно ему,
Он будто родился снова.

АЗР

Каждый день, зари прекрасней,
Дочь султана проходила
В час вечерний у фонтана,
Где, белея, струи плещут.

Каждый день стоял невольник
В час вечерний у фонтана,
Где, белея, струи плещут.
Был он с каждым днем бледнее.

И однажды дочь султана
На невольника взглянула:
«Назови свое мне имя,
И откуда будешь родом?»

И ответил он: «Зовусь я
Магометом. Йемен край мой.
Я свой род веду от азров,
Полюбив, мы умираем».

ПФАЛЬЦГРАФИНЯ ЮТТА

Пфальцграфиня Ютта на легком челне
Ночью по Рейну плывет при луне.
Служанка гребет, госпожа говорит:
«Ты видишь семь трупов? Страшен их вид!
Семь трупов за нами
Плывут над волнами...
Плывут мертвецы так печально!

То рыцари были в расцвете лет.
Каждый принес мне любовный обет,
Нежно покоясь в объятьях моих.
Чтоб клятв не нарушили, всех семерых
Швырнула в волну я,
В пучину речную...
Плывут мертвецы так печально!»

Графиня смеется, служанка гребет.
Злой хохот несется над лоном вод.
А трупы, всплывая, по пояс видны,
Простерли к ней руки и, клятвам верны,
Все смотрят с укором
Стекланным взором...
Плывут мертвецы так печально!..

МАВРИТАНСКИЙ ЦАРЬ

От испанцев в Альпухару
Мавританский царь уходит.
Юный вождь, он, грустный, бледный,
Возглавляет отступление.

С ним — на рослых иноходцах,
На носилках золоченых
Весь гарем его. На мулах —
Чернокожие рабыни;

В свите — сотня слуг надежных
На конях арабской крови.
Статны кони, но от горя
Хмуро всадники поникли.

Ни цимбал, ни барабанов,
Ни хвалебных песнопений,
Лишь бубенчики на мулах
В тишине надрывно плачут.

С вышины, откуда видно
Всю равнину вокруг Дуэро,
Где в последний раз мелькают
За горой зубцы Гранады,

Там, с коня на землю спрыгнув,
Царь глядит на дальний город,
Что в лучах зари вечерней
Блещет золотом багряным.

Но, Аллах, — о, стыд великий! —
Где священный полумесяц?
Над Альгамброй оскверненной
Реют крест и флаг испанский.

Видит царь позор ислама
И вздыхает сокрушенно,
И потоком бурным слезы
По его щекам струятся.

Но царица-мать на сына
Мрачно смотрит с иноходца,
И бранит его, и в сердце
Больно жалит горьким словом.

«Полно, Боабдил эль-Чико,
Словно женщина ты плачешь
Оттого, что в бранном деле
Вел себя не как мужчина».

Был тот злой укор услышан
Первой из наложниц царских,
И она, с носилок прыгнув,
Кинулась ему на шею.

«Полно, Боабдил эль-Чико,
Мой любимый повелитель!
Верь, юдоль твоих страданий
Расцветет зеленым лавром.

О, не только триумфатор,
Вождь, увенчанный победой,
Баловень слепой богини,
Но и кровный сын злосчастья,

Смелый воин, побежденный
Лишь судьбой несправедливой,
Будет в памяти потомков
Как герой вовеки славен».

И «Последним вздохом мавра»
Называется доньше
Та гора, с которой видел
Он в последний раз Гранаду.

А слова его подруги
Время вскоре подтвердило:
Юный царь прославлен в песне,
И не смолкнет песня славы

До тех пор, покуда струны
Не порвутся до последней
На последней из гитар,
Что звенят в Андалусии.

ЖОФФРУА РЮДЕЛЬ И МЕЛИСАНДА ТРИПОЛИ

В замке Блэ ковер настенный
Вышит пестрыми шелками.
Так графиня Триполи
Шила умными руками.

И в питье вложила душу,
И слезой любви и горя
Орошала ту картину,
Где представлено и море,

И корабль, и как Рюделя
Мелисанда увидала,
Как любви своей прообраз
В умиравшем угадала.

Ах, Рюдель и сам впервые
В те последние мгновенья
Увидал ее, чью прелесть
Пел, исполнен вдохновенья.

Наклонясь к нему, графиня
И зовет, и ждет ответа,
Обняла его, целует
Губы бледные поэта.

Тщетно! Поцелуй свиданья
Поцелуем был разлуки.
Чаша радости великой
Стала чашей смертной муки.

В замке Блэ ночами слышен
Шорох, шелест, шепот странный,
Оживают две фигуры
На картине шелкотканой.

И, стряхнув оцепененье,
Дама сходит с трубадуром,
И до света обе тени
Бродят вновь по залам хмурым.

Смех, объятья, нежный лепет,
Горечь сладостных обетов,
Замогильная галантность
Века рыцарей-поэтов.

«Жоффруа! Погасший уголь
Загорелся жаром новым.
Сердце мертвое подруги
Ты согрел волшебным словом».

«Мелисанда! Роза счастья!
Всю земную боль и горе
Я забыл — и жизни радость
Пью в твоём глубоком взоре».

«Жоффруа! Для нас любовь
Сном была в преддверье гроба.
Но Амур свершает чудо, —
Мы верны и в смерти оба».

«Мелисанда! Сон обманчив,
Смерть — ты видишь — также мнима.
Жизнь и правда — лишь в любви,
Ты ж навеки мной любима!»

«Жоффруа! В старинном замке
Любо грезить под луною.
Нет, меня не тянет больше
К свету, к солнечному зною».

«Мелисанда! Свет и солнце —
Все в тебе, о дорогая!
Там, где ты, — любовь и счастье,
Там, где ты, — блаженство мая!»

Так болтают, так блуждают
Две влюбленных нежных тени,
И, подслушивая, месяц
Робко светит на ступени.

Но, видениям враждебный,
День восходит над вселенной —
И, страшась, они бегут
В темный зал, в ковер настенный.

ПОЭТ ФИРДУСИ

I

К одному приходит золото,
Серебро идет к другому, —
Для простого человека
Все томаты — серебро.

Но в устах державных шаха
Все томаты — золотые,
Шах дарит и принимает
Только золотые деньги.

Так считают все на свете,
Так считал и сам великий
Фирдуси, творец бессмертной
Многославной «Шах-наме».

Эту песню о героях
Начал он по воле шаха.
Шах сулил певцу награду:
Каждый стих — один томан.

Расцвело семнадцать весен,
Отцвело семнадцать весен,
Соловей прославил розу
И умолк семнадцать раз,

А поэт сидел прилежно
У станка крылатой мысли,
День и ночь трудясь прилежно,
Ткал ковер узорной песни.

Ткал поэт ковер узорный
И вплетал в него искусно
Все легенды Фарсистана,
Славу древних властелинов,

Своего народа славу,
Храбрых витязей деянья,
Волшебство и злые чары
В раме сказочных цветов.

Все цвело, дышало, пело,
Пламенело, трепетало, —
Там сиял, как свет небес,
Первозданный свет Ирана,

Яркий, вечный свет, не меркший
Вопреки Корану, муфти,
В храме огненного духа,
В сердце пламенном поэта.

Завершив свое творенье,
Переслал поэт владыке
Манускрипт великой песни:
Двести тысяч строк стихов.

Это было в банях Гасны, —
В старых банях знойной Гасны
Шаха черные посланцы
Разыскали Фирдуси.

Каждый нес мешок с деньгами
И слагал к ногам поэта,
На колени став, высокий,
Щедрый дар за долгий труд.

И поэт нетерпеливо
Вскрыл мешки, чтоб насладиться
Видом золота желанным, —
И отпрянул, потрясенный.

Перед ним бесцветной грудой
Серебро в мешках лежало —
Двести тысяч, и поэт
Засмеялся горьким смехом.

С горьким смехом разделил он
Деньги на три равных части.
Две из них посланцам черным
Он, в награду за усердье,

Роздал — поровну обоим,
Третью банщику он бросил
За его услуги в бане:
Всех по-царски наградил.

Взял он страннический посо́х
И, столичный град покинув,
За воротами с презреньем
Отряхнул с сандалий прах.

II

«Если б только лгал он мне,
Обещав — нарушил слово,
Что же, людям лгать не ново,
Я простить бы мог вполне.

Но ведь он играл со мной,
Обнадежил обещаньем,
Ложь усугубил молчаньем, —
Он свершил обман двойной.

Был он статен и высок,
Горд и благороден ликом, —
Не в пример другим владыкам —
Царь от головы до ног.

Он, великий муж Ирана,
Солнцем глядя мне в глаза, —
Светоч правды, лжи гроза, —
Пал до низкого обмана!»

III

Шах Магомет окончил пир.
В его душе любовь и мир.

В саду у фонтана, под сенью маслин,
На красных подушках сидит властелин.

В толпе прислужников смиренной —
Анзари, любимец его неизменный.

В мраморных вазах, струя аромат,
Буйно цветущие розы горят,

Пальмы, подобны гуриям рая,
Стоят, опахала свои колыхая.

Спят кипарисы полуденным сном,
Грезя о небе, забыв о земном.

И вдруг, таинственной вторя струне,
Волшебная песнь полилась в тишине.

И шах ей внимлет с огнем в очах.
«Чья эта песня?» — молвит шах.

Анзари в ответ: «О владыка вселенной,
Той песни творец — Фирдуси несравненный».

«Как? Фирдуси? — изумился шах. —
Но где ж он, великий, в каких он краях?»

И молвил Анзари: «Уж много лет
Безмерно бедствует поэт.

Он в Тус воротился, к могилам родным,
И кормится маленьким садом своим».

Шах Магомет помолчал в размышленье
И молвил: «Анзари, тебе повеленье!

Ступай-ка на скотный мой двор с людьми,
Сто мулов, полсотни верблюдов возьми.

На них нагрузи драгоценностей гору,
Усладу сердцу, отраду взору, —

Заморских диковин, лазурь, изумруды,
Резные эбеновые сосуды,

Фаянс, оправленный кругом
Тяжелым золотом и серебром,

Слоновую кость, кувшины и кубки,
Тигровы шкуры, трости, трубки,

Ковры и шали, парчовые ткани,
Изготавливаемые в Иране.

Не позабудь вложить в тюки
Оружье, брони и чепраки

Да самой лучшей снеси в избытке,
Всех видов яства и напитки,

Конфеты, миндальные торты, варенья,
Разные пироги, соленья.

Прибавь двенадцать арабских коней,
Что стрел оперенных и ветра быстрее,

Двенадцать невольников чернотелых,
Крепких, как бронза, в работе умелых.

Анзари, сей драгоценный груз
Тобой доставлен будет в Тус

И весь, включая мой поклон,
Великому Фирдуси вручен».

Анзари исполнил повеленья,
Навьючил верблюдов без промедленья, —

Была несметных подарков цена
Доходу с провинции крупной равна.

И вот Анзари в назначенный срок
Собственноручно поднял флажок

И знойною степью в глубь Ирана
Двинулся во главе каравана.

Шли восемь дней и с девятой зарей
Тус увидали вдали под горой.

Шумно и весело, под барабан,
С запада в город вошел караван.

Грянули враз: «Ля-иль-ля иль алла!»
Это ль не песня триумфа была!

Трубы ревели, рога завывали,
Верблюды, погонщики — все ликовали.

А в тот же час из восточных ворот
Шел с погребальным плачем народ.

К тихим могилам, белевшим вдали,
Прах Фирдуси по дороге несли.

ЛЕСНОЕ УЕДИНЕНИЕ ..

Бывало, в годы молодые
Венком украшал я кудри густые;
Чудесен каждый был цветок,
И полон чар был мой венок.

Венок был, правда, всем по вкусу;
Не столь — его обладатель безусый.
Бежал от зависти людской,
Бежал я в зеленый приют лесной.

В лесу, в лесу — лишь там свободой
Я мог упиться вдвоем с природой!
Феи и серны, в ветвистых рогах,
Ко мне подходили, забыв всякий страх.

Ко мне подходили они совсем близко,
Не видя в том ни капельки риска:
Не был охотником я для зверей,
Тварью разумной я не был для фей.

Про ласковость фей лишь глупцы бы трубили;
Но что другие приветливы были
Почетные граждане леса ко мне —
Это признать могу я вполне.

Как мило вокруг меня эльфы порхали!
Воздушный народец! Болтали, визжали!
Чуть-чуть колоч лишь взор их был —
За миг наслажденья он гибель сулил.

Меня они тешили играми, пляской,
А то забавляли какой-нибудь сказкой
Иль сплетней про свидания
Царицы их Титании.

Сижу ль над ружьем — погружались, ныряли,
В серебряном длинном своем покрывале,
В порхающем взлете кудрей, из пучин,
Водные духи, толпы унди.

Они ударили по цитрам, по скрипкам,
Кружась в хороводе неистово-зыбком;
Позы, движенья, мелодии звук —
То был звенящий, летящий круг.

Бывали, впрочем, у них минутки,
Когда затихали мои малютки;
Тогда садились они отдохнуть,
Головкой прильнув ко мне на грудь.

Трели мурлыкали, пели романсы.
К примеру, заморский — про три померанца;
Награждали также хвалой
Меня и возвышенный облик мой.

Песни порою они прерывали
Смехом — и сложный вопрос предлагали,
К примеру: «Скажи, на какой предмет
Создал господь человека на свет?

Бессмертна ль у всех вас душа, или тоже;
Подобно телу, она из кожи
Или из прочного льна? Почему
Так недалек человек по уму?»

Что отвечал я им, конечно,
Я скрою здесь, но душе моей вечной
Обиды вовсе не нанес
Ундины маленький вопрос.

Ундины и эльфы прелестны, лукавы, —
Земные же духи открытого нрава
И преданы людям всем сердцем. Меж них
Мне нравились гномы больше других.

Одежда их — плащик пурпуровый, длинный;
У них любознательно-робкие мины;
Я не дал понять им, что знал, отчего
Ступни они прячут пуще всего.

О том, что у них утиные ножки,
Никто не знает, думают крошки;
Боль причинял им этот порок,
Я насмеяться над ними не мог.

Подобно карлам этим — ах, боже! —
Все мы скрываем что-нибудь тоже
И мним, что никто никогда не узрит,
Где наша утиная ножка торчит.

Саламандры знакомства со мной не водили,
И очень немного о них сообщили
Мне духи лесные. Ночью глухой,
Как тени, скользили они предо мной.

Тонки, как спички, тщедушны, юрки,
Узко обтянуты брючки и куртки,
Цвета багрянца, с шитьем золотым,
С видом утрюмым, желчным, больным.

Венчик из золота в ярких рубинах
Носят они на головках змеиных —
И каждая хочет разыгрывать роль,
Как будто она — абсолютный король.

То, что в огне они не сгорают,
Хитрая штука — всякий признаёт;
Но и при этом они для меня
Не настоящие духи огня!

Меж духов других — обитателей бора —
Смышленной всех — старички-мандрагоры;
Длинные бороды, рост с ногтей, —
Что за народ, никому невдомек!

Когда при луне они кувыркались,
Просто сморчками они мне казались;
Но так как от них лишь добро я видал,
То в их родословную я не вникал.

Учили они меня разным уловкам:
Птиц заколдовывать окриком ловким;
В ночь на Ивана Купалу срывать
Цвет-невидимку; огонь заклинать.

Учили гадать по звездам без осечки,
На ветре скакать без седла и уздечки
И с помощью вечных рунических слов
Выманивать мертвых из их гробов.

Учили проделкам меня и таким:
Как дятла обманывать свистом глухим,
Чтобы добыть разрыв-траву
И клад отыскать, зарытый во рву.

Словам, что бормочут про поиски клада,
И всем наговорам, каким только надо,
Меня обучали — да только не впрок!
Искусства наживы постичь я не мог.

К тому ж не нуждался я в этом, пожалуй:
Немногим довольствуясь, тратил я мало;
Воздушными замками я обладал
И на доходы от них проживал.

О, чудное время, когда, бывало,
Душа от счастья трепетала!
Кобольдов шутки, танцы наяд
В сердце волшебный вливали мне яд!

О, чудное время! Помню, в те годы
Яркой листвы триумфальные своды
Мне, как герою, лес открывал;
Лавром увенчан, в него я вступал!

То чудное время давно улетело,
И все изменилось с тех пор, потускнело;
Навек похищен был — увь! —
Венок волшебный с моей головы.

Венка чело мое лишилось —
Не знаю, как это приключилось,
Одно лишь знаю — с этих пор
Душа пуста и пуст мой взор.

Глазеют вокруг какие-то маски
Бессмысленно жутко! Небо без ласки,
Как мрачный погост, без бога, немой;
В лес я вхожу с поникшей главой.

Из лесу эльфы скрылись проворно;
Лай псов там слышен, охотничьи горны;
Прячется серна в чаще лесной,
Раны зализывая с тоской.

А где мандрагоры? Наверно, засели
Они от испуга в горные щели!
Вновь посещаю, друзья мои, вас —
Но без венка и без счастья в сей раз!

Где светлая фея, чью нежность впервые
Изведал я в те дни золотые?
Дуб, где она обитала в дупле,
Ветром растерзан, склонился к земле.

Мрачно, как Стикс, шумит стремнина;
На берегу пустынном ундина,

Как изваянье, смертельно бледна,
Словно в глубоком горе она.

К ней с состраданием я подхожу —
В страхе вскочила ундина, гляжу,
И ускользает с таким выраженьем,
Словно столкнулась она с привиденьем.

ИСПАНСКИЕ АТРИДЫ

В лето тысяча и триста
Восемьдесят три, под праздник
Сан-Губерто, в Сеговии
Пир давал король испанский.

Все дворцовые обеды
На одно лицо, — все та же
Скука царственно зевает
За столом у всех монархов.

Яства там — откуда хочешь,
Блюда — только золотые,
Но во всем свинцовый привкус,
Будто ешь стряпню Локусты.

Та же бархатная сволочь,
Расфуфырившись, кивает —
Важно, как в саду тюльпаны.
Только в соусах различье.

Словно мак, толпы жужжанье
Усыпляет ум и чувства,
И лишь трубы пробуждают
Одуревшего от жвачки.

К счастью, был моим соседом
Дон Диего Альбукерке,
Увлекательно и живо
Речь из уст его лилась.

Он рассказывал отлично,
Знал немало тайн дворцовых,
Темных дел времен дон Педро,
Что Жестоким Педро прозван.

Я спросил, за что дон Педро
Обезглавил дон Фредрего,
Своего родного брата.
И вздохнул мой собеседник.

«Ах, сеньор, не верьте вракам
Завсегдатаев трактирных,
Бредням праздных гитаристов,
Песням уличных певцов.

И не верьте бабьим сказкам
О любви меж дон Фредрего
И прекрасной королевой
Доньей Бланкой де Бурбон.

Только мстительная зависть,
Но не ревность венценосца
Погубила дон Фредрего,
Командора Калатравы.

Не прощал ему дон Педро
Славы, той великой славы,
О которой донна Фама
Так восторженно трубила.

Не простил дон Педро брату
Благородства чувств высоких,
Красоту, что отражала
Красоту его души.

Как живого, я доньне
Вижу юного героя —
Взор мечтательно-глубокий,
Весь его цветущий облик.

Вот таких, как дон Фредрего,
От рожденья любят феи.
Тайной сказочной дышали
Все черты его лица.

Очи, словно самоцветы,
Синим светом ослепляли,
Но и твердость самоцвета
Проступала в зорком взгляде.

Пряди локонов густые
Темным блеском отливали,
Сине-черною волною
Пышно падая на плечи.

Я в последний раз живого
Увидал его в Коимбре,
В старом городе, что отнял
Он у мавров, — бедный принц!

Узкой улицей скакал он,
И, следя за ним из окон,
За решетками вздыхали
Молодые мавританки.

На его высоком шлеме
Перья вольно развевались,
Но отпугивал греховность
Крест нагрудный Калатравы.

Рядом с ним летел прыжками,
Весело хвостом виляя,
Пес его любимый, Аллан,
Чье отечество — Сьерра.

Несмотря на рост огромный,
Он, как серна, был проворен.
Голова, при сходстве с лисей,
Мощной формой поражала.

Шерсть была нежнее шелка,
Белоснежна и курчава.
Золотой его ошейник
Был рубинами украшен,

И, по слухам, талисман
Верности в нем был запрятан.
Ни на миг не покидал он
Господина, верный пес.

О, неслыханная верность!
Не могу без дрожи вспомнить,
Как раскрылась эта верность
Перед нашими глазами.

О, проклятый день злодейства!
Это все свершилось здесь же,
Где сидел я, как и ныне,
На пиру у короля.

За столом, на верхнем месте,
Там, где ныне дон Энрико
Осушает кубок дружбы
С цветом рыцарей кастильских,

В этот день сидел дон Педро,
Мрачный, злой, и, как богиня,
Вся сияя, восседала
С ним Мария де Падилья.

А вон там, на нижнем месте,
Где, одна, скучает дама,
Утопающая в брыжах
Плоских, белых, как тарелка, —

Как тарелка, на которой
Личико с улыбкой кислой,
Желтое и все в морщинах,
Выглядит сухим лимоном, —

Там, на самом нижнем месте,
Стул незанятым остался.
Золотой тот стул, казалось,
Поджидал большого гостя.

Да, большому гостю был он,
Золотой тот стул, оставлен,
Но не прибыл дон Фредрего,
Почему — теперь мы знаем.

Ах, в тот самый час свершилось
Небывалое злодейство:
Был обманом юный рыцарь
Схвачен слугами дон Педро,

Связан накрепко и брошен
В башню замка, в подземелье,
Где царили мгла и холод
И горел один лишь факел.

Там, среди своих подручных,
Опираясь на секиру,
Ждал палач в одежде красной,
Мрачно пленнику сказал он:

«Приготовьтесь к смерти, рыцарь.
Как гроссмейстеру Сант-Яго,
Вам из милости дается
Четверть часа для молитвы».

Преклонил колени рыцарь
И спокойно помолился,
А потом сказал: «Я кончил», —
И удар смертельный принял.

В тот же миг, едва на плиты
Голова его скатилась,
Подбежал к ней верный Аллан,
Не замеченный доселе.

И схватил зубами Аллан
Эту голову за кудри
И с добычей драгоценной
Полетел стрелою наверх.

Вопли ужаса и скорби
Раздавались там, где мчался
Он по лестницам дворцовым,
Галереям и чертогам.

С той поры, как Валтасаров
Пир свершался в Вавилоне,
За столом никто не видел
Столь великого смятенья,

Как меж нас, когда вбежал он
С головою дон Фредрего,
Всю в пыли, в крови, за кудри
Волоча ее зубами.

И на стул пустой, где должен
Был сидеть его хозяин,
Вспрыгнул пес и, точно судьям,
Показал нам всем улику.

Ах, лицо героя было
Так знакомо всем, лишь стало
Чуть бледнее, чуть серьезней,
И вокруг ужасной рамой

Кудри черные змеились,
Вроде страшных змей Медузы,
Как Медуза, превращая
Тех, кто их увидел, в камень.

Да, мы все окаменели,
Молча глядя друг на друга,
Всем язык одновременно
Этикет и страх связали.

Лишь Мария де Падилья
Вдруг нарушила молчанье,
С воплем руки заломила,
Вещим ужасом полна.

«Мир сочтет, что я — убийца,
Что убийство я свершила,
Рок детей моих постигнет,
Сыновей моих безвинных».

Дон Диего смолк, заметив,
Как и все мы, с опозданием,
Что обед уже окончен
И что двор покинул залу.

По-придворному любезный,
Предложил он показать мне
Старый замок, и вдвоем
Мы пошли смотреть палаты.

Проходя по галерее,
Что ведет к дворцовой псарне,
Возвещавшей о себе
Визгом, лаем и ворчаньем,

Разглядел во тьме я келью,
Замурованную в стену
И похожую на клетку
С крепкой толстою решеткой.

В этой клетке я увидел
На соломе полусгнившей
Две фигурки, — на цепи
Там сидели два ребенка.

Лет двенадцати был младший,
А другой чуть-чуть постарше.
Лица тонки, благородны,
Но болезненно-бледны.

Оба были полуголы
И дрожали в лихорадке.
Тельца худенькие были
Полосаты от побоев.

Из глубин безмерной скорби
На меня взглянули оба.
Жутки были их глаза,
Как-то призрачно-пустые.

«Боже, кто страдалцы эти?» —
Вскрикнул я и дон Диего
За руку схватил невольно.
И его рука дрожала.

Дон Диего, чуть смущенный,
Оглянулся, опасаясь,
Что его услышать могут,
Глубоко вздохнул и молвил

Нарочито светским тоном:
«Это два родные брата,
Дети короля дон Педро
И Марии де Падилья.

В день, когда в бою под Нарвас
Дон Энрико Транстамаре
С брата своего дон Педро
Сразу снял двойное бремя:

Тяжкий гнет монаршей власти
И еще тягчайший — жизни,
Он тогда как победитель
Проявил и к детям брата

Милосердье. Он обоих
Взял, как подобает дяде,
В замок свой и предоставил
Им бесплатно кров и пищу.

Правда, комнатка тесна им,
Но зато прохладна летом,
А зимой хоть не из теплых,
Но не очень холодна.

Кормят здесь их черным хлебом,
Вкусным, будто приготовлен
Он самой Церерой к свадьбе
Прозерпиночки любимой.

Иногда пришлет им дядя
Чашку жареных бобов,
И тогда уж дети знают:
У испанцев воскресенье.

Не всегда, однако, праздник,
Не всегда бобы дают им.
Иногда начальник псарни
Щедро потчует их шлетью.

Ибо сей начальник псарни,
Коего надзору дядя,
Кроме псарни, вверил клетку,
Где племянники живут,

Сам — весьма несчастный в браке
Муж той самой Лимонессы
В брыжах белых, как тарелка,
Что сидела за столом.

А супруга так сварлива,
Что супруг, сбежав от брани,
Часто здесь на псах и детях
Плетью вымещает злобу.

Но такого обращенья
Наш король не поощряет.
Он велел ввести различье
Между принцами и псами.

От чужой бездушной плети
Он племянников избавил
И воспитывать обоих
Будет сам, собственноручно».

Дон Диего смолк внезапно,
Ибо сенешаль дворцовый
Подожел к нам и спросил:
«Как изволили откупать?»

СЕМЕЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Много женщин — много блошек,
Много блошек — зуду много.
Пусть кусают! Этих крошек
Вы судить не смейте строго.

Мстить они умеют больно,
И когда порой ночную
К ним прижметесь вы невольно —
Повернутся к вам спиною.

ТЕПЕРЬ КУДА?

Ну, теперь куда?.. Опять
Рад бы встретиться с отчизной,
Но, качая головой,
Разум шепчет с укоризной:

«Хоть окончилась война,
Но остались трибуналы.
Угодишь ты под расстрел!
Ведь крамольничал немало!»

Это верно. Не хочу
Ни расстрела, ни ареста,
Не герой я. Чужды мне
Патетические жесты.

Я бы в Англию уплыл, —
Да пугают англичане
И фабричный дым... От них
Просто рвет меня заране.

О, нередко я готов
Пересечь морские воды,
Чтоб в Америку попасть,
В тот гигантский хлев свободы, —

Но боюсь я жить в стране,
Где плевательниц избегли,
Где жуют табак и где
Без царя играют в кегли.

Может быть, в России мне
Было б лучше, а не хуже, —
Да не вынесу кнута
И жестокой зимней стужи.

Грустно на небо смотрю,
Вижу звездный рой несметный, —
Но нигде не нахожу
Я звезды моей заветной.

В лабиринте золотом
Заблудилась в час полночный, —
Точно так же, как и я
В этой жизни суматошной.

ГАРАНТИЯ

Страсть сказала богу песен,
Что потребует залога
Прежде, чем ему отдаться, —
Жить так трудно и убого.

Отвечал ей бог со смехом:
«Изменилось все на свете.

Говоришь, как ростовщик, ты,
Должников ловящий в сети.

Хочешь, дам тебе я лиру —
Правда, лиру золотую.
Под залог ее, красотка,
Сколько дашь ты поцелуев?»

СТАРАЯ РОЗА

Сердца жар во мне зажгла,
Юной свежестью блистала,
И росла, и расцвела,
И роскошной розой стала.

Я б сорвал царицу роз, —
Был влюблен я, был я молод, —
Но насмешек злых не снес,
Весь шипами был исколот.

Ей, узнавшей много вьюг,
Плохо скрывшей старость гримом,
«Милый Генрих» стал я вдруг,
Стал хорошим, стал любимым.

«Генрих, вспомни! Генрих, верь!» —
От восхода до заката.
И беда лишь в том теперь,
Что невеста бородата.

Над губой торчит кустом,
Ниже колетя, как щетка.
Хоть побрейся, а потом
В монастырь иди, красотка!

АУТОДАФЕ

Блеклый розан, пыльный локон,
Кончик банта голубого,
Позабывшие записки,
Бредни сердца молодого, —

В пламя яркое камина
Я бросаю без участия,
И трещат в огне остатки
Неудач моих и счастья.

Лживо-ветреные клятвы
Улетают струйкой дыма,
И божок любви лукавый
Улыбается незримо.

И гляжу, в мечтах о прошлом,
Я на пламя. Без следа
Догорают в пепле искры, —
Доброй ночи! Навсегда!

ЛАЗАРЬ

Ход жизни

Кто имеет много благ,
Тем, глядишь, еще дается.
Кто лишь малым наделен,
Тот с последним расстается.

А уж если гол и бос,
Лучше саван шей заране.
Тот имеет право жить,
У кого звенит в кармане.

Оглядка

На милой, земной этой кухне когда-то
Вдыхал я все запахи, все ароматы.
Знавал я такие восторги порой,
Каких ни один не изведал герой!
Пил кофе, пирожными я объедался,
С прекрасными куклами забавлялся
И в модном всегда щеголял скюртуке.
Дукаты звенели в моем кошельке.
Как Геллерт, крылатого гнал я коня,
Дворец восхитительный был у меня.
В долинах блаженства дремал я, бывало,
И солнце лучами меня целовало.
Лавровый венок мне чело обвивал
И грезы волшебные мне навевал.
Мечтанья о розах, о радости мая
Тогда я лелеял, печали не зная.

Не думал о смерти, не ведал забот,
И рябчики сами летели мне в рот.
Потом прилетали ко мне ангелочки
С бутылкой шампанского в узелочке.
Но лопнули мыльные пузыри!
На мокрой траве я лежу, смотри —
Свело ревматизмом мне ноги и руки.
Душа скорбит от стыда и муки.
Все то, чем когда-то так счастлив я был,
Я самой ужасной ценой оплатил.
Отраву мне подливали в напитки,
Меня клопы подвергали пытке,
Невзгоды одолевали всюду.
Я должен был лгать и выклянчивать ссуду
У старых кокоток и юных кутил,
Как будто я милостыню просил.
Теперь надоело мне по свету шляться,
Теперь я в могиле хочу налегаться.
Итак, прощайте, собратья Христовы,
Надеюсь, в раю мы увидимся снова!

Воскресение из мертвых

Весь мир наполнил трубный рев,
Гудит земля сырая.
И мертвецы встают на зов,
Костями громыкая.

Кто на ногах, те, знай, бредут,
Лишь саваном белым одеты,
В Иосафат, где будет суд, —
Там сбор со всей планеты.

Судья — Христос. Он окружен
Апостолами снова.
Их вызвал как присяжных он,
И кротко их мудрое слово.

Они вершат в открытую суд
В день светлый, в день расплаты,
Когда нас трубы призовут,
Все маски будут сняты!

В Иосафатской долине, меж гор,
Стоят мертвецы по уступам,
И грешников столько, что здесь приговор
Выносят суммарно — по группам.

Овечек направо, налево козлят, —
Постановление мгновенно:
Невинным овцам — райский сад,
Козлам похотливым — геенна.

Охладелый

Умрешь — так знай, придется в прах
Надолго слечь. И гложет страх.
Да, страх берет: до воскрешенья
Сойдешь с ума от нетерпенья!

Еще б хоть раз, пока светло
В глазах и сердце не сдало,
Хоть раз в конце пути земного
Щедрот любви отведашь снова.

И пусть мне явится она
Блондинкой, нежной, как луна, —

Вредней, чем солнце в полдень знойный,
Мне жар бронежилетов беспокойной.

Цветущим юношам милей
Кипенье бешеных страстей,
Размолвки, клятвы, беснованья
И обоюдные терзанья.

А я не молод, не здоров,
И пусть бы мне под грустный кров
Любовь, мечты послали боги
И счастье — только без тревоги!

Погибшие надежды

Привлеченные взаимно
Сходством душ в любой детали,
Мы всегда друг к другу льнули,
Хоть того не сознавали.

Оба честны, оба скромны,
Даже мысли сплошь да рядом
Мы угадывали молча,
Обменявшись только взглядом.

О, я жаждал быть с тобою
До последнего момента,
Боевым твоим собратом
В тихом *dolce far niente*¹.

Да, мечтой о жизни вместе
Сердце тешил я и разум,

¹ Сладком ничегонеделанье, безделье (ит.).

Я бы сделал что угодно,
Чуть мой друг моргнул бы глазом,

Ел бы все, что ты прикажешь,
И притом хвалил бы с жаром,
Прочих блюд и не касался б,
Пристрастился бы к сигарам.

И тебя, как в годы оны,
Угощал бы для забавы
На еврейском диалекте
Анекдотами Варшавы.

Ах, забыть бы все мечтанья,
Все скитанья по чужбинам.
К очагу твоей фортуны
Воротиться блудным сыном.

Но, как жизнь, умчались грезы,
Сны растаяли, как пена,
Я лежу, приговоренный,
Мне не вырваться из плена.

Да, и грезы и надежды —
Все прошло, погребло даром,
Ах, мечтатель прямо в сердце
Смертным поражен ударом!

День поминовенья

Не прочтут мне скучный кадош,
Не отслужат мессы чинной,
Ни читать, ни петь не будут,
Вспоминая дни кончины.

Но, быть может, в годовщину,
Если будет день погожий,
На Монмартр моя Матильда
С Паулиной выйдет все же.

Принесет из иммортелей
Для могилы украшение
И, вздыхая: «Rauvte homme!»¹ —
Прослезится на мгновенье

Жаль, что я живу высоко, —
Не могу я, как бывало,
Кресла предложить любимой,
Ах, она в пути устала!

Милая моя толстушка,
Вновь пешком идти не надо.
Посмотри — стоят фиакры
За кладбищенской оградой.

Свидание

Беседка. И вечер. И запахи сада.
В молчанье сидим у окошка мы снова.
От месяца льется и жизнь и отрада.
Два призрака, вместе мы вновь — и ни слова.

Двенадцать годов прошумели над нами
С тех пор, как безумное видело лето
И нежный наш пыл, и великое пламя,
Но вот отгорело, угасло и это.

¹ Бедняжка! (фр.)

Сначала болтуня усердно старалась,
Но я не поддерживал разговора,
И в пепле любовном не загоралось
Ни искры от скучного женского вздора.

Она вспоминала и длинно и нудно,
Как силилась отогнать искушение,
Как ей добродетель хранить было трудно...
Я делал глупое выражение.

Потом уехал. И мимо бежали
Деревья, как духи под бледной луною.
А воздух звучал голосами печали,
И призраки мертвых летели за мною.

Госпожа Забота

В лучах удачи еще вчера
Кружилась беспечная мошкара.
Друзьями всегда был полон дом,
И смех не смолкал за моим столом.
Я с первым встречным, как с братом,
Делился последним дукатом.

Но вот за удачей захлопнулась дверь,
И нет ни гроша у меня теперь,
И в долгие зимние вечера
Не кружит беспечная мошкара.
А тут и друзья понемногу
Ко мне позабыли дорогу.

С тех пор неотступно сиделкой ночной
Забота склоняется надо мной.

Черный чепец и белый капот,
В руке табакерка. Всю ночь напролет
Старуха, трясясь над постелью,
К проклятому тянется зелью.

Мне снится порой: возвратились они,
Удача и теплые майские дни.
Вновь кружатся мошки у фонаря.
Мгновение — и мыльного нет пузыря!
Скрипит табакерка — старуха
Чихает у самого уха.

В октябре 1849

Умчалась буря — тишь да гладь.
Германия, большой ребенок,
Готова елку вновь справлять
И радуется празднику спросонок.

Семейным счастьем мы живем,
От беса — то, что манит выше!
Мир воротился в отчий дом,
Как ласточка под сень знакомой крыши.

Все спит в лесу и на реке,
Залитой лунными лучами.
Но что там? Выстрел вдалеке, —
Быть может, друг расстрелян палачами!

Быть может, одолевший враг
Всадил безумцу пулю в тело.
Увы, не все умны, как Флакк, —
Он уцелел, бежав от битвы смело!

Вновь треск... Не в честь ли Гёте пир?
Иль, новым пламенем согрета,
Вернулась Зонтаг в шумный мир
И славит лиру дряхлую ракета?

А Лист? О, милый Франц, он жив!
Он не заколот в бойне дикой,
Не пал среди венгерских нив,
Пронзенный царской иль кроатской пикой.

Пусть кровью изопла страна,
Пускай раздавлена свобода, —
Что ж, дело Франца сторона,
И шпагу он не вынет из комода.

Он жив, наш Франц! Когда-нибудь
Он сможет прежнею отвагой
В кругу своих внучат хвастнуть:
«Таков я был, так сделал выпад шпагой».

О, как моя вскипает кровь
При слове «Венгрия»! Мне тесен
Немецкий мой камзол, и вновь
Я слышу трубы, зов знакомых песен.

Опять звучит в душе моей,
Как шум далекого потока,
Песнь о героях прошлых дней,
О Нибелунгах, павших жертвой рока.

Седая быль повторена,
Как будто вспять вернулись годы.
Пусть изменились имена —
В сердцах героев тот же дух свободы.

Им так же гибель рок судил:
Хоть стяги реют в гордом строе, —
Пред властью грубых, темных сил
Обречены падению герои.

С быком вступил в союз медведь,
Ты пал, мадьяр, в неравном споре,
Но верь мне — лучше умереть,
Чем дни влачить, подобно нам, в позоре.

Притом хозяева твои —
Вполне пристойная скотина,
А мы — рабы осла, свиньи,
Вонючий пес у нас за господина!

Лай, хрюканье — спасенья нет,
И что ни день — смердит сильнее.
Но не волнуйся так, поэт, —
Ты нездоров, и помолчать — вернее.

Дурной сон

Во сне я вновь стал юным и беспечным,
С холма, где был наш деревенский дом,
Сбегали мы по тропкам бесконечным,
Рука в руке, с Оттилией вдвоем.

Что за сложение у милой крошки,
Глаза ее, как море, зелены —
Точь-в-точь русалка, а какие ножки!
В ней грация и сила сплетены.

Как речь ее проста и непритворна, —
О, этот нежный полудетский тон! —

Любое слово разуму покорно,
А губы — точно розовый бутон.

Не грежу я, любовь не ослепляет
Горячечного взора ни на миг,
Но что-то в ней мне душу исцеляет —
Я, весь дрожа, к руке ее приник.

И лилию, не зная, что со мною,
Я дерзостно протягиваю ей,
Воскликнув: «Стань, малютка, мне женою
И праведностью надели своей!»

Увы, мне и доныне неизвестно,
Какой ответ с ее сорвался губ:
Проснулся я в своей каморке тесной,
Придавленный болезнью полутруп.

Она погасла

Темнеет рампа в час ночной,
И зрители спешат домой.
«Ну как, успех?» — «Неплохо, право:
Я слышал сам, кричали «браво»,

В почтенной публике кругом
Неслись, как шквал, рукоплесканья...»
Теперь же — тих нарядный дом,
Ни света в нем, ни ликованья.

Но — чу! Раздался резкий звук,
Хотя подмости опустели.
Не порвалась ли где-то вдруг
Одна из струн виолончели?
Но тут в партер из-за кулис,
Шурша, метнулась пара крыс;
И никнет в горьком чаде масла
Фитиль последний, чуть дыша...
А в нем была моя душа.
Тут лампа бедная погасла.

Enfant perdu¹

Как часовой, на рубеже свободы
Лицом к врагу стоял я тридцать лет.
Я знал, что здесь мои промчатся годы,
И я не ждал ни славы, ни побед.

Пока друзья храпели беззаботно,
Я бодрствовал, глаза вперив во мрак.
(В иные дни прилег бы сам охотно,
Но спать не мог под храп лихих вояк.)

Порой от страха сердце холодело
(Ничто не страшно только дураку!) —
Для бодрости высвистывал я смело
Сатиры злой звенящую строку.

¹ Обреченное дитя (фр.) Имеется в виду часовой, стоящий на передовом посту.

Ружье в руке, всегда на страже ухо, —
 Кто б ни был враг — ему один конец!
 Вогнал я многим в мерзостное брюхо
 Мой раскаленный мстительный свинец.

Но что таить! И враг стрелял порою
 Без промаха, — забыл я ранам счет.
 Теперь — увы! — я все равно не скрою —
 Слабеет тело, кровь моя течет.

Свободен пост! Мое слабеет тело...
 Другой заменит павшего бойца!
 Я не сдаюсь! Еще оружие цело,
 И только жизнь иссякла до конца.

ДИСПУТ

Во дворце толедском трубы
 Зазывают всех у входа,
 Собираются на диспут
 Толпы пестрые народа.

То не рыцарская схватка,
 Где блестит оружие часто,
 Здесь копьем послужит слово
 Заостренное схоласта.

Не сойдутся в этой битве
Молодые паладины,
Здесь противниками будут
Капуцины и раввины.

Капушоны и ермолки
Лихо носят забияки.
Вместо рыцарской одежды —
Власяницы, лапсердаки.

Бог ли это настоящий?
Бог единый, грозный, старый,
Чей на диспуте защитник
Реб Иуда из Наварры?

Или бог другой — трехликий,
Милосердный, христианский,
Чей защитник брат Иосиф,
Настоятель францисканский?

Мощной цепью доказательств,
Силой многих аргументов
И цитатами — конечно,
Из бесспорных документов —

Каждый из героев хочет
Всех врагов обезоружить,
Доведеньем *ad absurdum*¹
Сущность бога обнаружить.

Решено, что тот, который
Будет в споре побежденным,
Тот религию другую
Должен счесть своим законом.

¹ До абсурда (*лат.*).

Иль крещение приемлют
Иудеи в назиданье, —
Иль, напротив, францисканцев
Ожидает обрезанье.

Каждый вождь пришел со свитой:
С ним одиннадцать — готовых
Разделить судьбу в победе
Иль в лишениях суровых.

Убежденные в успехе
И в своем священном деле,
Францисканцы для евреев
Приготовили купели,

Держат дымные кадила
И в воде кропила мочат...
Их враги ножи готовят,
О точильный камень точат.

Обе стороны на месте:
Переполненная зала
Оживленно суетится
В ожидании сигнала.

Под навесом золоченым
Короля сверкает ложа.
Там король и королева,
Что на девочку похожа.

Носик вздернут по-французски,
Все движения невинны,
И лукавы и смеются
Уст волшебные рубины.

Будь же ты хранима богом,
О цветок благословенный...
Пересажена, бедняжка,
С берегов веселой Сены

В край суровый этикета,
Где ты сделалась испанкой,
Бланш Бурбон звалась ты дома,
Здесь зовешься доньей Бланкой.

Короля же имя — Педро,
С прибавлением — Жестокий.
Но сегодня, как на счастье,
Спят в душе его пороки;

Он любезен и приятен
В эти редкие моменты,
Даже маврам и евреям
Рассыпает комплименты.

Господам без крайней плоти
Он доверился всецело;
И войска им предоставил,
И финансовое дело.

Вот вовсю гремят литавры,
Трубы громко возвещают,
Что духовный поединок
Два атлета начинают.

Францисканец гнев священный
Здесь обрушивает первый —
То звучит трубою голос,
То елеем мажет нервы.

Именем отца, и сына,
И святого духа — чинно
Заклинает францисканец
«Семя Якова» — раввина.

Ибо часто так бывает,
Что, немало бед содеяв,
Черти прячутся охотно
В теле хитрых иудеев.

Чтоб изгнать такого черта,
Поступает он сурово:
Применяет заклинанья
И науку богослова.

Про единого в трех ликах
Он рассказывает много, —
Как три светлых ипостаси
Одного являют бога:

Это тайна, но открыта
Лишь тому она, который
За предел рассудка может
Обращать блаженно взоры.

Говорит он о рожденье
Вифлеемского дитяти,
Говорит он о Марии
И о девственном зачатье,

Как потом лежал младенец
В яслях, словно в колыбели,
Как бычок с коровкой тут же
У господних яслей млели;

Как от Иродовой казни
Иисус бежал в Египет,
Как позднее горький кубок
Крестной смерти был им выпит;

Как при Понтии Пилате
Подписали осужденье —
Под влияньем фарисеев
И евреев, без сомненья.

Говорит монах про бога,
Что немедля гроб оставил
И на третий день блаженно
Путь свой на небо направил.

Но когда настанет время,
Он на землю возвратится, —
И никто, никто из смертных
От суда не уклонится.

«О, дрожите, иудеи!.. —
Говорит монах. — Поверьте,
Нет прощенья вам, кто гнал
Бога к месту крестной смерти.

Вы убийцы, иудеи,
О народ — жестокий мститель!
Тот, кто вами был замучен,
К нам явился как Спаситель.

Весь твой род еврейский — плевел,
И в тебе ютятся бесы.
А твои тела — обитель,
Где свершают черти мессы.

Так сказал Фома Аквинский,
Он недаром «бык ученья»,
Как зовут его за то, что
Он лампада просвещенья.

О евреи, вы — гиены,
Кровожадные волчицы,
Разрываете могилу,
Чтобы трупом насладиться.

О евреи — павианы
И сычи ночного мира,
Вы страшнее носорогов,
Вы — подобие вампира.

Вы мышей летучих стая,
Вы вороны и химеры,
Филины и василиски,
Тварь ночная, изуверы.

Вы гадюки и медянки,
Жабы, крысы, совы, змеи!
И суровый гнев господень
Покарает вас, злодеи!

Но, быть может, вы решите
Обрести спасенье ныне
И от злобной синагоги
Обратите взор к святыне,

Где собор любви обильной
И отеческих объятий,
Где святые благовонный
Льют источник благодати;

Сбросьте ветхого Адама,
Отрепашь от злобы старой,
И с сердец сотрите плесень,
Что грозит небесной карой.

Вы внимлите гласу бога,
Не к себе ль зовет он разве?
На груди Христа забудьте
О своей греховной язве.

Наш Христос — любви обитель,
Он подобие барашка, —
Чтоб грехи простились наши,
На кресте страдал он тяжко.

Наш Христос — любви обитель,
Иисусом он зовется,
И его святая кротость
Нам всегда передается.

Потому мы тоже кротки,
Добродушны и спокойны,
По примеру Иисуса —
Ненавидим даже войны.

Попадем за то на небо,
Чистых ангелов белее,
Будем там бродить блаженно
И в руках держать лилии;

Вместо грубой власяницы
В разноцветные наряды
Из парчи, муслина, шелка
Облачиться будем рады;

Вместо плечи — будут кудри
Золотые лихо виться,
Девы райские их будут
Заплетать и веселиться;

Там найдутся и бокалы
В увеличенном объеме,
А не маленькие рюмки,
Что мы видим в каждом доме.

Но зато гораздо меньше
Будут там красавиц губки —
Райских женщин, что витают,
Как небесные голубки.

Будем радостно смеяться,
Будем пить вино, целуя,
Проводить так будем вечность,
Славя бога: «Аллилуйя!»

Кончил он. И вот монахи,
Все сомнения рассеяв,
Тащат весело купели
Для крещенья иудеев.

Но, полны водобоязни,
Не хотят евреи кары, —
Для ответной вышел речи
Реб Иуда из Наварры:

«Чтоб в моей душе бесплодной
Взрастить Христову розу,
Ты свалил, как удобренье,
Кучу брани и навозу.

Каждый следует методе,
Им изученной где-либо...
Я бранить тебя не буду,
Я скажу тебе спасибо.

«Триединое ученье» —
Это наше вам наследство:
Мы ведь правило тройное
Изучаем с малолетства.

Что в едином боге трое,
Только три слились персоны, —
Очень скромно, потому что
Их у древних — легионы.

Незнаком мне ваш Христос,
Я нигде с ним не был вместе,
Также девственную мать
Знать не знаю я, по чести.

Жаль мне, что веков двенадцать
Иисуса треплют имя,
Что случилось с ним несчастье
Некогда в Иерусалиме.

Но евреи ли казнили —
Доказать трудненько стало,
Ибо *corpus'a delicti*¹
Уж на третий день не стало.

Что родня он с нашим богом —
Это плод досужих сплетен, —
Потому что мне известно:
Наш — решительно бездетен.

¹ Вещественного доказательства преступления (лат.).

Наш не умер жалкой смертью
Угнетенного ягненка,
Он у нас не филантропик,
Не подобие ребенка.

Богу нашему неведом
Путь прощенья и смиренья,
Ибо он громовый бог,
Бог суровый отомщенья.

Громы божеского гнева
Поражают неизменно,
За грехи отцов карают
До десятого колена.

Бог наш — это бог живущий,
И притом не быстротечно,
А в широких сводах неба
Пребывает он извечно.

Бог наш — бог здоровый также,
А не миф какой-то шаткий,
Словно тени у Коцита
Или тонкие облатки.

Бог силен. В руках он держит
Солнце, месяц, неба своды;
Только двинет он бровями —
Троны гибнут, мрут народы.

С силой бога не сравнится, —
Как поет Давид, — земное;
Для него — лишь прах ничтожный
Вся земля, не что иное.

Любит музыку наш бог,
Также пением доволен,

Но, как хрюканье, ему
Звон противен колоколен.

В море есть Левиафан —
Так зовется рыба бога, —
Каждый день играет с ней
Наш великий бог немного.

Только в день девятый аба,
День разрушенного храма,
Не играет бог наш с рыбой,
А молчит весь день упрямо.

Целых сто локтей длина
Этого Левиафана,
Толще дуба плавники,
Хвост его — что кедр Ливана.

Мясо рыбы деликатно
И нежнее черепахи.
В Судный день к столу попросит
Бог наш всех, кто жил во страхе.

Обращенные, святые,
Также праведные люди
С удовольствием увидят
Рыбу божью на блюде —

В белом соусе пикантном,
Также в винном, полном лука,
Приготовленную пряно, —
Ну совсем как с перцем щука.

В остром соусе, под луком,
Редька светит, как улыбка...
Я ручаюсь, брат Иосиф,
Что тебе по вкусу рыбка.

А изюмная подливка,
Брат Иосиф, ведь не шутка,
То небесная услада
Для здорового желудка.

Бог недурно варит, — верь,
Я обманывать не стану.
Откажись от веры предков,
Приобщись к Левиафану».

Так раввин приятно, сладко
Говорит, смакуя слово,
И евреи, взыв от счастья,
За ножи схватились снова,

Чтобы с вражескою плотью
Здесь покончить поскорее:
В небывалом поединке —
Это нужные трофеи.

Но, держась за веру предков
И за плоть, конечно, тоже,
Не хотят никак монахи
Потерять кусочек кожи.

За раввином — францисканец
Вновь завел язык трескучий:
Слово каждое — не слово,
А ночной сосуд пахучий.

Отвечает реб Иуда,
Весь трясась от оскорбления,
Но, хотя пылает сердце,
Он хранит еще терпенье.

Он ссылается на «Мишну»,
Комментарии, трактаты,

Также он из «Таусфес-Ионтоф»
Позаимствовал цитаты.

Но что слышит бедный рабби
От монаха-святотатца?!
Тот сказал, что «Таусфес-Ионтоф»
Может к черту убираться!

«Все вы слышите, о боже!» —
И, не выдержавши тона,
Потеряв терпенье, рабби
Воскликает возмущенно:

«Таусфес-Ионтоф» не годится?
Из себя совсем я выйду!
Отомсти ж ему, господь мой,
Покарай же за обиду!

Ибо «Таусфес-Ионтоф», боже, —
Это ты... И святотатца
Накажи своей рукою,
Чтобы богом оказаться!

Пусть разверзнется под ним
Бездна, в глуби пламеней,
Как ты, боже, сокрушил
Богохульного Корея.

Грянь своим отборным громом,
Защити ты нашу веру, —
Для Содомы и Гоморры
Ты ж нашел смолу и серу!

Покарай же капуцина, —
Фараона ведь пришиб ты,
Что за нами гнался, мы же
Удирали из Египта.

Ведь стотысячное войско
За царем плю из Мицраим
В латах, с острыми мечами
В ужасающих ядаим.

Ты, господь, тогда простер
Длань свою, и войско вскоре
С фараоном утонуло,
Как котят, в Красном море.

Порази же капуцинов,
Покажи им в назиданье,
Что святого гнева громы —
Не пустое грохотанье.

И победную хвалу
Воспою тебе сначала.
Буду я, как Мириам,
Танцевать и бить в кимвалы».

Тут монах вскочил, и льются
Вновь проклятий лютых реки:
«Пусть тебя господь погубит,
Осужденного навеки.

Ненавижу ваших бесов
От велика и до мала:
Люцифера, Вельзевула,
Астарота, Белиала.

Не боюсь твоих я духов,
Темной стаи оголтелой, —
Ведь во мне сам Иисус,
Я его отведал тела.

И вкусней Левиафана
Аромат Христовой крови;

А твою подливку с луком,
Верно, дьявол приготовил.

Ах, взамен подобных споров
Я б на углях раскаленных
Закоптил бы и поджарил
Всех евреев прокаженных».

Затянулся этот диспут,
И кипит людская злоба,
И борцы бранятся, воют,
И шипят, и стонут оба.

Бесконечно длинен диспут,
Целый день идет упрямо;
Очень публика устала,
И ужасно преют дамы.

Двор томится в нетерпенье,
Кое-кто уже зевает,
И красотку королеву
Муж тихонько вопрошает:

«О противниках скажите,
Донья Бланка, ваше мнение:
Капуцину иль раввину
Отдаете предпочтенье?»

Донья Бланка смотрит вяло,
Гладит пальцем лобик нежный,
После краткого раздумья
Отвечает безмятежно:

«Я не знаю, кто тут прав, —
Пусть другие то решают,
Но раввин и капуцин
Одинаково воняют».

СТИХОТВОРЕНИЯ

1853 и 1854 годов

АЛКАЯ ПОКОЯ

Пусть кровь течет из раны, пусть
Из глаз струятся слезы чаще.
Есть тайная в печали страсть,
И нет бальзама плача слаще.

Не ранен ты чужой рукой,
Так должен сам себя ты ранить,
И богу воздавай хвалу,
Коль взор начнет слеза туманить.

Спадает шум дневной; идет
На землю ночь с протяжной дремой, —
В ее руках тебя ни плут
Не потревожит, ни знакомый.

Здесь ты от музыки спасен,
От пытки фортепьяно пьяных,
От блеска Оперы Большой
И страшных всплесков барабанных.

Здесь виртуозы не теснят
Тебя тщеславною оравой,

И с ними гений Джакомо
С его всемирной клакой славы.

О гроб, ты рай для тех ушей,
Которые толпы боятся.
Смерть хороша, — всего ж милей,
Когда б и вовсе не рождаться.

ТЕЛО И ДУША

Так говорит душа: «О тело!
Я одного бы лишь хотела:
С тобой вовек не разлучаться,
С тобой во мрак и в ночь умчаться.
Ведь ты — мое второе «я»,
И одекаешь ты меня
Как бы в наряд, что шелком шит
И горностаеми подбит.
Увы мне! Я теперь должна,
Абстрактна и оголена,
Навек блаженным стать Ничем,
В холодный перейти Эдем,
В чертоги те, где свет не тмится,
Где бродит эонов немых вереница,
Уныло зевая, — тоску вокруг
Наводит их туфель свинцовых стук.
Как я все это перетерплю?
О тело, будь со мной — молко!»

И тело отвечает ей:
«Утешься от своих скорбей!
Должны мы выносить с тобою,
Что нам назначено судьбою.

Я — лишь фитиль; его удел —
Чтоб в лампе он дотла сгорел.
Ты — чистый спирт, и станешь ты
Звездой небесной высоты
Блистать навек. Я, прах исконный,
Остаток вещества сожженный,
Как все предметы, стану гнилью
И, наконец, смешаюсь с пылью.
Теперь прости, не унывай!
Приятнее, быть может, рай,
Чем кажется отсюда он.
Привет медведю, если б он,
Великий Бер¹ (не Мейербер),
Предстал тебе средь звездных сфер!»

КРАСНЫЕ ТУФЛИ

Кошка была стара и зла,
Она сапожницею слыла;
И правда, стоял лоток у окошка,
С него торговала туфлями кошка,
А туфельки, как напоказ,
И под сафьян и под атлас,
Под бархат и с золотою каймой,
С цветами, с бантами, с бахромой.
Но издали на лотке видна
Пурпурно-красная пара одна;
Она и цветом и видом своим
Девчонкам нравилась молодым.

Благородная белая мышка одна
Проходила однажды мимо окна;

¹ Игра слов: Бер — медведь (нем.).

Прошла, обернулась, опять подошла,
Посмотрела еще раз поверх стекла —
И вдруг сказала, робея немножко:
«Сударыня киска, сударыня кошка,
Красные туфли я очень люблю,
Если недорого, я куплю».

«Барышня, — кошка ответила ей, —
Будьте любезны зайти скорей,
Почтите стены скромного дома
Своим посещением, я знакома
Со всеми по своему занятию,
Даже с графинями, с высшей знатью;
Туфельки я уступлю вам, поверьте,
Только подходят ли вам, примерьте,
Ах, право, один уж ваш визит...» —
Так хитрая кошка лебезит.

Неопытна белая мышь была,
В притон убийцы она вошла,
И села белая мышь на скамью
И ножку вытянула свою —
Узнать, подходят ли туфли под меру, —
Являя собой невинность и веру.
Но в это время, грозы внезапней,
Кошка ее возьми да цапни
И откусила ей голову ловко
И говорит ей: «Эх ты, головка!
Вот ты и умерла теперь.
Но эти красные туфли, поверь,
Поставлю я на твоём гробу,
И когда затрубит архангел в трубу,
В день воскресения, белая мышь,
Ты из могилы выползи лишь, —

Как все другие в этот день, —
И сразу красные туфли надень».

М о р а л ь

Белые мышки, — мой совет:
Пусть не прельщает вас суетный свет,
И лучше пускай будут босы ножки,
Чем спрашивать красные туфли у кошки.

НЕВОЛЬНИЧИЙ КОРАБЛЬ

I

Сам суперкарго мингер ван Кук
Сидит погруженный в заботы.
Он калькулирует груз корабля
И проверяет расчеты.

«И гумми хорош, и перец хорош, —
Всех бочек больше трех сотен.
И золото есть, и кость хороша,
И черный товар добротен.

Шестьсот чернокожих задаром я взял
На берегу Сенегала.
У них сухожилья — как толстый канат,
А мышцы — тверже металла.

В уплату пошло дрянное вино,
Стежлярус да сверток сатина.
Тут виды — процентов на восемьсот,
Хотя б умерла половина.

Да, если триста штук доживет
До гавани Рио-Жанейро,
По сотне дукатов за каждого мне
Заплатит Гонсалес Перейро».

Так предается мингер ван Кук
Мечтам, но в эту минуту
Заходит к нему корабельный хирург
Герр ван дер Сmissен в каюту.

Он сух, как палка; малиновый нос,
И три бородавки под глазом.
«Ну, эскулап мой! — кричит ван Кук, —
Не скучно ль моим черномазым?»

Доктор, отвесив поклон, говорит:
«Не скрою печальных извѣстий.
Прошедшей ночью весьма возросла
Смертность среди этих бестий.

На круг умирало их по двое в день,
А нынче семеро пали —
Четыре женщины, трое мужчин.
Убыток проставлен в журнале.

Я трупы, конечно, осмотру подверг.
Ведь с этими шельмами горе:
Прикинется мертвым, да так и лежит,
С расчетом, что выплырнут в море.

Я цепи со всех покойников снял
И утром, поближе к восходу,
Велел, как мною заведено,
Дохлятину выкинуть в воду.

На них налетели, как мухи на мед,
Акулы — целая масса;
Я каждый день их снабжаю пайком
Из негритянского мяса.

С тех пор как бухту покинули мы,
Они плывут подле борта.
Для этих каналов вонючий труп
Вкуснее всякого торта.

Занятно глядеть, с какой быстротой
Они учиняют расправу:
Та в ногу вцепится, та в башку,
А этой лохмотья по нраву.

Нажравшись, они подплывают опять
И пьют в лицо мне глазищи,
Как будто хотят изъяснить свой восторг
По поводу лакомой пищи».

Но тут ван Кук со вздохом сказал:
«Какие ж вы приняли меры?
Как нам убыток предотвратить
Иль снизить его размеры?»

И доктор ответил: «Свою беду
Накликали черные сами:
От их дыханья в трюме смердит
Хуже, чем в свалочной яме.

Но часть, безусловно, подохла с тоски, —
Им нужен какой-нибудь роздых.
От скуки безделья лучший рецепт —
Музыка, танцы и воздух».

Ван Кук вскричал: «Дорогой эскулап!
Совет ваш стоит червонца.
В вас Аристотель воскрес, педагог
Великого македонца!

Клянусь, даже первый в Дельфте мудрец,
Сам президент комитета
По улучшенью тюльпанов — и тот
Не дал бы такого совета!

Музыку! Музыку! Люди, наверх!
Ведите черных на шканцы,
И пусть веселятся под розгами те,
Кому неуютны танцы!»

II

В бездонной лазури миллионы звезд
Горят над простором безбрежным;
Глазам красавиц подобны они,
Загадочным, грустным и нежным.

Они, любясь, глядят в океан,
Где, света подводного полны,
Фосфоресцируя в розовой мгле,
Шумят сладострастные волны.

На судне свернуты паруса,
Оно лежит без оснастки,
Но палуба залита светом свечей, —
Там пенье, музыка, пляски.

На скрипке пиликает рулевой,
Доктор на флейте играет,
Юнга неистово бьет в барабан,
Кок на трубе завывает.

Сто негров, танцуя, беснуются там, —
От грохота, звона и пляса
Им душно, им жарко, и цепи, звеня,
Впиваются в черное мясо.

От бешеной пляски судно гудит,
И, с темным от похоти взором,
Иная из черных красоток, дрожа,
Сплетается с голым партнером.

Надсмотрщик — *maître de plaisirs*¹,
Он хлещет каждое тело,
Чтоб не ленились танцоры плясать
И не стояли без дела.

И дй-дель-дум-дэй и шнéd-дере-дэнт!
На грохот, на гром барабана
Чудовища вод, пробуждаясь от сна,
Плывут из глубин океана.

Спросонья акулы тянутся вверх,
Ворочая туши лениво,
И одурело таращат глаза
На небывалое диво.

И видят, что завтрака час не настал,
И, чавкая сонно губами,
Протяжно зевают, — их пасть, как пила,
Усажена густо зубами.

¹ Распорядитель танцев (фр.).

И шнéd-дере-дéнг и дй-дель-дум-дéй,—
Все громче и яростней звуки!
Акулы кусают себя за хвост
От нетерпенья и скуки.

От музыки их, вероятно, тошнит,
От этого гама и звона.
«Не любящим музыки тварям не верь!»—
Сказал поэт Альбиона.

И дй-дель-дум-дéй и шнéd-дере-дéнг,—
Все громче и яростней звуки!
Стоит у мачты мингер ван Кук,
Скрестив молитвенно руки.

«О господи, ради Христа пощади
Жизнь этих грешников черных!
Не гневайся, боже, на них, ведь они
Глупей скотов безнадзорных.

Помилуй их ради Христа, за нас
Испившего чашу позора!
Ведь если их выживет меньше трехсот,
Погибла моя контора!»

АФРОНТЕНБУРГ

Прошли года! Но замок тот
Еще до сей поры мне снится.
Я вижу башню пред собой,
Я вижу слуг дрожащих лица,

И ржавый флюгер, в вышине
Скрипевший злобно и визгливо;

Едва заслышав этот скрип,
Мы все смолкали боязливо.

И долго после мы за ним
Следили, рта раскрыть не смея:
За каждый звук могло влететь
От старого брюзги Борея.

Кто был умней — совсем замолк.
Там никогда не знали смеха.
Там и невинные слова
Коварно искажало эхо.

В саду у замка старый сфинкс
Дремал на мраморе фонтана,
И мрамор вечно был сухим,
Хоть слезы лил он непрестанно.

Проклятый сад! Там нет скалы,
Там нет заброшенной аллеи,
Где я не пролил горьких слез,
Где сердце не терзали змеи.

Там не нашлось бы утоллка,
Где скрыться мог я от бесчестий,
Где не был уязвлен одной
Из грубых или тонких бестий.

Лягушка, подглядев за мной,
Донос строчила жабе серой,
А та, набравши сплетен, шла
Шептаться с тетушкой виперой.

А тетка с крысой — две кумы,
И, спевшись, обе шельмы вскоре
Спешили в замок — всей родне
Трезвонить о моем позоре.

Рождались розы там весной,
Но не могли дожить до лета, —
Их отравлял незримый яд,
И розы гибли до рассвета.

И бедный соловей зачах, —
Безгрешный обитатель сада,
Он розам пел свою любовь
И умер от того же яда.

Ужасный сад! Казалось, он
Отягощен проклятьем бога.
Там сердце среди бела дня
Томила темная тревога.

Там все глумилось надо мной,
Там призрак мне грозил зеленый.
Порой мне чудились в кустах
Мольбы, и жалобы, и стоны.

В конце аллеи был обрыв,
Где, разыгравшись на просторе,
В часы прилива, в глубине
Шумело Северное море.

Я уходил туда мечтать.
Там были безграничны дали.
Тоска, отчаянье и гнев
Во мне, как море, клокотали.

Отчаянье, тоска и гнев,
Как волны, шли бессильной сменой, —
Как эти волны, что утес
Дробил, взметая жалкой пеной.

За вольным бегом парусов
Следил я жадными глазами.
Но замо́к про́клятый меня
Держал железными тисками.

К ЛАЗАРЮ

I

Брось свои иносказанья
И гипотезы святые!
На проклятые вопросы
Дай ответы нам прямые!

Отчего под ношей крестной,
Весь в крови, влачится правый?
Отчего везде бесчестный
Встречен почестью и славой?

Кто виной? Иль воле бога
На земле не все доступно?
Или он играет нами? —
Это подло и преступно!

Так мы спрашиваем жадно
Целый век, пока безмолвно
Не забудут нам рта землею...
Да ответ ли это, полно?

II

Висок мой вся в черном госпожа
Нежно к груди прижала.
Ах! Проседи легла межа,
Где соль ее слез бежала.

Я ввергнут в недуг, грозит слепота, —
Вот как она целовала!
Мозг моего спинного хребта
Она в себя впивала.

Отживший прах, мертвец теперь я,
В ком дух еще томится —
Бьет он порой через края,
Ревет, и мечет, и злится.

Проклятья бессильны! И ни одно
Из них не свалит мухи.
Неси же свой крест — роптать грешно,
Похнычь, но в набожном духе.

III

Как медлит время, как ползет
Оно чудовищной улиткой!
А я лежу не шевелясь,
Терзаемый все той же пыткой.

Ни солнца, ни надежды луч
Не светит в этой темной келье,
И лишь в могилу, знаю сам,
Отправлюсь я на новоселье.

Быть может, умер я давно
И лишь видения былого
Толпою пестрой по ночам
В мозгу моем проходят снова?

Иль для языческих богов,
Для призраков иного света
Ареной оргий гробовых
Стал череп мертвого поэта?

Из этих страшных, сладких снов,
Бегущих в буйной перекличке,
Поэта мертвая рука
Стихи слагает по привычке.

IV

Цветами цвел мой путь весенний,
Но лень срывать их было мне.
Я мчался, в жажде впечатлений,
На быстроногом скакуне.

Теперь, уже у смерти в лапах,
Бессильный, скрюченный, больной,
Я слышу вновь дразнящий запах
Цветов, не сорванных весной.

Из них одна мне, с юной силой,
Желтофиоль волнует кровь.
Как мог я сумасбродки милой
Отвергнуть пылкую любовь!

Но поздно! Пусть поглотит Лета
Бесплодных сожалений гнет
И в сердце вздорное поэта
Забвенье сладкое прольет.

V

Я знал их в радости и в горе,
В паденье, в торжестве побед,
Я видел гибель их в позоре,
Но холодно глядел им вслед.

Их гроб я провожал порою,
Печально на кладбище брел,
Но, выполнив обряд, не скрою,
Садился весело за стол.

И ныне в горести бесплодной
Я об умерших мыслю вновь.
Как волшебство, в груди холодной
Внезапно вспыхнула любовь.

И слезы Юлии рекою
Струятся в памяти моей;

Охвачен страстною тоскою,
Я день и ночь взываю к ней.

В бреду ночном я вдруг, ликуя,
Цветок погибший узнаю:
Загробным жаром поцелуя
Она дарит любовь мою.

О тень желанная! К рыданиям
Моим склонись, приди, приди!
К устам прижми уста — лобзаньем
Мне горечь смерти улади.

VI

Ты девушкой была изящной, стройной,
Такой холодной и всегда спокойной.
Напрасно ждал я, что придет мгновенье,
Когда в тебе проснется вдохновенье,

Когда в тебе то чувство вспыхнет разом,
С которым проза не в ладах и разум.
Но люди с ним во имя высшей цели
Страдали, гибли, на кострах горели.

Вдоль берегов, увитых виноградом,
Ты летним днем со мной бродила рядом,
Светило солнце, иволги кричали,
Цветы волшебный запах источали.

Пылая жаром, розы полевые
Нам поцелуи слали огневые;
Казалось: и в ничтожнейшей из трав
Жизнь расцвела, оковы разорвав.

Но ты в атласном платье рядом шла,
Воспитанна, спокойна и мила,
Напоминая Нетшера картину, —
Не сердце под корсетом скрыв, а льдину.

VII

Да, ты оправдана судом
Неумолимого рассудка.
«Ни словом, — приговор гласит, —
Ни делом не грешна малютка».

Я видел, корчась на костре,
Как ты, взглянув, прошла спокойно —
Не ты, не ты огонь зажгла,
И все ж проклятья ты достойна!

Упрямый голос мне твердит,
Во сне он шепчет надо мною,
Что ты мой демон, что на жизнь
Я обречен тобой одною.

Он сети доводов плетет,
Он речь суровую слагает,
Но вот заря — уходит сон,
И обвинитель умолкает.

В глубины сердца он бежит,
Судейских актов прячет свитки,
И в памяти звучит одно:
Ты обречен смертельной пытке!

VIII

Был молнией, блеснувшей в небе
Над темной бездной, твой привет:
Мне показал слепящий свет,
Как страшен мой несчастный жребий.

И ты сочувствия полна!
Ты, что всегда передо мною
Стояла статуей немою,
Как дивный мрамор, холодна!

О господи, как жалок я:
Она нарушила молчанье,
Исторг я у нее рыданья, —
И камень пожалел меня!

Я потрясен, не утаю.
Яви и ты мне милость тоже:
Покой мне ниспошли, о боже,
Кончай трагедию мою!

IX

Образ сфинкса наделен
Всеми женскими чертами,
Лишь придаток для него —
Тело львиное с когтями.

Мрак могильный! В этом сфинкса
Вся загадка роковая,
И труднейшей не решал
Иокасты сын и Лайя.

К счастью, женщине самой
Дать разгадку не под силу, —
Будь иначе — целый мир
Превратился бы в могилу!

Х

Три пряжи сидят у распутья;
Ухмылками скалясь,
Кряхтя и печалясь,
Они прядут — и веет жутью.

Одна сучит початок,
Все нити кряду
Смочить ей надо;
Так что в слюне у нее недостаток.

Другой мотовилка покорна:
Направо, налево
И не без напева;
Глаза у карги — воспаленной горна.

В руках у третьей парки —
Ножницы видно,
Поет панихидно.
На остром носу — подобие шкварки.

О, так покончи же с ниткой
Проклятой кудели,

Дай средство от хмеля
Страшного жизненного напитка!

XI

Меня не тянет в рай небесный, —
Нежнейший херувим в раю
Сравнится ль с женщиной прелестной,
Заменит ли жену мою?

Мне без нее не надо рая!
А сесть на тучку в вышине
И плыть, молитвы распевая, —
Ей-ей, занятие не по мне!

На небе — благодать, но все же
Не забирай меня с земли,
Прибавь мне только денег, боже,
Да от недуга исцели!

Греховна суета мирская,
Но к ней уж притерпелся я,
По мостовым земли шагая
Дорогой скорбной бытия.

Я огражден от черни вздорной,
Гулять и трудно мне и лень.
Люблю, халат надев просторный,
Сидеть с женою целый день.

И счастья не прошу другого,
Как этот блеск лукавых глаз,
И смех, и ласковое слово, —
Не огорчай разлукой нас!

Забыть болезни, не нуждаться —
О боже, только и всего!
И долго жизнью наслаждаться
С моей женой *in statu quo*¹.

СТРЕКОЗА

Скользит стрекоза над лесным ручьем,
Кружится в мерцающем танце своем,
Налево порхнет, направо, —
Ах, bravo, красавица, bravo!

Жуки-обожатели восхищены,
Точеною талией обольщены
В корсете из бледной эмали, —
Жуков, словно в сети, поймали.

Жуки-обожатели восхищены,
Умишки жучиные смущены,
И каждый жужжит: «Я вам отдам
Полмира — Вену и Амстердам!»

Смеется игривая дама:
«Не нужно мне Амстердама.
Уж вы, женишки, не взыщите,
Огня для меня поищите!

Кухарка рождает в среду,
А я жду гостей к обеду,
Очаг не горит со вчерашнего дня.
Добудьте же мне скорее огня!»

¹ В том же положении (*лат.*).

Поверив предательской этой лжи,
Готовы на все для своей госпожи,
Влюбленные ринулись в сумрак ночной
И вскоре оставили лес родной.

В беседке, у самой окраины парка,
Свеча полыхала призывно и ярко,
Бедняг ослепил любовный угар,
Стремглав они бросились в самый жар.

На миг отпрянули оторопело,
Но вот уже пламя трещи зашипело:
Одни здесь погибель свою обрели,
Другие лишь крылья не сберегли.

О, горе жуку, чьи крылья в огне
Сгорели, — один, в чужой стороне,
Средь погани разной, в смердящей грязи
На собственном брюхе теперь ползи!

Такое гнусное окруженье
В изгнанье — худшее униженье.
Скажите, чего еще ждать от жизни,
Когда вокруг лишь клопы да слизи?

И, ту же самую землю рыхля,
С тобою на «ты» любая тля! —
Об этом давний скорбел эмигрант,
Питомец Вергилия, дьявольский Дант.

Ах, как был я счастлив на родине милой,
Когда, беззаботный и легкокрылый,
Плескался в эфирных волнах,
Слетал отдохнуть на подсолнух.

Напившись нектара у розы соседской,
Пьянел от кружения жизни светской,
Знавал мотылька из богатой семьи,
И пела цикада мне песни свои.

А ныне крылья мои сожжены,
И мне не видать родной стороны,
Скатился червей ползобрюхих ниже —
Я сдохну в этой зловонной жиже.

И надо ж было поверить мне
Пустопорожней той трескотне,
Попасться — да как! — на уловки
Кокетливой, лживой чертовки!

ВОЗНЕСЕНИЕ

На смертном ложе плоть была,
А бедная душа плыла
Вне суеты мирской, убогой —
Уже небесною дорогой.
Там, постучав в ворота рая,
Душа воскликнула, вздыхая:
«Открой, о Петр, ключарь святой!
Я так устала от жизни той..
Понежиться хотелось мне бы
На шелковых подушках неба,
Сыграть бы с ангелами в прятки,
Вкусить покой блаженно-сладкий!»

Вот, шлепая туфлями и ворча,
Ключами на ходу бренча,
Кто-то идет — и в глазок ворот
Сам Петр глядит, седобород.

Ворчит он: «Сброд повадился всякий —
Бродячие псы, цыгане, поляки,
А ты открывай им, ворах, эфиопам!
Приходят врозь, приходят скопом,
И каждый выложит сотни причин, —
Пусти его в рай, дай ангельский чин...
Пошли, пошли! Не для вашей шайки,
Мошенники, висельники, попрошайки,
Построены эти хоромы господни, —
Вас дьявол ждет у себя в преисподней!
Проваливайте поживее! Слыхали?
Вам место в чертовом пекле, в подвале!..»

Брюзжал старик, но сердитый тон
Ему не давался. В конце концов он
К душе обратился вполне сердечно:
«Душа, бедняжка, ты-то, конечно,
Не пара какому-нибудь шалопаю...
Ну, ну! Я просьбе твоей уступаю:
Сегодня день рожденья мой,
И — пользуйся моей добротой.
Откуда ты родом? Город? Страна?
Затем ты мне сказать должна,
Была ли ты в браке: часто бывает,
Что брачная пытка грехи искупает;
Женатых не жарят в адских безднах,
Не держат подолгу у врат небесных».

Душа отвечала: «Из прусской столицы.
Из города я Берлина. Струится

Там Шпрее-речонка, — обычно летом
Она писсуаром служит кадетам.
Так плавно течет она в дождь, эта речка!..
Берлин вообще недурное местечко!
Там числилась я приват-доцентом,
Курс философии читала студентам, —
И там на одной институтке женилась,
Что вовсе не по-институтски бранилась,
Когда не бывало и крошки в дому.
Оттого и скончалась я и мертва потому».

Воскликнул Петр: «Беда! Беда!
Занятие это — ерунда!
Что? Философия? Кому
Она нужна, я не пойму!
И недоходна ведь и скучна,
К тому же ересей полна;
С ней лишь сомневаешься да голодаешь
И к черту в конце концов попадаешь.
Наплакалась, верно, и твоя Ксантупа
Немало по поводу постного супа,
В котором — признайся — хоть разок
Попался ли ей золотой глазок?
Ну, успокойся. Хотя, ей-богу,
Мне и предписано очень строго
Всех, причастных так иль иначе
К философии, тем паче —
Еще к немецкой, безбожной вашей,
С позором гнать отсюда взáшей, —
Но ты попала на торжество,
На день рожденья моего,
Как я сказал. И не хочется что-то
Тебя прогонять, — сейчас ворота
Тебе отопру...

Живей — ступай!...

Теперь, счастливица, гуляй
 С утра до вечера по чудесным
 Алмазным мостовым небесным,
 Фланируй себе, мечтай, наслаждайся,
 Но только — помни: не занимайся
 Тут философией, — хуже огня!
 Скомпрометируешь страшно меня.
 Чу! Ангелы поют. На лике
 Изобрази восторг великий.

А если услышишь архангела пенье,
 То вся превратись в благоговенье.
 Скажи: «От такого сопрано — с ума
 Сошла бы и Малибран сама!»
 А если поет херувим, серафим,
 То поусердней хлопай им,
 Сравнивай их с синьором Рубини,
 И с Марио, и с Тамбурини.
 Не забудь величать их «eсcelence»¹,
 Не преминь преклонить коленце.
 Попробуйте, в душу певцу залезьте, —
 Он и на небе чувствителен к лести!
 Впрочем, и сам дирижер вселенной
 Любит внимать, говоря откровенно,
 Как хвалят его, господа бога,
 Как славословят его премного
 И как звенит псалом ему
 В густейшем ладанном дыму.

Не забывай меня. А надоест
 Тебе вся роскошь небесных мест, —
 Прошу ко мне — сыграем в карты,
 В любые игры, вплоть до азартных:

¹ Ваши сиятельства (ит.).

В «ландскнехта», в «фараона»... Ну,
И выпьем... Только, *entre nous*¹,
Запомни: если мимоходом
Бог тебя спросит, откуда ты родом,
И не Берлина ли ты уроженка,
Скажи лучше — мюнхенка или вѣнка».

РОЖДЕННЫЕ ДРУГ ДЛЯ ДРУГА

Ты плачешь, смотришь на меня,
Скорбишь, что так несчастен я.
Не знаешь ты в тоске немой,
Что плачешь о себе самой.

Томило ли тебя в тиши
Сомненье смутное души,
В твои прокрадываясь сны,
Что мы друг другу суждены?
Нас вместе счастье ожидало,
На скорбь разлука осуждала.

В скрижали вписано судьбою,
Чтоб сочетались мы с тобою...
Ясней бы ты себя сознала,
Когда б на грудь ко мне припала;
Тебя б из косности растенья
Возвел на высшую ступень я,
Чтоб ты, ответив поцелую,
В нем душу обрела живую.

Загадки решены навек.
В часах иссяк песчинок бег.
Не плачь — судьба предрешена;
Уйду, увянешь ты одна.

¹ Между нами (фр.).

Увянешь ты, не став цветком,
 Угаснешь, не пылав огнем,
 Умрешь, тебя охватит мгла,
 Хоть ты и прежде не жила.

Теперь я знаю: всех дороже
 Была ты мне. Как горько, боже,
 Когда в минуту узнаванья
 Час ударяет расставанья,
 Когда, встречаясь на пути,
 Должны мы в тот же миг «прости»
 Сказать навек! Свиданья нет
 Нам в высях, где небесный свет.
 Краса твоя навек увянет;
 Она пройдет, ее не станет.
 Судьба иная у поэта:
 Он не вполне умрет для света,
 Не ведая уничтоженья,
 Живет в стране воображенья;
 То — Авалун, мир фей чудесный.
 Прощай навеки, труп прелестный!

КАПРИЗЫ ВЛЮБЛЕННЫХ

*Правдивая история,
 заимствованная из старинных документов
 и переложенная в изящные немецкие стихи*

На изгородь сел опечаленный Жук;
 В красавицу Муху влюбился он вдруг.

«О Муха, любимая, будь мне женою.
 Навеки в супруги ты избрана мною.

Тебя я одну полюбил глубоко,
 К тому ж у меня золотое брюшко.

Спина моя — роскошь: и там и тут —
Рубины горят и блестит изумруд».

«Ох, нет, я не дура, я муха пока,
И я никогда не пойду за жука.

Рубины! Богатство! К чему мне оно?
Не в деньгах ведь счастье, я знаю давно.

Верна идеалам своим навсегда,
Я честная муха и этим горда».

Расстроился Жук, и в душе его рана.
А Муха пошла принимать ванну.

«Куда ты пропала, служанка Пчела?
В моем туалете ты б мне помогла:

Намылила спинку, потеряла бока.
Ведь все же теперь я невеста Жука.

Прекрасная партия! Знаешь, каков! —
Не видела в жизни приятней жуков.

Спина его — роскошь. И там и тут —
Рубины горят и блестит изумруд.

Вглядишься в черты — благороднейший мальч.
Подружки от зависти лопнут, пожалуй.

Скорей зашнуруй меня, Пчелка-сестрица,
Пора причесаться, пора надушиться.

Натри меня розовым маслом, немножко
Пахучей лавандой побрызгай на ножки,

Чтоб не было вони противной от них,
Когда прикоснется ко мне мой жених.

Ты слышишь, уже подлетают стрекозы,
Они мне подарят чудесные розы.

Вплетут флердоранж в мой прекрасный венец,
Девичеству скоро наступит конец.

Придут музыканты — танцуй до упаду! —
Нам песню споют примадонны цикады.

И Шершень, и Овод, и Шмель, и Слепень
Ударят в литавры в мой праздничный день.

Так пусть для моих пестрокрылых гостей
Наш свадебный марш прозвучит поскорей!

Пришла вся родня, оказала мне честь,
Уж всех насекомых на свадьбе не счесть.

Кузнечики, осы и тетки мокрицы
Встречают их тушем, улыбкой на лицах.

Крот, пастор наш, в черную ризу одет.
Пора начинать. Жениха только нет».

Трезвон колокольный: бим-бом и бим-бам!
«Любимый жених мой, ах, где же ты сам?...»

Бим-бом и бим-бам... Но, тоскою томимый,
Жених почему-то проносится мимо.

Трезвон колокольный: бим-бом и бим-бам!
«Любимый жених мой, ах, где же ты сам?»

Жених, завершая полет виртуозный,
Тоскуя, уселся на куче навозной

И там просидел бесконечных семь лет,
Невеста меж тем обратилась в скелет.

ДОПОЛНЕНИЯ

1848—1856

МИХЕЛЬ ПОСЛЕ МАРТА

Немецкий Михель был с давних пор
Байбак, не склонный к проказам,
Я думал, что Март разожжет в нем задор:
Он станет выказывать разум.

Каких он чувств явил порыв,
Наш белобрысый приятель!
Кричал, дозволенное забыв,
Что каждый князь — предатель.

И музыку волшебных саг
Уже я слышал всюду.
Я, как глупец, попал впросак,
Почти поверив чуду.

Но ожил старый сброд, а с ним
И старонемецкие флаги.
Пред черно-красно-золотым
Умолкли волшебные саги.

Я знал эти краски, я видел не раз
Предвестья подобного рода.
Я угадал твой смертный час,
Немецкая свобода!

Я видел героев минувших лет,
Арндта, папашу Яна.
Они из могил выходили на свет,
Чтоб драться за кайзера рьяно.

Я увидел всех буршей вновь,
Безусых любителей рома,
Готовых, чтоб кайзер узнал их любовь,
Пойти на все, до погрома.

Попы, дипломаты (всякий хлам),
Адепты римского права, —
Творила Единенья храм
Преступная орава.

А Михель пустил и свист и храп,
И скоро, с блаженной харей,
Опять проснулся как преданный раб
Тридцати четырех государей.

1649—1793—????

Невежливей, чем британцы, едва ли
Цареубийцы на свете бывали.
Король их Карл, заточен в Уайтхолл,
Бессонную ночь перед казнью провел:
Под самым окном веселился народ
И с грохотом строили эшафот.

Французы немногим учтивее были:
В простом фиакре Луи Капета
Они на плаху препроводили,
Хотя, по правилам этикета,
Даже и при такой развязке
Надо возить короля в коляске.

Еще было хуже Марии-Антуанетте,
Бедняжке совсем отказали в карете:
Ее в двуколке на эшафот
Повез не придворный, а санкюлот.
Дочь Габсбурга рассердилась немало
И толстую губку надменно поджала.

Французам и бриттам сердечность чужда,
Сердечен лишь немец, во всем и всегда.
Он будет готов со слезами во взоре
Блюсти сердечность и в самом терроре.
А оскорбить монарха честь
Его не вынудит и месть.

Карета с гербом, с королевской короной,
Шестеркою кони под черной попоной,
Весь в трауре кучер, и, плача притом,
Взмахнет он траурно-черным кнутом, —
Так будет король наш на плаху доставлен
И всепокорнейше обезглавлен.

ОСЛЫ-ИЗБИРАТЕЛИ

Свобода приелась до тошноты.
В республике конско-ослиной
Решили выбрать себе скоты
Единого властелина.

Собрался с шумом хвостатый сброд
Различного звания и масти.
Интриги и козни пущены в ход,
Кипят партийные страсти.

Здесь Старо-Ослы вершили судьбу,
В ослином комитете.
Кокарды трехцветные на лбу
Носили молодчики эти.

А кони имели жалкий вид
И тихо стояли, ни слова:
Они боялись ослиных копыт,
Но пуще — ослиного рева.

Когда же кто-то осмелился вслух
Коня предложить в кандидаты,
Прервал его криком седой Длинноух:
«Молчи, изменник проклятый!

Ни капли крови осла в тебе нет.
Какой ты осел, помилуй!
Да ты, как видно, рожден на свет
Французскою кобылой!

Иль, может, от зебры род хилый твой?
Ты весь в полосах по-зебрейски.
А впрочем, тебя выдает с головой
Твой выговор еврейский.

А если ты наш, то, прямо сказать,
Хитер ты, брат, да не слишком.
Ослиной души тебе не понять
Своим худосочным умишком.

Вот я познал, хоть с виду и прост,
Ее мистический голос.
Осел я сам, осел мой хвост,
Осел в нем каждый волос.

Я не из римлян, не славянин,
Осел я немецкий, природный.
Я предкам подобен, — они как один
Все были умны и дородны.

Умны и не тешились искони
Альковными грешками,
На мельницу бодро шагали они,
Нагруженные мешками.

Тела их в могиле, но дух не исчез,
Бессмертен ослиный дух их!
Умильно смотрят они с небес
На внуков своих длинноухих.

О славные предки в нимбе святом!
Мы следовать вам не устали
И ни на йоту с пути не сойдем,
Который вы протоптали.

Какое счастье быть сыном ослов,
Родиться в ослином сословье!
Я с каждой крыши кричать готов:
«Смотрите, осел из ослов я!»

Отец мой покойный, что всем знаком,
Осел был немецкий, упрямый.
Ослино-немецким молоком
Вскормила меня моя мама.

Осел я и сын своего отца,
Осел, а не сивый мерин!
И я заветам ослов до конца
И всей ослятине верен.

Я вам предлагаю без лишних слов
Осла посадить на престоле.
И мы создадим державу ослов,
Где будет ослам раздолье.

Мы все здесь ослы! И-а! И-а!
Довольно терзали нас кони!
Да здравствует ныне и присно — ура! —
Осел на ослином троне!»

Оратор кончил. И грохнул зал,
Как гром, при последней фразе,
И каждый осел копытом стучал
В национальном экстазе.

Его увенчали дубовым венком
Под общее ликование.
А он, безмолвно махая хвостом,
Благодарил собрание:

БРОДЯЧИЕ КРЫСЫ

На две категории крысы разбиты:
Одни голодны, а другие сыты.
Сытые любят свой дом и уют,
Голодные вон из дома бегут.

Бегут куда попало,
Без отдыха, без привала,
Бегут куда глядят глаза,
Им не помеха ни дождь, ни гроза.

Перебираются через горы,
Переплывают морские просторы,
Ломают шею, тонут в пути,
Бросают мертвых, чтоб только дойти.

Природа их обделила,
Дала им страшные рыла,
Острижены — так уж заведено —
Все радикально и все под одно.

Сии радикальные звери —
Безбожники, чуждые вере.
Детей не крестят. Семьи не ища,
Владеют женами все сообща.

Они духовно нищи:
Тело их требует пищи,
И, в поисках пищи влача свои дни,
К бессмертью души равнодушны они.

Крысы подобного склада
Не боятся ни кошек, ни ада.
У них ни денег, ни дома нет.
Им нужно устроить по-новому свет.

Бродячие крысы — о, горе! —
На нас накинута вскоре.
От них никуда не спрячемся мы,
Они наступают, их тьмы и тьмы.

О, горе, что будет с нами!
Они уже под стенами,
А бургомистр и мудрый сенат,
Не зная, что делать, от страха дрожат.

Готовят бюргеры порох,
Попы трезвонят в соборах, —
Морали и государства оплот,
Священная собственность прахом пойдет!

О нет, ни молебны, ни грохот набата,
Ни мудрые постановления сената,
Ни самые сильные пушки на свете
Уже не спасут вас, милые дети!

Вас не поддержат в час паденья
Отжившей риторики хитросплетенья.
Крысы не ловятся на силлогизмы,
Крысы прыгают через софизмы.

Голодное брюхо поверить готово
Лишь логике супа и факту жаркого,
Лишь аргументам, что пахнут салатом,
Да геттингенским колбасо-цитатам.

Треска бессловесная в масле горячем
Нужней таким радикалам бродячим,
Чем Мирабо, чем любой Цицерон,
Как бы хитро ни витийствовал он.

ПЕСНЬ ПЕСНЕЙ

Женское тело — те же стихи!
Радуюсь дням созиданья,
Эту поэму вписал господь
В книгу судеб мирозданья.

Был у творца великий час,
Его вдохновенье созрело.
Строптивый, капризный материал
Оформил он ярко и смело.

Воистину женское тело — Песнь,
Высокая Песнь Песней!
Какая певучесть и стройность во всем!
Нет в мире строф прелестней.

Один лишь вседержитель мог
Такую сделать шею
И голову дать — эту главную мысль —
Кудрявым возглавьем над нею.

А груди! Задорней любых эпиграмм
Бутоны их роз на вершине.
И как восхитительно к месту приплась
Цезура посредине!

А линии бедер: как решена
Пластическая задача!
Вводная фраза, где фиговый лист —
Тоже большая удача.

А руки и ноги! Тут кровь и плоть,
Абстракции тут не годятся,
Губы как рифмы, но могут притом
Шутить, целовать и смеяться.

Сама поэзия во всем,
Поэзия — все движенья.
На гордом челе этой Песни печать
Божественного свершенья.

Господь, я славлю гений твой
И все его причуды,
В сравненье с тобою, небесный поэт,
Мы жалкие виршеблуды.

Сам изучал я Песнь твою,
Читал ее снова и снова.
Я тратил, бывало, и день и ночь,
Вникая в каждое слово.

Я рад ее вновь и вновь изучать
И в том не вижу скуки,
Да только высохли ноги мои
От этакой науки.

ЦИТРОНИЯ

То были детские года,
Я платьице носил тогда,
Я в школу только поступил,
Едва к ученью приступил.
Двенадцать девочек — вся школа,
Лишь я — герой мужского пола.
В клетушке-комнатке с утра
Весь день возилась детвора, —
Писк, лепет, щебетанье, гам,
Читали хором по складам,
А фрау Гиндерман — барбос,
Украшивший очками нос

(То был скорее клюв совы), —
 Качая головой, увы,
 Сидела с розгой у стола
 И больно малышей секла.
 За то, что маленький пострел
 Невинно нашалить посмел,
 Вмиг задирался низ рубашки,
 И полушария бедняжки,
 Что так малы и так милы,
 Порой, как лилии белы,
 Как розы алы, как пионы, —
 Ах, эти нежные бутоны,
 Избиты старою каргой,
 Сплошь покрывались синевою!
 Позор и поруганье, дети, —
 Удел прекрасного на свете.

Цитрония, волшебный край,
 Так звал я то, что невзначай
 У Гиндерман открылось мне,
 Подобно солнцу и весне,
 Так нежно, мягко, идеально,
 Цитронно-ярко и овально,
 Так мило, скромно, смущено
 И гнева гордого полно.
 Цветок любви моей, не скрою,
 Навеки я пленен тобою!

Стал мальчик юношей, а там —
Мужчиною по всем правам.
И чудо! — золотые сны
Ребенка в явь воплощены.
То, чем я бредил в тьме ночной,
Живое ходит предо мной.
Ко мне доносится сквозь платье
Прелестный запах, но — проклятье! —
На что глядел бы я веками,
То скрыто от меня шелками,
Завесой тоньше паутины!
Лишен я сладостной картины, —
Закрыла ткань волшебный край,
Цитронию, мой светлый рай!

Стою, как царь Тантал: дразня,
Фантом уходит от меня.
Как будто волей злого мага —
Бежит от губ сожженных влага,
Мой плод желанный так жесток, —
Он близок, но, увы, далек!
Кляню злодея-червяка,
Что на ветвях прядет шелка,
Кляню ткача, что из шелков,
Из этой пряжи ткет покров,
Тафту для пакостных завес,
Закрывших чудо из чудес —
Мой солнечный, мой светлый рай,
Цитронию — волшебный край!

Порой, забывшись, как в чаду,
В безумье бешенства, в бреду
Готов я дерзостной рукой
Сорвать тот полог роковой,

Покров, дразнящий сладострастье,
Схватить мое нагое счастье!
Но, ах! Есть ряд соображений
Не в пользу таковых движений,
Нам запретил морали кодекс
Посвягновение на podex.

П о с л е с л о в и е

Без прикрас в укромном месте
Расскажу я вам по чести
Очень точно и правдиво,
Что Цитрония за диво.
А пока — кто понял нас —
Чур, молчать! — заверю вас,
Что искусство есть обман,
Некий голубой туман.
Что ж являл собой подснежный
Голубой цветок, чей нежный
Романтический расцвет
Офтердингеном воспет?
Синий нос крикливой тетки,
Что скончалась от чахотки
В заведение для дворян?
Чей-то голубой кафтан?
Иль, быть может, цвет подвязки,
Что с бедра прелестной маски
Соскользнула в контрдансе? —
Nonni soit qui mal y pense¹.

¹ Пусть будет стыдно тому, кто подумает об этом дурно
(фр.).

КРИК СЕРДЦА

Нет, в безверье толку мало:
Если бога вдруг не стало,
Где ж проклятья мы возьмем, —
Разрази вас божий гром!

Без молитвы жить несложно,
Без проклятий — невозможно!
Как тогда нам быть с врагом, —
Разрази вас божий гром!

Не любви, а злобе, братья,
Нужен бог, нужны проклятья,
Или все пойдет вверх дном, —
Разрази вас божий гром!

ГДЕ?

Где скиталец беспокойный
Мир последний обретет?
В сени палым долины знойной
Иль средь лип у рейнских вод?

Буду ль я один в пустыне
Погребен чужой рукой?
Иль в морском песке отныне
Я найду себе покой?

Все равно! Везде, я знаю,
Будет небо в вышине,
И лампы звезд, сверкая,
Обратят свой взор ко мне.

* * *

«Да не будет он помянут!»
Это сказано когда-то
Эстер Вольф, старухой нищей,
И слова я помню свято.

Пусть его забудут люди,
И следы земные канут,
Это высшее проклятье:
Да не будет он помянут!

Сердце, сердце, эти пени
Кровью течь не перестанут;
Но о нем — о нем ни слова:
Да не будет он помянут!

Да не будет он помянут,
Да в стихе исчезнет имя —
Темный пес, в могиле темной
Тлей с проклятьями моими!

Даже в утро воскресенья,
Когда звук фанфар разбудит
Мертвецов, и пошлетутся
На судилище, где судят,

И когда прокличет ангел
Оглашенных, что предстанут
Пред небесными властями,
Да не будет он помянут!

* * *

В диком бешенстве ночами
Потрясаю кулаками
Я с угрозой, но без сил.
Никнут руки — так я хил!

Плотью, духом изможденный,
Гибну я, неотомщенный.
Даже кровная родня
Мстить не станет за меня.

Кровники мои, не вы ли
Сами же меня сгубили?
Ах! Измены черный дар —
Тот предательский удар.

Словно Зигфрида-героя,
Ранили меня стрелою —
Ведь узнать легко своим,
Где их ближний уязвим.

* * *

Мой день был ясен, ночь моя светла.
Всегда венчал народ мой похвалами
Мои стихи. В сердцах рождая пламя,
Огнем веселья песнь моя текла.

Цветет мой август, осень не пришла,
Но жатву снял я: хлеб лежит скирдами.
И что ж? Покинуть мир с его дарами,
Покинуть все, чем эта жизнь мила!

Рука дрожит. Ей лира изменила.
Ей не поднять бокала золотого,
Откуда прежде пил я своевольно.

О, как страшна, как мерзостна могила!
Как сладостен уют гнезда земного!
И как расстаться горестно и больно!

* * *

Вечность, ох, как ты долга!
Потерял векам я счет.
Долго жарюсь я, но ад
До сих пор жаркого ждет.

Вечность, ох, как ты долга!
Потерял векам я счет.
Но однажды и меня
Черт с костями ушлетет.

* * *

Час за часом, дни и годы,
Как улитки-тихоходы,
Те, чьи рожки вдаль простерты,
Груз влачат свой полумертвый.

Лишь порой, в пустотах дали,
Лишь порой, сквозь мглу печали,
Свет блеснет неповторимый,
Как глаза моей любимой.

Но в одно мгновенье ока —
Нет виденья, и глубоко
Погружаюсь я в сознание
Всей бездонности страданья.

* * *

В мозгу моем пляшут, бегут и шумят
Леса, холмы и долины.
Сквозь дикий сумбур я вдруг узнаю
Обрывок знакомой картины.

В воображение встает городок,
Как видно, наш Годесберг древний.
Я вновь на скамье под липой густой
Сажу перед старой харчевней.

Так сухо во рту, будто солнце я съел,
Я жаждой смертельной измаян!
Вина мне! Из лучшей бочки вина!
Скорей наливай, хозяин!

Течет, течет в мою душу вино,
Кипит, растекаясь по жилам,
И тушит попутно в гортани моей
Пожар, зажженный светилом.

Еще мне кружку! Я первую пил
Без должного восхищенья,
В какой-то рассеянности тупой.
Вино, я прошу прощенья!

Смотрел я на Драхенфельс, в блеске зари
Высокой романтики полный,
На отраженье руин крепостных,
Глядящихся в рейнские волны.

Я слушал, как пел виноградарь в саду,
И зяблик — в кустах молочая.
Я пил без чувства и о вине
Не думал, вино поглощая.

Теперь же я, сунув нос в стакан,
Вино озираю сначала
И после уж пью. А могу и теперь,
Не глядя, хлебнуть как попало.

Но что за черт! Пока я пью,
Мне кажется, стал я двоиться.
Мне кажется, точно такой же, как я,
Пьянчуга напротив садится.

Он бледен и худ, ни кровинки в лице,
Он выглядит слабым и хворым
И так раздражающе смотрит в глаза,
С насмешкой и горьким укором.

Чудак утверждает, что он — это я,
Что мы с ним одно и то же —
Один несчастный, больной человек
В бреду, на горячем ложе,

Что здесь не харчевня, не Годесберг,
А дальний Париж и больница...
Ты лжешь мне, бледная немочь, ты лжешь!
Не смей надо мною глумиться!

Смотри, я здоров и как роза румян,
Я так силен — просто чудо!
И если рассердишь меня, берегись!
Тебе придется худо!

«Дурак!» — вздохнул он, плечами пожав,
И это меня взорвало.
Откуда ты взялся, проклятый двойник?
Я начал дубасить нахала.

Но странно, свое второе «я»
Наотмашь я бью кулаками,
А шишки наставляю себе,
Я весь покрыт синяками.

От этой драки внутри у меня
Все пересохло снова.
Хочу вина попросить — не могу,
В губах застревает слово.

Я грохаюсь об пол и, словно сквозь сон,
Вдруг слышу: «Примочки к затылку
И снова микстуру — по ложке в час,
Пока не кончит бутылку».

* * *

Землю губит злой недуг.
Расцветет — и вянет вдруг
Все, что свежестью влекло,
Что прекрасно и светло.

Видно, стал над миром косным
Самый воздух смертоносным
От миазмов ядовитых
Предрассудков неизжитых.

Налетев слепую силой,
Розы женственности милой
От весны, тепла и света
Смерть уносит в день расцвета.

Гордо мчащийся герой
В спину поражен стрелой,
И забрызганные ядом
Лавры достаются гадам.

Чуть созревшему вчера
Завтра гнить придет пора,
И, послав проклятье миру,
Гений разбивает лиру.

О, недаром от земли
Звезды держатся вдали,
Чтоб земное наше зло
Заразить их не могло.

Нет у мудрых звезд желанья
Разделить с людьми страданья,
Позабыть, как род людской,
Свет и счастье, жизнь, покой.

Нет желанья вязнуть в тине,
Погибать, как мы, в трясине
Или жить в помойной яме,
Полной смрадными червями.

Их приют — в лазури тихой
Над земной неразберихой,
Над враждой, нуждой и смертью,
Над проклятой коловертью.

Сострадания полны,
Молча смотрят с вышины,
И слезинка золотая
Наземь падает, блистая.

* * *

Завидовать жизни любимцев судьбы
Смешно мне, но я поневоле
Завидовать их смерти стал —
Кончине без муки, без боли.

В роскошных одеждах, с венком на челе,
В разгаре веселого пира,
Внезапно скопленные серпом,
Они уходят из мира.

И, мук предсмертных не испытав,
До старости бодры и юны,

С улыбкой покидают жизнь
Все фавориты Фортуны.

Сухотка их не извела,
У мертвых приличная мина.
Достойно вводит их в свой круг
Царевна Прозерпина.

Завидный жребий! А я семь лет,
С недугом тяжким в теле,
Терзаюсь — и не могу умереть,
И корчусь в моей постели.

О господи, пошли мне смерть,
Внемли моим рыданиям!
Ты сам ведь знаешь, у меня
Таланта нет к страданиям.

Прости, но твоя нелогичность, господь,
Приводит в изумленье.
Ты создал поэта-весельчака
И портишь ему настроенье!

От боли веселый мой нрав зачах,
Ведь я уже меланхолик!
Кончай эти шутки, не то из меня
Получится католик!

Тогда я вой подниму до небес,
По обычаю добрых папистов.
Не допусти, чтоб так погиб
Умнейший из юмористов!

АЛЛИЛУЙЯ

В вас, солнце, звезды и луна,
Мощь вседержителя видна.
Чуть праведник на небо глянет —
Творца хвалить и славить станет.

По высям взор мой не витает, —
Здесь, на земле, и без небес
Искусство божье поражает
Необычайностью чудес.

Да, други, взор моих очей
На землю скромно устремлен,
Шедевр творения здесь он
Находит: то сердца людей.

Как солнце ни горит огнем,
Как нежно в сумраке ночном
Ни блещет месяц, сонмы звезд,
Как ни искрист кометы хвост, —

Лучи заоблачных лампад —
Они грошовых свеч огарки,
Когда подумаешь, как жарки
Сердца, что пламенем горят.

Весь мир в миниатюре в них:
Здесь дол и лес до гор крутых;
Пустыни с дикими зверями,
Что сердце нам скребут когтями;

Здесь водопады, рек приливы,
Зияют пропасти, обрывы;
Сады цветут, в лугах средь кашки
Ослы пасутся и барашки;

Здесь бьет фонтан струей беспечной;
Влюбленно соловьи-бедняги,
В честь пышных роз слагая саги,
Мрут от чахотки скоротечной.

Здесь все идет своей чредой;
Сегодня — солнышко и зной,
А завтра — осень настанет,
На лес и луг туман плывет,

Цветы роняют свой наряд,
Ветрила бурные шумят,
И хлопьями клубится снег,
Лед прячет зыбь озер и рек.

Приходит время зимней встряски,
Все чувства надевают маски,
Влечет веселый карнавал,
И опьяняет шумный бал.

Но в общем вихре ликования
Таятся горькие страдания.
Звенит сквозь пестрый котильон
О промелькнувшем счастье стон.

Вдруг треск. Не бойся, все пройдет, —
То, дрогнув, надломился лед,
Растаял пласт коры морозной,
Сковавший сердце силой грозной.

Прочь все, что холодно и сурово!
Вернулись радости — ура!
Весна — прекрасная пора —
От чар любви воскресла снова.

Создатель! Благодать твою
Познали небо и земля,
И «кирие элейсон» я
И «аллилуйя» воспою.

Как милосерд, как добр господь
К людским сердцам, и нашу плоть
Своим он духом оживил, —
Тот райский дух — любовный пыл.

Сгинь, Греция, с бряцаньем лир!
Сгинь, пляска муз, весь древний мир
Сластолюбивый, сгинь! Я пеньем
Творца восславлю с умилением.

Сгинь, звон языческих пиров!
На арфе, в трепете святом,
Как царь Давид, спою псалом!
Лишь «аллилуйя» — гимн певцов!

ЦЕЛИМЕНА

Не считай, что только сдуру
Весь я твой, мое мученье!
Не считай, что, как всевышний,
Взял я курс на всепрощенье.

Эти штучки, эти дрючки, —
Сколько мне их перепало!
А любой другой тебе бы
Так влепил, что ты б не встала.

Тяжкий крест — а ведь не сбросишь!
И стерплю, хоть это мука.
Женщина, тебя люблю я,
За грехи мне и наука.

Ты чистилище мужчины.
Хоть любовь нам сети ставит,
От твоих объятий, ведьма,
Сам господь меня избавит.

* * *

Ни увереньями, ни лестью
Я юных дев не соблазнял,
Равно и к тайному бесчестью
Замужних женщин не склонял.

Будь грешен я в таких забавах,
Не перепала б ни строка
Моей персоне в книге правых;
Тогда я стоил бы плевка.

* * *

В часах песочная струя
Иссякла понемногу.
Сударыня ангел, супруга моя,
То смерть меня гонит в дорогу.

Смерть из дому гонит меня, жена,
Тут не поможет сила.
Из тела душу гонит она,
Душа от страха застыла.

Не хочет блуждать неведомо где,
С уютным гнездом расставаться,
И мечется, как блоха в решете,
И молит: «Куда ж мне деваться?»

Увы, не поможешь слезой да мольбой,
Хоть плачь, хоть ломай себе руки!
Ни телу с душой, ни мужу с женой
Ничем не спастись от разлуки.

ПРОЩАНИЕ

Как пеликан, тебя питал
Я кровью собственной охотно,
Ты ж в благодарность поднесла
Полынь и желчь мне беззаботно.

И вовсе не желая зла:
Минутной прихоти послушна,
К несчастью, ты была всегда
Беспамятна и равнодушна.

Прощай! Не замечаешь ты,
Что плачу я, что в сердце злорада...
Ах, дуручка! Дай бог тебе
Жить ветрено, шутя, до гроба.

* * *

Цветы, что Матильда в лесу нарвала
И, улыбаясь, принесла,
Я с тайным ужасом, с тоскою
Молящей отстранил рукою.

Цветы мне говорят, дразня,
Что гроб раскрытый ждет меня,
Что, вырванный из жизни милой,
Я — труп, не принятый могилой.

Мне горек аромат лесной!
От этой красоты земной,
От мира, где радость, где солнце и розы,
Что мне осталось? — Только слезы.

Где счастья шумная пора?
Где танцы крыс в Grande Opéra?
Я слышу теперь, в гробовом молчанье,
Лишь крыс кладбищенских шуршанье.

О запах роз! Он прошлых лет
Воспоминанья, как балет,
Как рой плясуний на подмостках
В коротких юбочках и в блестках,

Под звуки цитр и кастаньет
Выводит вновь из тьмы на свет.
Но здесь их песни, пляски, шутки
Так раздражающи, так жутки.

Цветов не надо. Мне тяжело
Внимать их рассказам о том, что прошло,
Звнящим рассказам веселого мая.
Я плачу, прошлое вспоминая.

* * *

Как твой пастух, немалый срок
Мою овечку я стерег.
С тобой делил еду свою,
В жару водил тебя к ручью,
Когда же снег валил клоками,
Тебя обеими руками
Я укрывал, прижав к груди.
Когда уныло шли дожди,
И выли волки, и ревели
Ручьи, метаясь в горной щели,
И крепкий дуб гроза сражала,
Ты не боялась, не дрожала,
Была беспечна, весела
И мирно близ меня спала.

Рука моя сдает. Как видно,
Подходит смерть. И так обидно,

Что пасторали всей конец!
В твою десницу, о творец,
Влагаю посох мой. Храни,
Когда земные кончу дни,
Мою овечку. Все шипы
Сметай с ее земной тропы.
Не дай в лесах ей заблудиться,
В болотах, где руно грязнится,
Пои всегда водой прозрачной,
Питай травой самой злачной,
И пусть, беспечна, весела,
Спит, как в моем доме спала.

* * *

Приходит смерть. Теперь скажу я,
Нарушив гордый свой обет,
Что сердце билось столько лет,
Лишь о тебе одной тоскую.

Вот гроб готов. И в мрак утрюмый
Уйду, забывшись в вечном сне.
Лишь ты, Мария, обо мне
Ты будешь плакать с горькой думой.

Красивых рук ломать не надо.
Таков уж человеческий рок:
Тому, кто праведен, высок,
Плохой конец — всегда награда.

* * *

Я разум твой приворожил,
И все, чем я дышал и жил,
Теперь твоею станет думой,
Прогнать мой призрак и не думай!

Заносчив он, не утаю,
И даже тетушку Змею
Пугает вид его геройский,
Как, впрочем, всех в загробном войске.

Могилой веет от него,
Он здесь, и все в тебе мертво.
И ночью он отстать не хочет:
Целует, ластится, хохочет.

Давно в земле истлел мой прах,
Но дух мой, старый вертопрах,
С мечтой о тепленьком местечке
Свил гнездышко в твоём сердечке.

И там притих, как домовой,
Он не уйдет, мучитель твой.
Беги на Яву, на Формозу —
Из сердца не извлечь занозу.

Хоть целый мир ты обойди,
Он будет жить в твоей груди.
То ночью вскрикнет вдруг с испугу,
То колесом пойдёт по кругу.

Вот он залился соловьем,
И тучи блох в белье твоём,
Волшебною пленившись трелью,
Взвились, ликуя, над постелью!

ЛОТОС

Поистине, мы образуем
Курьезнейший дуэт.
Любовница еле ходит,
Любовник тощ, как скелет.

Она страдает, как кошка,
А он замучен, как пес.
Рассудок достойной пары,
Как видно, черт унес.

Любовница лотосом нежным
Себя возомнила, и в тон
Себя выдает за месяц
Поджарый селадон.

Но только раскроется лотос
В приливе нежной тоски,
Взамен плодоносной жизни
Он получает стишки.

* * *

Вместо дел — засилье слова!
Ты, как кукла, на диете:
Постный дух — взамен жаркого,
Клецки, друг, и те в запрете!

Но в любви тебе, пожалуй,
Были б вредны чересчур
Шпоры страсти одичалой,
Ласки длительный аллюр.

Тратить силы нет расчета:
Принесли б тебе урон
Steeplechase¹, любви охота,
Бег с любимым вперегон.

Здоровей тебе возня
С хилым спутником была б,
У кого, как у меня,
Каждый орган в теле слаб.

Так что, друг, ко мне ты льни
Больше сердцем, чем натурой,
Ты свои умножишь дни
Этой чувственной микстурой.

* * *

Пытай меня, избежь бичами,
На клочья тело растерзай,
Рви раскаленными клещами, —
Но только ждать не заставляй!

Пытай жестоко, ежечасно,
Дроби мне кости ног и рук,
Но не вели мне ждать напрасно, —
О, это горше лютых мук!

Весь день прождал я, изнывая,
Весь день, — с полудня до шести! —
Ты не явилась, ведьма злая,
Пойми, я мог с ума сойти!

¹ Скачки с препятствиями (англ.).

Меня душило нетерпенье
Кольцом удава, стыла кровь,
На стук я вскакивал в смятенье,
Но ты не шла, — я падал вновь...

Ты не пришла, — беснуюсь, вою,
А дьявол дразнит: «Ей-же-ей,
Твой нежный лотос над тобою
Смеется, старый дуралей!»

МУШКЕ

Я видел сон: луной озарены,
Кругом теснились бледные виденья —
Обломки величавой старины,
Разбитые шедевры Возрождения.

Лишь кое-где, дорически строга,
Нетронутая гибелью колонна,
Глумясь, глядела в твердь, как на врага,
Перед ее громами непреклонна.

Повержены, кругом простерлись ниц
Порталы, изваянья, колоннады, —
Застывший мир людей, зверей и птиц,
Кентавры, сфинксы, божества и гады.

Немало статуй женских из травы,
Из сорняков глядело ввысь уныло;
И время, злейший сифилис, — увы! —
Изящный нос наяды провалило.

И я увидел древний саркофаг,
Он уцелел под грудями развалин.
Там некто спал, вкусивший вечных благ,
И тонкий лик был нежен и печален.

Кариатиды, в скорби онемев,
Держали гроб недвижно и сурово,
А по бокам чеканный барельеф
Изображал события былого.

И мне предстал Олимп, гора богов,
Развратные языческие боги;
С повязками из фиговых листьев
Адам и Ева, полные тревоги.

И мне предстал горящий Илион,
Ахилл и Гектор в беге беспримерном,
И Моисей, и дряхлый Аарон,
Эсфирь, Юдифь и Гаман с Олоферном.

И были там Амур, шальной стрелок,
И госпожа Венера, и Меркурий,
Приап, Силен, и Бахус, пьяный бог,
И сам Плутон, владыка злобных фурий.

А рядом — мастер говорить красно,
Преславная ослица Валаама;

Там — Лот, бесстыдно хлещущий вино,
Здесь — жертвоприношение Авраама.

Там голову Крестителя несут
И пляшет пред царем Иродиада;
Здесь Петр-ключарь, и рай, и Страшный суд,
И сатана над черной бездной ада.

А тут Юпитер соблазняет жен,
Преступный лик в личине чуждой спрятав:
Как лебедь, был он с Ледой сопряжен,
Прельстил Данаю ливнем из дукатов.

За ним Диана в чаще вековой,
И свора псов над их добычей жалкой,
И Геркулес — неистовый герой —
Сидит в одежде женщины за прялкой.

Святой Синай главу в лазурь вознес,
Внизу Израиль пляшет пред шатрами,
За ними отрок Иисус Христос —
Он спорит с ортодоксами во храме.

Прекрасный грек — и мрачный иудей!
Везде контраст пред любопытным взором;
И ярый хмель, как хитрый чародей,
Опутал все причудливым узором.

Но странный бред! Покуда без конца
Передо мной легенды проходили,
Себя узнал я в лике мертвеца,
Что тихо грезил в мраморной могиле.

Над головой моею рос цветок,
Пленявший ум загадочною формой.

Лилово-желт был каждый лепесток, —
Их красота приковывала взор мой.

Народ его назвал цветком страстей.
Он на Голгофе вырос, по преданью,
Когда Христос принял грехи людей
И кровь его текла священной данью.

О крови той свидетельствует он, —
Так говорят доверчивые люди, —
И в чашечке цветка запечатлен
Был весь набор мучительных орудий —

Все, чем палач воспользоваться мог,
Что изобрел закон людей суровый:
Щипцы и гвозди, крест и молоток,
Веревка, бич, копье, венец терновый.

Цветок, дрожа, склонялся надо мной,
Лобзал меня, казалось, полный муки;
Как женщина, в тоске любви немой
Ласкал мой лоб, мои глаза и руки.

О, волшебство! О, незабвенный миг!
По воле сна цветок непостижимый
Преобразился в дивный женский лик, —
И я узнал лицо моей любимой.

Дитя мое! В цветке таилась ты,
Твою любовь мне возвратили грезы;
Подобных ласк не ведают цветы,
Таким огнем не могут жечь их слезы!

Мой взор затмила смерти пелена,
Но образ твой был снова предо мною;
Каким восторгом ты была полна,
Сияла вся, озарена луною.

Молчали мы! Но сердце — чуткий слух,
Когда с другим дано ему слиянье;
Бесстыдно слово, сказанное вслух,
И целомудренно любовное молчанье.

Молчанье то красноречивей слов!
В нем не найдешь метафор округленных,
Им скажешь все без фиговых листков,
Без ухищрений риторов салонных.

Безмолвный, но чудесный разговор,
Одна лишь мысль, без отзыва, без эха!
И ночь летит, как сон, как метеор,
Вся сплетена из трепета и смеха.

Не спрашивай о тайне тех речей!
Спроси, зачем блестит светляк полночный,
Спроси волну, о чем поет ручей,
Спроси, о чем грустит зефир восточный,

Спроси, к чему цветам такой убор,
Зачем алмаз горит в земной утробе, —
Но не стремись подслушать разговор
Цветка страстей и спящего во гробе.

Лишь краткий миг в покое гробовом,
Завороженный, пил я наслажденье.
Исчезло все, навеянное сном,
Растаяло волшебное виденье.

О смерть! Лишь ты, всесильна, как судьба,
Даруешь нам блаженства сладострастье;
Разгул страстей, без отдыха борьба —
Вот глупой жизни призрачное счастье!

Как метеор, мой яркий сон мелькнул,
В блаженство грез ворвался грохот мира,
Проклятья, спор, многоголосый гул, —
И мой цветок увял, поникнув сиро.

Да, за стеной был грохот, шум и гам,
Я различал слова свирепой брани, —
Не барельефы ль оживали там
И покидали мраморные грани?

Иль призрак веры в схемах ожил вновь,
И камень с камнем спорит, свирепея,
И с криком Пана, леденящим кровь,
Сплетаются проклятья Моисея?

Да, Истине враждебна Красота,
Бесплоден спор, и вечны их разлады,
И в мире есть две партии всегда:
Здесь — варвары, а там — сыны Эллады.

Проклятья, брань, какой-то дикий рев!
Сей нудный диспут мог бы вечно длиться,
Но, заглушив пророков и богов,
Взревела Валаамова ослица.

И-а! И-а! Визжал проклятый зверь, —
И он туда ж, в премудрый спор пустился!
Как вспомню, дрожь берет еще теперь,
Я сам завыл со сна — и пробудился.

ПРИМЕЧАНИЯ

Валтасар (с. 5). — Сюжет баллады заимствован из Ветхого завета.

«На севере диком стоит одиноко...» (с. 14) — одна из многих поэтических удач гейневской «Книги песен». Широко известный перевод М. Ю. Лермонтова является по сути дела самостоятельным стихотворением.

«Не знаю, что стало со мною...» (с. 21) — один из наиболее значительных шедевров в наследии Гейне. Среди многих поэтических обработок старинной рейнской легенды только стихотворение Гейне стало популярной народной песней. Текст ее печатался во многих немецких антологиях; в годы фашизма стихотворение публиковалось без имени автора.

Стр. 46. ...*Песни-зажлятя из «Эдды»*... — «Старшая Эдда» — исландское собрание саг о древнегерманских богах и героях, восходящее к рукописи XIII в.

Посейдон (с. 48). — В пору работы над стихотворениями «Северного моря» Гейне увлекся чтением Гомера, особенно он любил и знал «Одиссею». Он писал об этом друзьям в 1825—1826 гг. Наиболее непосредственный отклик это нашло в данном стихотворении, вторая часть которого перечисляет все приключения Одиссея.

Стр. 48. ...*Где царицы пурпур прядут...* — У феакийцев, куда попадает Одиссей, царица Арета крутит веретено с окрашенной в пурпур шерстью.

...И в киммерийскую ночь... — Среди своих странствий Одиссей попадает к киммерийцам, жившим у входа в преисподнюю в царстве вечной ночи.

Н о ч ь ю в к а ю т е (с. 51). — Многое в этом стихотворении относится к младшей кухне поэта Терезе.

Стр. 54. *Мать красоты, рожденной из пены!*.. — Согласно греческим мифам, богиня любви и красоты Афродита возникла из морской пены.

М о р с к о й п р и з р а к (с. 55). — Город, опустившийся на дно моря, — мотив, нередко встречающийся в произведениях романтиков. Гейне высоко ценил разработку этого мотива в стихотворении В. Мюллера «Винета». К этому же мотиву обращался и Э.-Т.-А. Гофман («Золотой горшок»).

С л а в а м о р ю (с. 59). — Эти стихи связаны с эпизодом из произведения греческого писателя V—IV вв. до н. э. Ксенофонта «Анабасис». Ксенофонт рассказывает, как более 10-ти тысяч греческих солдат под руководством Кира Младшего предприняли поход против персидского царя Артаксеркса и, потерпев в этом походе поражение, преодолевая невероятные тяготы и препятствия, возвращались на родину. Увидев наконец с горных вершин море, греки стали радостно восклицать: «Тáласса! Тáласса!» («Море! Море!»)

Стр. 61. *...На челе Крониона.* — Кронион (то есть сын Кроноса) — второе имя Зевса, верховного бога греческого Олимпа.

Эрихтон (греч. миф.) — сын царя Дардана, обладатель драгоценных коней. Двенадцать жеребцов рождены кобылицами Эрихтона от Борея — бога ветра (см.: «Илиада», XX, 228—229).

Кастор и Полидевк (греч. миф.) — герои-близнецы, сыновья Зевса, покровители моряков. Две последние строки точно соответствуют тексту Гомера («Илиада», XI, 300).

Песнь океанид (с. 65). — Океаниды (греч. миф.) — морские богини, дочери бога Океана.

Стр. 67. *...Среброногой супруги Пелея...* — греческая бо-

гиня моря Фетида, супруга фессалийского царя Пелея и мать героя Ахилла.

Ниоба (Ниобея; греч. миф.) — супруга царя Фив, имевшая шесть сыновей и шесть дочерей. Гордясь своими детьми, она осмелилась превозноситься над богиней Лето, родившей только двоих. Аполлон и Артемида — дети Лето — в отмщение за оскорбление, нанесенное их матери, поразили всех двенадцать детей Ниобеи, а саму ее превратили в окаменевшую статую; с той поры она не перестает проливать слезы.

Высокий титан — имеется в виду Прометей, принесший людям огонь и прикованный к скале по приказанию Зевса.

Стр. 69. *...Это... боги Эллады, // Что когда-то радостно правили миром...* — В греческой мифологии боги борются за власть, младшие боги отнимают владычество у старших.

...Блещающий пантеон... — Пантеон — у древних римлян храм, посвященный всем богам.

Jupiter Parricida (Юпитер Отцеубийца; лат.). — Юпитер (римское название Зевса) убил своего отца Кроноса и стал властвовать вместо него. Гейне постоянно называет античных богов то их греческими, то римскими именами.

Юнона — верховная римская богиня, супруга Юпитера.

...Другая жезлом завладеть сумела... — Имеется в виду пресвятая дева Мария, мать Христа.

Стр. 70. **Venus Libitina** (Венера Либитина; лат.). — Либитина, первоначально римская богиня погребения; была отождествлена с Любентиной, богиней сладострастия, а затем — с Венерой.

Стр. 74. *...Ганс и Гегель, турок и грек...* — Эдуард Ганс, приятель Гейне, известный философ-гегельянец и правовед, читал в Берлинском университете курс лекций «История последних пяти десятилетий», на которые был наложен полицейский запрет.

...Но той, что цветет в городе Бремен, // В ратушном погребке! — Этот погребок, все его бочки и его хозяин были опи-

саны в известной повести Гауфа «Фантасмагории в Бременском винном погребке», вышедшей в том же 1827 г.

Стр. 76. *...Нос мирового духа...* — Иронический намек на понятие абсолютного духа в философских концепциях Шеллинга и Гегеля.

Психее (с. 110). — В романе римского писателя Апулея «Золотой осел» содержится сказка «Амур и Психея», согласно которой Психея не должна была видеть своего возлюбленного Амура. Когда она все же нарушила этот запрет, Амур ее покинул.

Стр. 111'. *...Что ее зовут Лаурой...* — Лаура — возлюбленная итальянского поэта Петрарки, воспетая им в его «Сонетах» (1327—1348).

Фрауметта (с. 112). — В этом стихотворении Гейне воспроизводит сюжет баллады «Золотой рожок», переведенной с датского Вильгельмом Гриммом и опубликованной им в сборнике датских народных песен.

Стр. 120. *Пришел, увидел, победил* // *Прелестных иноземок.* — Ироническое переосмысление ставших крылатыми слов Юлия Цезаря, которые он якобы произнес после победы в битве при Зеле (47 г. до н. э.).

...Пока наконец из высоких кругов... — После поражения Наполеона в России прусский король Фридрих-Вильгельм III весной 1813 г. призвал немцев подняться на борьбу против наполеоновской оккупации.

...И Кёрнера песни запели. — Теодор Кёрнер (1791—1813) — известный немецкий поэт и драматург; в качестве добровольца вступил в корпус стрелков майора Лютцова и погиб от французской пули. В отряде Лютцова им были написаны лучшие его песни, в которых он звал на борьбу против французских захватчиков и которые его сделали наиболее ярким поэтом Освободительной войны. Отрицая в целом положительное значение антинаполеоновского движения в Германии, Гейне не принял и поэзии Освободительной войны, поэтому Кёрнер упоминается здесь в ироническом контексте.

Стр. 144. *Валькирии* — в скандинавской мифологии богини войны, летящие над полями сражений.

Поле битвы при Гастингсе (с. 145). — В 1066 г. норманнский герцог Вильгельм (стал историками именовать-ся Вильгельм Завоеватель) разбил наголову при Гастингсе армию короля англосаксов Гарольда II и, покорив Англию, занял королевский престол.

Карл I (с. 150). — В стихотворении осмысливается одно из крупнейших исторических событий — английская буржуазная революция XVII в., в ходе которой в 1649 г. был казнен король Карл I и провозглашена республика. Как и в следующем стихотворении, здесь отражается острый интерес Гейне к проблеме революционного насилия, его твердая уверенность в неизбежности свержения монархических режимов народными массами.

Стр. 151. *Мария-Антуанетта* — французская королева, дочь императрицы Марии-Терезии, с 1740 г. правившей «Священной Римской империей»; в 1793 г., в кульминационный период Великой французской революции, Мария-Антуанетта была гильотинирована по приговору Конвента.

Стр. 152. *Жан-Жак Руссо* (1712—1778), *Вольтер* (1694—1778) — выдающиеся французские писатели и мыслители эпохи Просвещения, чьи идеи подготовили французскую революцию конца XVIII в.

Помарэ (с. 154). — Помарэ I — королева острова Таити (1827—1877), ее именем называли знаменитую парижскую танцовщицу из увеселительного заведения «Сад Мабиль». рано умершую от туберкулеза. За остров Таити шла длительная борьба между французскими и английскими миссионерами, на которую намекает Гейне во второй строфе и в результате которой в 1843 г. Франция установила свой протекторат над островом.

Стр. 155. *Так перед Иродом-царем...* — Согласно евангельской легенде, Иоанн Креститель за публичное обвинение

в безнравственности жены царя Ирода Иродиады был брошен в тюрьму. Дочь Иродиады Саломея за свою пляску перед Иродом на празднестве получила от него обещание выполнить ее любое желание. По ее требованию ей была принесена голова Иоанна Крестителя на блюде.

Стр. 156. *Роз-Помпон* — известная парижская танцовщица.

Бог Аполлон (с. 157). — В стихотворении выражено горькое разочарование Гейне опoшлением высоких идеалов эллинизма буржуазной действительностью.

Стр. 158. *У ног красавца — девять жен...* — Античного бога света и поэзии Аполлона сопровождали девять муз, богинь искусств и наук (греч. миф.).

Парнас — священная гора, обиталище Аполлона и муз (греч. миф.). *Монпарнас* (фр., букв. — «Гора Парнас») — парижский квартал, населенный художниками, писателями.

Стр. 159. *...Внимал я струй Касталии...* — Кастальский ключ, источник поэтического вдохновения, бывший у подножия Парнаса.

...Сквозь лавры Дафна на меня... — Нимфа Дафна бежала от преследовавшего ее Аполлона, за что была превращена в вечнозеленый лавр (греч. миф.).

Стр. 160. *В одеяние бегинок...* — Бегинки — монахини средневековых женских монашеских общин, получивших название по имени их основателя, Ламберта ла Бега (XII в.).

Стр. 161. *Графт* — соединительный канал между портом и складами, верфями и т. д.

Тарбк и лбмбер — карточные игры.

Стр. 162. *Пикельгеринг* (букв. — «копченая селедка») — комический персонаж народного балагана типа Петрушки.

Олоферн, Давид — библейские персонажи; часто фигурировали в ярмарочных представлениях.

Золотой телец (с. 162). — Стихотворение написано по мотивам библейской легенды, согласно которой древние

евреи вопреки учению Моисея отлили золотого тельца и возвели его в религиозный культ.

К о р о л ь Р и ч а р д (с. 163). — Ричард Львиное Сердце, король Англии (1189—1199), возвращаясь из крестового похода переодетый пилигримом, был узнан и заключен своим врагом Леопольдом VI Австрийским в замок Дюрренштейн, где и находился с 1192 по 1194 г.

П ф а л ь ц г р а ф и н я Ю т т а (с. 165). — Стихотворение написано по мотивам народной песни, опубликованной в сборнике Арнима и Брентано «Волшебный рог мальчика».

М а в р и т а н с к и й ц а р ь (с. 166). — Фердинанд II, король Арагона, в 1469 г. женился на Изабелле, королеве Кастилии. В 1492 г. объединившиеся королевства, захватив Гранаду, изгнали мавров из Испании. Именно об этом эпизоде и повествует стихотворение Гейне. *Боабдил* (Абу Абдалла эль-Шакир) — последний король Гранады. *Альпухара* — гористая местность под Гранадой. *Дуэро* — река на юге Испании.

Над Альгамброй оскверненной... — Альгамбра — дворец мавританских королей близ Гранады, один из шедевров арабского зодчества XIII—XIV вв.

Стр. 171. *Фирдуси* (Фирдоуси; 960—1030) — великий ирано-таджикский поэт, автор монументального эпоса «Шах-наме» («Книга царей»; 1010), посвященного истории Ирана.

Стр. 172. *Фарсистан* — древний Иран.

...Первозданный свет Ирана... — Намек на содержащуюся в «Шах-наме» полемику с официальной религией Корана, которая вытеснила древнеперсидский культ бога Аня. Коран интерпретируется у Гейне как мрачный символ порабощения Ирана арабами в 636—651 гг.

Стр. 173. *Гасна* — древний город на северо-востоке Афганистана.

Стр. 174. *...Царь от головы до ног.* — Скрытая цитата из трагедии Шекспира «Король Лир» (IV, 6).

Стр. 175. *Анзари* — придворный поэт шаха Магомета.

Тус — город, близ которого родился Фирдоуси.

Стр. 177. «Ля-иль-ля иль алла!» — «Нет бога кроме бога!» (а р а б.), формула Корана.

Испанские Атриды (с. 184). — Стихотворение написано по мотивам эпизода из средневековой истории Испании. Атриды — потомки Атрея, над которым тяготело проклятие богов (греч. миф.). История Атридов полна кровавых событий.

В лето тысяча и триста // Восемьдесят три... — Гейне ошибочно указывает дату; Энрике II умер в 1379 г.

Локуста — легендарная изготовительница ядов в Древнем Риме.

Стр. 185. *Диего Альбукерке* — воспитатель короля Педро, затем его министр.

Калатрава — рыцарский орден, основанный в 1158 г. в Испании для обороны замка Калатрава от мавров.

Донна Фама. — Гейне шутливо вводит в повествование римскую богиню молвы, сплетен, пересудов.

Стр. 190. *Валтасаров пир*. — См. также стихотворение «Валтасар» (с. 5 наст. изд.).

Стр. 193. *Церера* — древнеримская богиня плодородия. *Прозерпиночка* — дочь Цереры Прозерпина.

Стр. 194. *Сенешаль* (фр.) — управитель королевского двора.

Стр. 199. *Как Геллерт...* — Принц Генрих Прусский в 1768 г. подарил заболевшему поэту Кристиану Геллерту (1715—1769) коня для верховых прогулок.

Стр. 206. *...не все умны, как Флакк...* — Римский поэт Гораций Флакк, участвовавший в битве при Филиппах (42 г. до н. э.), бежал с поля боя.

Стр. 207. *Не в честь ли Гёте пир?* — В 1849 г. широко праздновалось столетие со дня рождения Гете.

Зонтаг Генриетта — известная певица; после двадцатилетнего перерыва вернулась в 1849 г. на сцену.

А Лист? — Известный венгерский композитор и пианист

Ференц (Франц) Лист (1811—1886) в конце 40-х гг. перешел в католичество.

...царской иль кроатской пикой. — Венгерская революция была подавлена казачьими частями русской царской армии и кроатскими реакционерами.

...И шпагу он не вынет из комода. — Во время триумфальных гастролей в Венгрии Листу была торжественно вручена драгоценная шпага.

Стр. 208. *С быком вступил в союз медведь...* — Под быком Гейне имеет в виду Австро-Венгрию, под медведем — Россию.

Д и с п у т (с. 211). — Стихотворение демонстрирует иронически-отрицательное отношение Гейне к любым религиозным вероисповеданиям. В средневековой Европе было принято проводить диспуты, подобные описанному.

Стр. 214. *Бланш Бурбон (донья Бланка), Педро Жестокый.* — См. стихотворение «Испанские Атриды» (с. 184).

Стр. 222. *Левиафан* — по библейской легенде, гигантская рыба, мясом которой в день Страшного суда насытятся праведники.

Стр. 223. *«Мишна»* — часть Талмуда.

Стр. 224. *«Таусфес-Ионтоф»* — комментарий к «Мишне».

Корей (точнее: Кора) — по библейской легенде, возглавил заговор против Моисея, за что и был поглощен землей.

Стр. 225. *Буду я, как Мириам...* — Мириам (Мариам) — в Библии сестра Моисея, от радости плясала после чудесного перехода евреев через Красное море.

Стр. 228. *...И с ними гений Джакомо...* — Имеется в виду Джакомо Мейербер (1791—1864) — известный композитор, служивший для Гейне мишенью частых и несправедливых нападок.

Невольничий корабль (с. 231). — На близкий сюжет написаны стихотворение Беранже «Негры и марионетки» и новелла Мериме «Таманго».

Суперкарго — уполномоченное лицо, сопровождающее коммерческий груз на корабле и ответственное за его доставку.

Стр. 236. ...*Сказал поэт Альбиона*. — Альбион — Англия. Цитируется драма Шекспира «Венецианский купец» (V, 1).

А ф р о н т е н б у р г (с. 236). — Заглавие — словообразование Гейне; в переводе на русский язык — «Замок оскорблений». Имеется в виду загородная вилла близ Гамбурга, принадлежавшая дяде поэта, крупному банкиру Соломону Гейне, где в молодости на долю поэта выпало немало горьких унижений.

Стр. 237. ...*От старого брюзги Борей*. — Борей — бог северного ветра (г р е ч. м и ф.); здесь имеется в виду Соломон Гейне.

Стр. 244. *Нетшер Каспар* (1639—1684) — голландский художник.

Стр. 246. ...*Иокасты сын и Лайя* — имеется в виду царь Эдип, который разгадал загадку сфинкса, после чего чудовище рухнуло со скалы и погибло (г р е ч. м и ф.).

Стр. 252. *Ксантуна* — намеренное шутовское искажение имени Ксантипы, жены древнегреческого философа Сократа, известной своей сварливостью.

Стр. 253. *Малибран* — знаменитая французская певица.

Рубини, Марио, Тамбурини — итальянские певцы.

Стр. 255. *Авалун* — остров фей в скандинавской мифологии.

1 6 4 9 — 1 7 9 3 — ? ? ? ? (с. 260). — Резкость, с которой здесь Гейне высказывает мысль о неизбежности уничтожения монархического строя, еще раз свидетельствует о политическом радикализме поэта даже в последние годы его жизни. 1649 г. — год казни Карла I (см. примеч. к с. 150). *Луи Капет* — король Франции (Людовик XVI), был казнен в 1793 г. *Мария-Антуанетта* — его жена.

О с л ы - и з б и р а т е л и (с. 261). — Сатира на Франк-

фуртское национальное собрание, избравшее в 1848 г. имперского правителя и тем самым предавшее революцию 1848 г.

Стр. 269. *Тантал* — царь фригийцев (греч. миф.). За то, что выдал тайны богов, был осужден в царстве мертвых на вечные муки голода и жажды: стоя по горло в воде, он не мог напиться и не мог достать плоды, свисающие над водой.

Стр. 270. *Голубой цветок*. — В романе немецкого романтика Новалиса «Генрих фон Офтердинген» символизирует познание всех тайн бытия; вскоре после публикации романа (1802) на длительное время стал универсальным романтическим символом стремления к бесконечному, к непознанному; Гейне прибегает к этому символу в ироническом смысле.

Стр. 273. *Зигфрид* — герой древнегерманского эпоса «Песнь о Нибелунгах»; выкупавшись в крови убитого им дракона, стал неуязвим. Но во время купания у него между лопатками прилип листок липы, и в это незащищенное место ему нанес предательский смертельный удар Хаген.

А. Д м и т р и е в

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕСЕН

ЮНОШЕСКИЕ СТРАДАНИЯ

«Колыбель моих страданий...» Перевод В. Левика	3
Гренадеры. Перевод М. Михайлова	4
Валтасар. Перевод М. Михайлова	5
«Разубранному в золото чурбану...» Перевод В. Левика . .	7

ЛИРИЧЕСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

«Чудесным светлым майским днем...» Перевод В. Зоргенфрея	8
«Я в чашу лилии белой...» Перевод В. Зоргенфрея	8
«На крыльях песни, подруга...» Перевод В. Левика	9
«Поднявшись над зеркалом Рейна...» Перевод В. Левика .	10
«На глазки возлюбленной моей...» Перевод В. Коломий- цева	10
«Ангел мой, я жду ответа...» Перевод В. Левика	11
«Как из пены волн рожденная...» Перевод М. Михайлова .	12
«Я не сержусь: простить достало сил...» Перевод И. Анненского	12
«Рокочут трубы оркестра...» Перевод С. Маршака	12
«Отчего весенние розы бледны...» Перевод В. Левика . . .	13
«Они наплели немало...» Перевод В. Коломийцева	13
«И розы на щечках у милой моей...» Перевод М. Михай- лова	14
«На севере диком стоит одиноко...» Перевод М. Лермон- това	14
«Из муки моей нестерпимой...» Перевод В. Зоргенфрея .	15
«Надев сюртучки побогаче...» Перевод Ал. Дейча	15
«Юноша девушку любит...» Перевод Л. Гинзбурга	16
«Из старых сказок машет...» Перевод В. Левика	16
«Они меня истерзали...» Перевод Ап. Григорьева	17
«На щечках твоих румянец...» Перевод В. Левика	18

«Двое перед разлукой...» Перевод С. Маршака	18
«За столиком чайным в гостиной...» Перевод С. Маршака	19
«Мне сон старинный приснился опять...» Перевод В. Зоргенфрея	19
«Во сне я горько плакал...» Перевод В. Зоргенфрея	20

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

«Не знаю, что стало со мною...» Перевод В. Левика	21
«Печаль, печаль в моем сердце...» Перевод В. Левика	22
«По роще брожу я, рыдая...» Перевод А. Ревича	23
«Когда мне семью моей милой...» Перевод В. Левика	23
«Красавица рыбачка...» Перевод В. Левика	24
«Когда твоим переулком...» Перевод В. Левика	25
«На пасмурном горизонте...» Перевод В. Левика	25
«Город уснул, я брожу одиноко...» Перевод В. Левика	26
«Сменяются поколения...» Перевод В. Левика	26
«Что нужно слезе одинокой?...» Перевод В. Левика	27
«Любовь, толкуют люди...» Перевод В. Левика	27
«Неужели ты ни разу...» Перевод П. Вейнберга	28
«Пока изливал я вам скорбь и печали...» Перевод В. Левика	28
«Не подтрунивай над чертом...» Перевод С. Маршака	29
«Мы были совсем еще дети...» Перевод Р. Дубровкина	29
«Я как-то грустно-беспокоен...» Перевод Т. Сильман	30
«Как из тучи светит месяц...» Перевод В. Левика	31
«Довольно! Пора мне забыть этот вздор!..» Перевод А. К. Толстого	32
«Хотелось, чтоб вместе мы были...» Перевод П. Карпа	32
«У вас вечеринка сегодня...» Перевод Ал. Дейча	33
«Хотел бы в единое слово...» Перевод Л. Мея	34
«Кто впервые в жизни любит...» Перевод В. Левика	34
«С тобою в ночном дилижансе...» Перевод А. Ревича	35
«И если ты станешь моей женой...» Перевод В. Левика	35
«К плечу белоснежному милой...» Перевод С. Маршака	35
«Трубят голубые гусары...» Перевод С. Маршака	36
«Я и сам в былые годы...» Перевод Л. Мея	36
«Ах, опять тот взор, что прежде...» Перевод В. Левика	37
«Кричат, негодуя, кастраты...» Перевод С. Маршака	37
«Я с первых же слов, по улыбке, по взглядам...» Перевод В. Левика	38

«Вечереет. Поздним летом...» Перевод В. Левика	38
«В сердце боль, устали ноги...» Перевод В. Левика	39
«Где, скажи мне, та, чью прелесть...» Перевод В. Левика	39

ИЗ «ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ГАРЦУ»

1824

Пролог. Перевод Ал. Дейча	40
-------------------------------------	----

СЕВЕРНОЕ МОРЕ

1825—1826

Цикл первый

Венчание. Перевод Г. Ратгауза	41
Сумерки. Перевод П. Вейнберга	42
Закат солнца. Перевод М. Михайлова	43
Ночь на побережье. Перевод С. Ошеровой	45
Посейдон. Перевод М. Михайлова	48
Признание. Перевод М. Михайлова	49
Ночью в каюте. Перевод В. Разумовского	51
Буря. Перевод В. Левика	53
Морская тишь. Перевод М. Михайлова	55
Морской призрак. Перевод М. Михайлова	55
Очищение. Перевод П. Карпа	58

Цикл второй

Слава морю. Перевод В. Левика	59
Гроза. Перевод М. Михайлова	61
Кораблекрушение. Перевод Ф. Тютчева	62
Закат солнца. Перевод Г. Ратгауза	63
Песнь океанид. Перевод М. Михайлова	65
Боги Греции. Перевод С. Ошеровой	68
Вопросы. Перевод Ю. Очиченко	72
Феникс. Перевод М. Михайлова	72
В гавани. Перевод С. Ошеровой	74
Эпilog. Перевод П. Карпа	76

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

НОВАЯ ВЕСНА

«В белый сад выходишь утром...» Перевод В. Левика	77
«Счастьем девственным томимы...» Перевод В. Левика	78
«Зазвучали все деревья...» Перевод В. Левика	78
«И эта истома, и звон колокольный...» Перевод В. Левика	79
«Весны синеют очи...» Перевод Т. Сильман	79
«В глазах твоих синих-синих...» Перевод Т. Сильман	80
«Снова в сердце жар невольный...» Перевод В. Левика	80
«Как гвоздики знойно дышат!...» Перевод А. Мушниковой	81
«Сон ли прежний я лелею...» Перевод В. Левика	82
«Поцелуй, что взят во мраке...» Перевод М. Павловой	82
«Жил-был король суровый...» Перевод Е. Книпович	83
«Прошедшего смутный облик...» Перевод Р. Дубровкина	83
«Видел я, как в чаще леса...» Перевод М. Павловой	84
«Утром шлю тебе фиалки...» Перевод В. Коломийцева	85
«Вы, право, не убили...» Перевод В. Левика	85
«О, не бойся, что пред всеми...» Перевод В. Левика	85
«Ночь ли, день ли — все ликует...» Перевод В. Левика	86
«Бродят звезды-златоножки...» Перевод В. Левика	87
«Весна грустит; глядят с кручиной...» Перевод А. Шкаффа	87
«Я вновь мучительно оторван...» Перевод В. Левика	88
«Надежды расцветают...» Перевод В. Левика	88
«Небо старцем красноглазым...» Перевод А. Шкаффа	89
«Влачусь по свету желчно и уныло...» Перевод В. Левика	89
«Осень. Пал туман на долины...» Перевод В. Левика	90

РАЗНЫЕ

С е р а ф и н а

«Поздно вечером брожу я...» Перевод В. Левика	90
«На пустынный берег моря...» Перевод В. Левика	91
«С каким любопытством чайка...» Перевод В. Левика	91
«Она, как серна, от меня...» Перевод В. Левика	92
«Блещут маленькие звезды...» Перевод В. Левика	93
«Тени, тени — всё для тлена...» Перевод В. Левика	94
«Девушка у причала...» Перевод В. Левика	95
«На черных ветрилах летит мой корабль...» Перевод В. Левика	95

Анжелика

- «Взыскан я улыбкой бога...» Перевод В. Коломийцева . . . 95
 «Ты быстро шла, но предо мною...» Перевод А. Майкова . . 96
 «Закрыв глаза ей, алый рот...» Перевод В. Коломийцева . . 96
 «В час, когда любовниц милых...» Перевод М. Фромана . . 97
 «Не отвергай! Пусть жар погас...» Перевод В. Левика . . . 97
 «Эта масленица страсти...» Перевод А. Мейснера 98

Гортензия

- «Был когда-то я уверен...» Перевод Н. Григорьевой . . . 99
 «Зреет яблоко на древе...» Перевод Н. Григорьевой 99
 «Недолгим счастьем, милый друг...» Перевод Н. Григорьевой 100

Кларисса

- «Ты не внемлешь пылким клятвам...» Перевод
 Е. Аксельрод 100
 «Все слишком поздно — вздох твой встречный...»
 Перевод Е. Аксельрод 101

Иоланта и Мария

- «Эти дамы понимают...» Перевод В. Левика 101
 «Юность кончена. Приходит...» Перевод В. Левика 102
 «Тенью мрачною, густою...» Перевод Д. Горфинкеля . . . 102

На чужбине

- «Из края в край твой путь лежит...» Перевод М. Михайлова 103
 «Был у меня когда-то край родной...» Перевод В. Разумовского 104

РОМАНСЫ

- Anno 1829. Перевод В. Левика 104
 Anno 1839. Перевод М. Лозинского 105
 Рыцарь Олаф. Перевод Е. Книпович 107

Психея. Перевод С. Маршака	110
Незнакомка. Перевод П. Карпа	110
Фрау Метта. Перевод В. Левика	112

OLLEA

Странствуй! Перевод С. Маршака	114
Старинная песня у камина. Перевод Л. Гинзбурга	115
Напрасное томление. Перевод Т. Сильман	116
Ангелы. Перевод А. Ревича	117

СОВРЕМЕННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Доктрина. Перевод Ю. Тынянова	118
Предостережение. Перевод З. Морозкиной	118
Тайна. Перевод В. Левика	119
Тамбурмажор. Перевод А. Мушниковой	119
Жизненный путь. Перевод В. Левика	122
Вот погодите! Перевод Ал. Дейча	122
Ночные мысли. Перевод М. Михайлова	123

ДОПОЛНЕНИЯ

1812—1831

Любовная жалоба. Перевод В. Зоргенфрея	125
Урок. Перевод В. Зоргенфрея	127
«Не верую я в небо...» Перевод Ю. Тынянова	127
«Цветы к лучезарному солнцу...» Перевод А. Ревича	128
«Исходя печалью нежной...» Перевод А. Ревича	128
«Кто память у сердца отнимет...» Перевод П. Карпа	129
«Узы дружбы, пыл сердечный...» Перевод В. Зоргенфрея	129
«Весь день о ней я тосковал...» Перевод В. Зоргенфрея	130
«Ты губы в кровь искусила мне...» Перевод В. Зоргенфрея	131
«Когда ты раскрыла объятия — о боги!...» Перевод В. Левика	131
«Меня ты, крошка, не конфуз...» Перевод В. Зоргенфрея	131
«Ты красива, ты богата...» Перевод В. Левика	131
«Поля и леса зеленеют...» Перевод В. Зоргенфрея	132
«Пробудись, мечта былая...» Перевод А. Ревича	133

«В серый плащ укрылись боги...» Перевод В. Левика . . .	134
«На небе полная луна...» Перевод А. Мейснера	135
«Был месяц март, когда любовь...» Перевод В. Зорген- фрея	135
«Я много творю песнопений...» Перевод В. Левика	136
«Когда с любимой мы вдвоем...» Перевод В. Левика	136
«Моим бы песням нежным...» Перевод В. Зоргенфрея . .	137
«Когда подступает волшебный миг...» Перевод В. Зорген- фрея	137
«Если ты связан интимно с дамой...» Перевод М. Фро- мана	138
«Вновь с истерзанной душою...» Перевод А. Энгельке . .	138
«Храни вас господа забота...» Перевод П. Вейнберга . . .	139
«Весь день я в уладах небесных провел...» Перевод В. Левика	139
Пригрезившееся счастье. Перевод В. Левика	140
Уходящее лето. Перевод В. Левика	140
К Дженни. Перевод Л. Гинзбурга	141
«Что за роскошь, соразмерность...» Перевод П. Быкова .	142
«Звезды глаз в красе смертельной...» Перевод Д. Щедро- вицкого	143
«Зазвенело в песне звонкой...» Перевод М. Фромана . . .	143

РОМАНСЕРО

Валькирии. Перевод Л. Гинзбурга	144
Поле битвы при Гастингсе. Перевод А. Блока и Е. Книпович	145
Карл I. Перевод З. Морозкиной	150
Мария-Антуанетта. Перевод Л. Гинзбурга	151
Помарэ. Перевод М. Павловой	154
Бог Аполлон. Перевод В. Левика	157
Золотой телец. Перевод Л. Пенъковского	162
Король Ричард. Перевод З. Морозкиной	163
Азр. Перевод М. Павловой	164
Пфальцграфиня Ютта. Перевод М. Замаховской	165
Мавританский царь. Перевод В. Левика	166
Жоффруа Рюдель и Мелисанда Триполи. Перевод В. Ле- вика	168
Поэт Фирдуси. Перевод В. Левика	171
Лесное уединение. Перевод В. Ещина	178
Испанские атриды. Перевод В. Левика	184

Семейное счастье. Перевод Л. Гинзбурга	195
Теперь куда? Перевод Л. Гинзбурга	195
Гарантия. Перевод А. Оношкович-Яцыны	196
Старая роза. Перевод В. Левика	197
Аутодафе. Перевод В. Костомарова	198
Лазарь	
Ход жизни. Перевод В. Левика	199
Оглядка. Перевод Л. Гинзбурга	199
Воскресение из мертвых. Перевод В. Левика	200
Охладелый. Перевод В. Левика	201
Погибшие надежды. Перевод В. Левика	202
День поминовенья. Перевод Н. Зиминной	203
Свидание. Перевод В. Левика	204
Госпожа Забота. Перевод Р. Дубровкина	205
В октябре 1849. Перевод В. Левика	206
Дурной сон. Перевод Р. Дубровкина	208
Она погасла. Перевод И. Елина	209
Enfant perdu. Перевод В. Левика	210
Диспут. Перевод Ал. Дейча	211

СТИХОТВОРЕНИЯ 1853 И 1854 ГОДОВ

Алкая покоя. Перевод Ю. Тынянова	227
Тело и душа. Перевод Е. Дмитриевского	228
Красные туфли. Перевод Ю. Тынянова	229
Невольничий корабль. Перевод В. Левика	231
Афронтенбург. Перевод В. Левика	236
К Лазарю	
I. «Брось свои иносказанья...» Перевод М. Михайлова	239
II. «Висок мой вся в черном госпожа...» Перевод М. Тарловского	240
III. «Как медлит время, как ползет...» Перевод В. Левика	241
IV. «Цветами цвел мой путь весенний...» Перевод В. Левика	241
V. «Я знал их в радости и в горе...» Перевод В. Левика	242
VI. «Ты девушкой была изящной, стройной...» Перевод Л. Гинзбурга	243
VII. «Да, ты оправдана судом...» Перевод В. Левика	244

VIII. «Был молнией, блеснувшей в небе...» Перевод М. Заматовской	245
IX. «Образ сфинкса наделен...» Перевод О. Чюминой	245
X. «Три пряжи сидят у распутия...» Перевод М. Тар- ловского	246
XI. «Меня не тянет в рай небесный...» Перевод В. Ле- вика	247
Стрекоза. Перевод Р. Дубровкина	248
Вознесение. Перевод Л. Пеньковского	250
Рожденные друг для друга. Перевод Е. Дмитриевского	254
Капризы влюбленных. Перевод В. Левицкого	255

ДОПОЛНЕНИЯ

1848—1856

Михель после Марта. Перевод В. Левика	258
1649—1793—???? Перевод В. Левика	260
Ослы-избиратели. Перевод И. Мирымского	261
Бродячие крысы. Перевод В. Левика	264
Песнь Песней. Перевод В. Левика	266
Цитрония. Перевод В. Левика	267
Крик сердца. Перевод В. Левика	271
Где? Перевод И. Елина	271
«Да не будет он помянут!..» Перевод Ю. Тынянова	272
«В диком бешенстве ночами...» Перевод Л. Руст	273
«Мой день был ясен, ночь моя светла...» Перевод В. Ле- вика	274
«Вечность, ох, как ты долга!..» Перевод М. Тарловского	274
«Час за часом, дни и годы...» Перевод Л. Руст	275
«В мозгу моем пляшут, бегут и шумят...» Перевод В. Ле- вика	275
«Землю губит злой недуг...» Перевод В. Левика	278
«Завидовать жизни любимцев судьбы...» Перевод В. Ле- вика	279
Аллилуйя. Перевод А. Мушниковой	281
Целимена. Перевод В. Левика	284
«Ни увереньями, ни лестью...» Перевод М. Тарлов- ского	284
«В часах песочная струя...» Перевод В. Левика	285
Прощание. Перевод Д. Минаева	285

«Цветы, что Матильда в лесу нарвала...» Перевод В. Левика	286
«Как твой пастух, немалый срок...» Перевод В. Левика .	287
«Приходит смерть. Теперь скажу я...» Перевод Ал. Возне- сенского	288
«Я разум твой приворожил...» Перевод Р. Дубровкина . .	289
Лотос. Перевод В. Левика	290
«Вместо дел — засилье слова!..» Перевод М. Тарловского .	290
«Пытай меня, избежь бичами...» Перевод В. Левика	291
Мушке. Перевод В. Левика	292
Примечания А. Дмитриева	299

Гейне Г.

Г 29

Стихотворения: Пер. с нем./Сост. и примеч. А. Дмитриева. — М.: Худож. лит., 1985. — 319 с. (Классики и современники. Поэтич. б-ка)

В книгу вошли избранные стихотворения крупнейшего немецкого поэта XIX века Генриха Гейне (1797—1856).

Г 4703000000-185
028(01)-85 149-85

**ББК 84. 4Г
И (Нем)**

КЛАССИКИ И СОВРЕМЕННОКИ

Поэтическая библиотека

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ

Стихотворения

Редактор М. В а к с м а х е р

Художественный редактор

В. С е р е б р я к о в

Технический редактор

Л. В е ц к у в е н е

Корректоры

Н. Г р и ш и н а, Е. И в а с ю к

ИБ № 3707.

Сдано в набор 20.07.84. Подписано в печать 20.04.85. Формат 70×100 $\frac{1}{32}$. Бумага офсет. № 2. Гарнитура «Экспельсиор». Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,96. Усл. кр.-отт. 26,24. Уч.-изд. л. 12,07. Тираж 500 000 экз. (2-й завод 250 001—500 000). Изд. № 1-1718. Заказ 966. Цена 1 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Художественная литература». 107882, ГСП, Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Калинин, пр. Ленина, 5